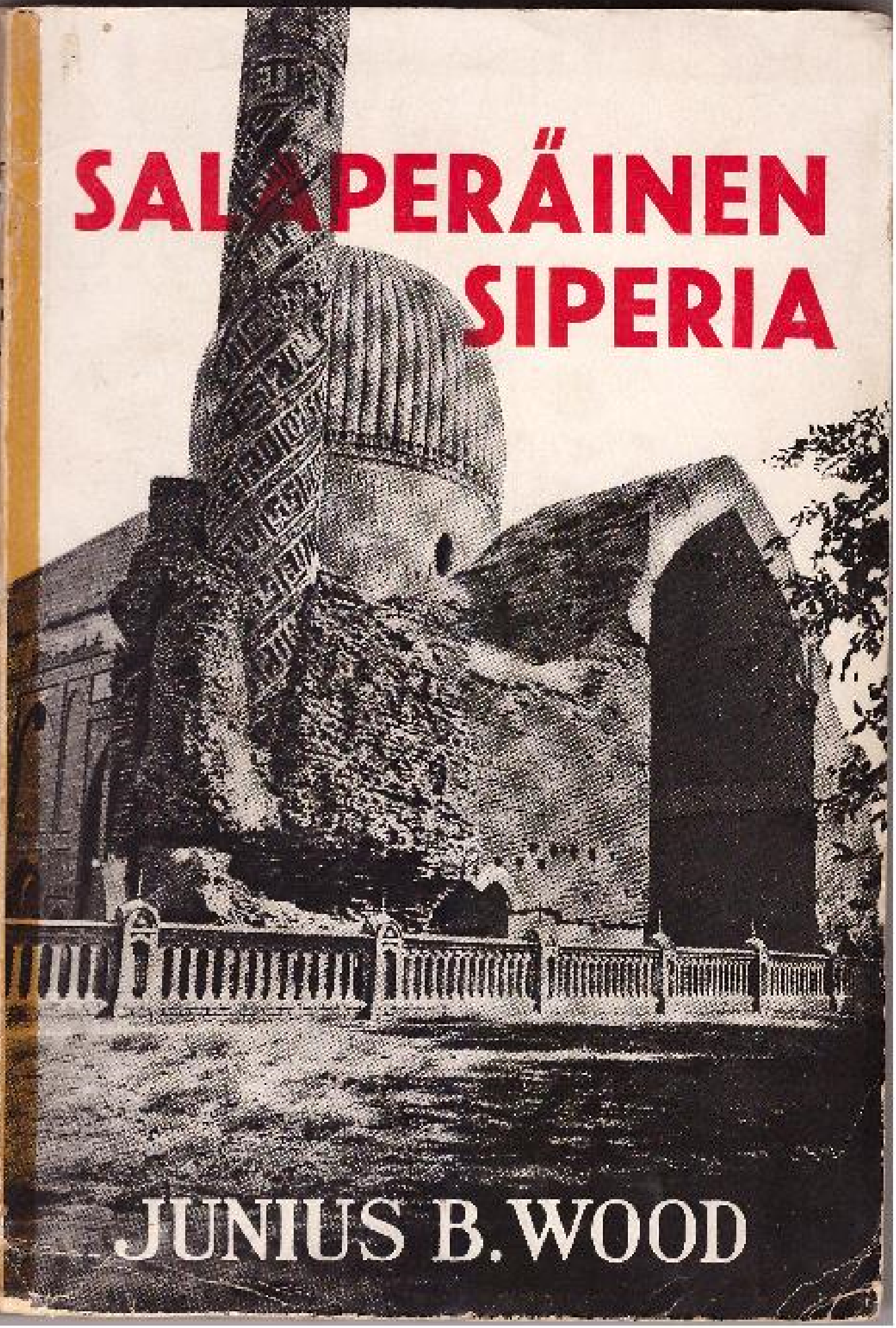
SALAPERÄINEN SIPERIA

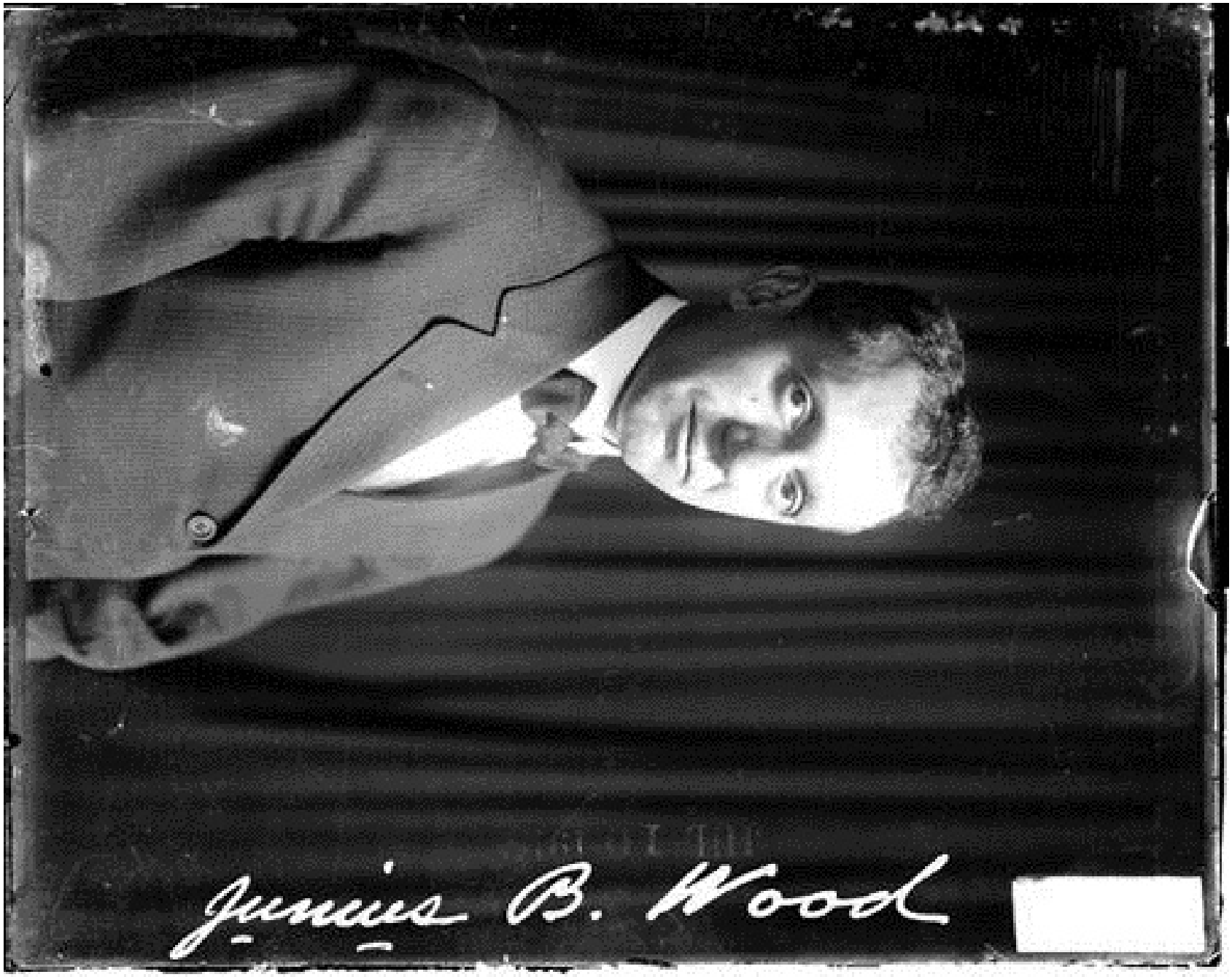
JUNIUS B. WOOD

Junius B. Wood
(Daily News)

Junius B. Wood

Перевод: Alex Alippa (май-июнь 2023г.)

Джуниус Б. (Бойд) Вуд Биография

Джуниус был президентом своего класса в 1896 году.

Для американской культуры характерна географическая, социальная и профессиональная мобильность. Это приводило к тому, что сыновья шли другим путем чем их отцы.

Пример такого противоречия между поколениями можно найти в жизни Сэмюэля С. Вуда и его сына Джуниуса Б. Вуда.

Сэм Вуд, сын фермера, почти сорок лет, с 1881 по 1920 год, работал слесарем на часовом заводе.

Большую часть своих лет он жил в одном и том же доме по адресу 444 Prairie Street в Элджине.

Сэм считал, что нужно оставаться дома, наслаждаясь знакомыми местами и друзьями.

Живя в Элджине, он лишь дважды возвращался в свой бывший дом в Пенсильвании, чтобы навестить родственников.

Он выделил всего один день на Всемирную выставку в Чикаго в 1893 году и однажды съездил на экскурсию в Клинтон, штат Айова.

В другой раз его интерес к инвестициям в землю привел его в Дакоту.

Это были единственные случаи, когда он покидал Элджин.

Поскольку Сэм надеялся, что каждая американская семья сможет иметь собственный дом, он в 1883 годк возглавил организацию Элджинской ассоциации займов и домовладений (теперь «Федеральная ассоциация жилищного строительства» Home Federal).

Объединенные сбережения ее членов обеспечивали средства для предоставления кредитов на покупку жилья под низкий процент.

Сэм Вуд входил в совет директоров Ассоциации в течение 38 лет и был ее президентом последние 11 лет. Он добровольно отдавал свое время Ассоциации, используя вечера и воскресенья, чтобы пройтись по улицам города, оценивая недвижимость.

Сэм был глубоко укоренен в своем доме, работе и сообществе; а его сын оказался мировым путешественником.

После окончания средней школы Элгина в 1896 году и Мичиганского университета в 1900 году Джуниус Вуд стал журналистом.

В качестве иностранного корреспондента газеты Chicago Daily News (1907 - 1934) он освещал кампанию генерала Першинга в Мексике - американскую оккупацию Вера-Крус, Мексика, в 1914 году и кубинскую революцию в 1917 году. Он был аккредитованным корреспондентом Американских экспедиционных сил в Европе и Сибири в 1917-1920 годах (Первая мировая война).

Джуниус Вуд работал на Балканах, в Скандинавии, Центральной и Южной Америке, Японии, Китае, Индии, Филиппинах и Аравии. Он был репортером на более чем дюжине съездов национальных политических партий, совершил перелет через всю страну на дирижабле "Шенандоа" и был пассажиром в первом рейсе воздушной почты из Аргентины в США. Младший Вуд служил в Советском Союзе в 1925-1928 годах, наблюдал за японской армией в Маньчжурии в

1932-1933 годах и был свидетелем возвышения Адольфа Гитлера в Берлине в 1933-1934 годах.

Если сегодняшняя молодежь пойдет по пути, отличному, от дорог родителей, вы можете вспомнить Вудов. Их поведение было нередким среди отцов и сыновей, и оно будет все чаще встречаться в жизни сегодняшних матерей и дочерей.

Е. К. "Майк" Алфт, "Элгин: Прошедшие дни"

НЕВЕРОЯТНАЯ СИБИРЬ

ДЖУНИУС Б.ВУД

Европейский корреспондент Chicago Daily News

НЬЮ-ЙОРК

LINCOLN MAC VEAGH • THE DIAL PRESS

LONGMANS, GREEN & COMPANY TORONTO 1928

COPYRIGHT 1928, OT DIAL PRESS INCORPORATED

Изготовлено в Соединенных Штатах Америки компанией Vail-Bollou Press, Бингемтон, Нью-Йорк.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДОКУМЕНТЫ И ГОЛОВОРЕЗЫ.

II. Новосибирск

III. "Жесткий" ВАГОН

IV. ЧЕРЕЗ СТЕПИ В КОРОБКЕ

V. ОЙРОТЫ ИЗ ООЛАЛЫ

VI. НЕИЗВЕСТНАЯ АМЕРИКА

VII. ХИЩНИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ

VIII. ДЕНЬ ДОМАШНЕГО ПИВОВАРЕНИЯ

IX. РАБОТНИКИ И ПУСТОЗВОНЫ

X. БАНЯ В БИЙСКЕ

XI. КАЗИНО БАРНАУЛА

XII. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

XIII. ВРЕМЯ И РАСПИСАНИЕ

XIV. УМЕРЕННЫЙ КОММУНИЗМ

XV. НАУЧНЫЕ БАСНИ

XVI. ИРКУТСК, ПАДШИЙ

XVII. БАЙКАЛЬСКАЯ ДОРОГА И НАРУШИТЕЛИ

XVIII. ШЕСТЬ ЛЕТ ПРОГРЕССА

XIX. ПЕТР ПЛАТИТ ПАВЛУ

XX. АМУРСКИЕ СИЛУЭТЫ

XXI. СРАЖАЮЩАЯСЯ ГРАНИЦА

XXII. БОЛЬШЕ НИКАКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

XXIII. ПОТЕРЯННЫЙ МАСТОДОНТ

XXIV. КРЕСТЬЯНЕ И КНЯЗЬЯ

XXV. МОСКВА ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ КУПОЛОВ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Ямщик, Коробок и автор
2. Мальчики-жонглеры ножами
3. Прилавок с обедами на сибирском вокзале
4. Главная улица Оолалы - городское болото
5. Иван Савельевич Ала Газе, президент Ойротской автономной области, у дверей резиденции главы администрации в Оолале.
6. Ойротский шаман и его сын, который носит браслеты на ногах, чтобы не дать дьяволам Земли подняться выше
7. Скамейка у ворот - центр общественной жизни Сибири
8. Крестьянская девушка в кои-то веки получила легкую работу
9. Паром в Сростках переправляется через реку
10. Сибирский однокомнатный дом
11. На рынке Бийска, тележки - это овощные прилавки
12. Утренняя торговля в Барнауле
13. Трио деревенских кокеток
14. "Коммунист" принимает дрова для топки машин в Городищах

15. Живописные здания на берегу Оби

16. Церковь и улица в Иркутске

17. Озеро Байкал в лунном свете

18. Разрушающиеся док и волнорез на станции Байкал

19. Большой проспект в Чите - это дорога из зыбучего песка

20. Плот из брёвен и плавучий дом на Амуре

21. Юное поколение музыкантов играет на аккордеоне в Чепоше

22. Из клуба "Водочный завод" все, кроме одного, умерли насильственной смертью (Унгерн фон Штернберг почёсывает собаку)

23. Деревенская "Скорая медицинская помощь" пересекает нам дорогу в Бочкарево

24. Сухарёвская башня, построенная Петром I в 1689 году, - одни из многих, так называемых, ворот в Москве.

25. Храм Василия Блаженного на Красной площади Москвы

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Эти зарисовки могут дать новую и более яркую картину Сибири, этого обширного, но малоизвестного участка Азии Они охватывают события поездки в августе и сентябре 1926 года в Союзе Советских Социалистических Республик, где политика доминирует над всей деятельностью промышленности, человека или природы, а отеческое правительство предписывает своим гражданам каждое действие, каждое слово или каждую мысль. Вездесущему чиновнику должно быть место везде.

Дж. Б. У.

Москва, США.

30 марта 1927 года.

НЕВЕРОЯТНАЯ СИБИРЬ

ГЛАВА I. ДОКУМЕНТЫ И ГОЛОВОРЕЗЫ

Молодой человек в высоких сапогах и с густыми волосами, напоминающими перевитый желтый сноп пшеницы на советском гербе, стукнул дверцей, вылезая из накренившейся машины. Мы только что покинули Свердловск, пересекли границу, отделяющую европейскую часть России от Сибири. Раньше город назывался Екатеринбург, который навсегда вошел в историю как место казни последнего из Романовых. Свердлов тогда был первым президентом Российской Советской Республики, и при переименовании населенных пунктов, он выбрал город, который он прославил, подписав приговор о казни.

Мы были в Сибири.

Молодёжь несла в себе все достоинства слишком большого количества рюмок водки.

"Документы, товарищ!" - потребовал он, устремив на "товарища", сидящего на одной из жестких скамеек гражданина с флегматичным лицом, пристальный официальный взгляд. Строго говоря, обращаться "товарищ" можно только к членам коммунистической партии или Коминтерна.

Впрочем, это всего лишь вежливое обращение, как "полковник" в Кентукки. Другие пассажиры растянулись на жестких скамьях, разогнулись и вытянули головы, выглядывали из-за открытых перегородок. Молодой человек в ответ заявил, что сначала он должен проверить их документы - обязанность, которой он проникся по мере того, как рюмки водки одна за одной приближали поезд к Сибири.

В вагоне сразу же зашумели.

"Я из "гей-пе-уу", - объявил вошедший. Заявление о связи с грозной политической полицией не заставило утихнуть шум. Тайная полиция, путешествующая под видом обычных пассажиров - а таких немало - не должна раскрывать свою личность.

Здесь был прекрасный шанс для спора, желанное развлечение в жестком вагоне.

Мужчина с невозмутимым лицом не стушевался под официальным взглядом. Он смотрел в ответ немигающими глазами, ни один мускул не дрогнул. Возможно, за этим инцидентом скрывалось нечто большее, чем просто: толкание локтями перед крестьянской палаткой с жареными цыплятами на вокзале, стычка с соперником в предыдущем путешествии или какое-нибудь дело о контрабанде, которое ни один из них не хотел обсуждать.

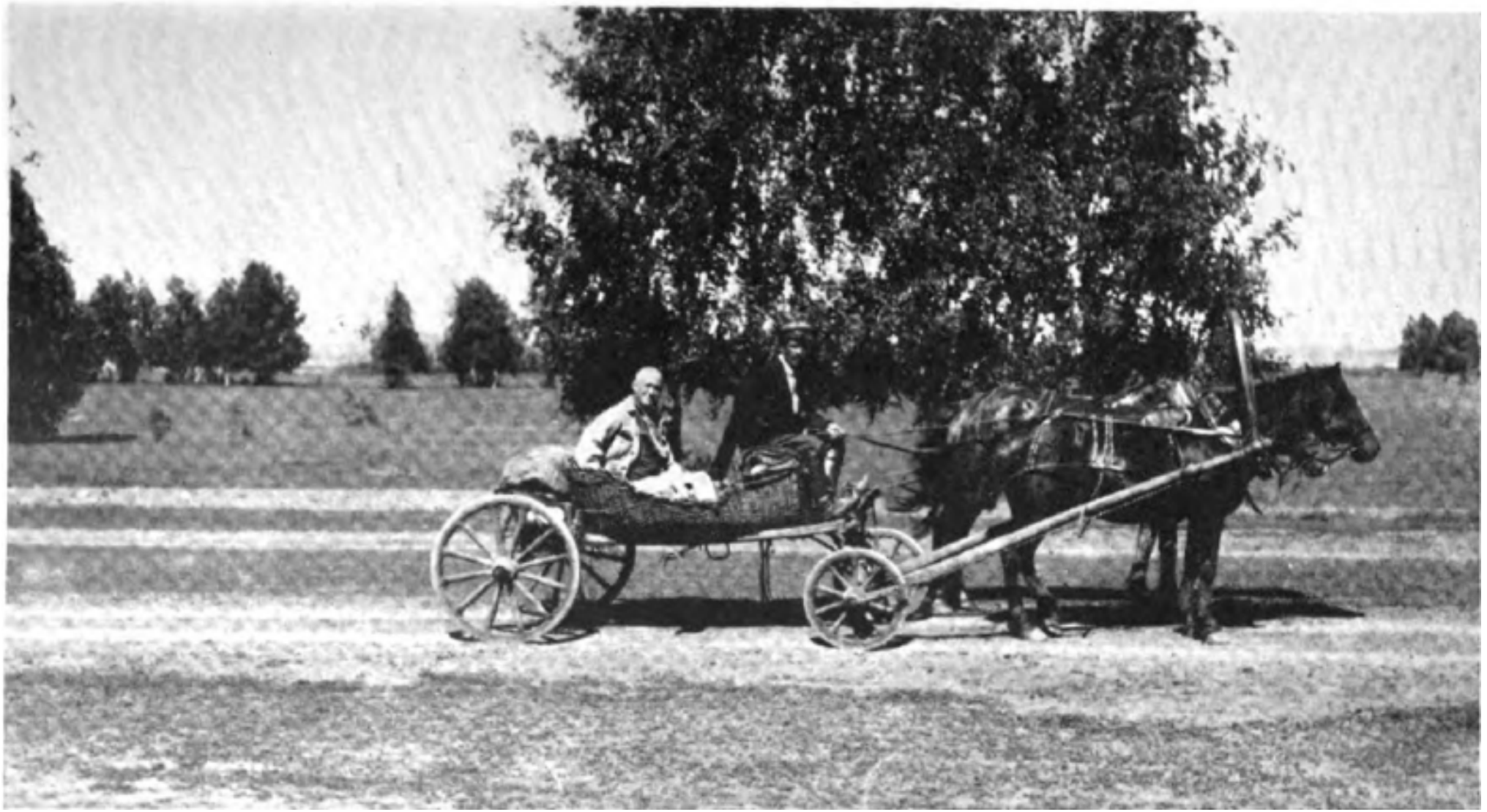
Большая часть пассажиров в этом вагоне были постоянными пассажирами, да к тому же головорезами, все знали друг друга в лицо, и мало кто ездил туда-сюда из Владивостока в Москву вдоль маньчжурской границы, одиннадцать дней и ночей на жестких скамейках, ради удовольствия. Контрабанду через одинокую маньчжурскую границу трудно остановить - шелка, пудра для лица, опиум, нижнее белье и многое другое, а цены в Москве во много раз превышают стоимость в Китае. Багаж этих заядлых путешественников был бы интересен.

Остальные спорили, так как это стало общей проблемой. Прошло полчаса, прежде чем появился проводник. Хотя это была приятная пауза в долгой дороге, кондуктор прервал ее, чтобы проводить своего шумного протеже в "мягкий" вагон, где он мог охладить пыл и водочку ночным сном. Проводник появился снова. Видимо, он почуял либо долг, либо выгоду.

"Ваш документ, пожалуйста", - обратился он к пышногрудой девушке, одинокой, но не грустной и не смущенной.

"Вы еще один "гей-пее-ууу"?" - захихикала она.

Все приняли молчание проводника за согласие и погрузились в спор

1. Ямщик, Коробок и автор

«Я имею право попросить любого пассажира предъявить документы», — настаивал кондуктор.

— Сначала покажи мне свои документы, — воинственно возразила девушка.

Так продолжался спор, бесцельный и бесконечный. Поезд мчался сквозь лунный свет, среди березовых и сосновых лесов, белых часовых под спутанными листьями; деревни бревенчатых домов по обеим сторонам раскисшей дороги, крыши и покосившиеся заборы тускло серебрились; изредка лаяла собака или выл волк, а между ними на многие мили простирались тундра и равнина.

Отправляющийся два раза в неделю сибирский экспресс медленно останавливался на тускло освещенной станции – двухэтажном бревенчатом здании, выкрашенном в коричневый цвет.

Пассажиров не было, так как все места в поезде, от спальных до "жестких", заняты за несколько недель до отправления из Москвы. Вокруг суетились работники станции и продавцы еды - русские обладают редким талантом есть и спать, когда и где им вздумается. Проводник, временно побежденный, но упорный, ушел. Он вернулся с двумя милиционерами в форме. Девушка предъявила свой документ. Он был в порядке.

Не было причин подозревать, что это не так. Спор был окончен вничью. Она не показала его проводнику, но он его видел.

"Документ, пажалуста" (пожалуйста) - это почти приветствие в Советской России. Документ есть у всех, кроме, разве что беспризорников. Если у вас нет документа, вы просто не существуете. Это может быть заграничный паспорт, удостоверение личности, членская книжка профсоюза в красной обложке или письмо, подписанное официальным лицом и обязательно с печатью, иначе документ не будет подлинным. Просто сказать, кто вы, - это мало что значит. Документ необходим для серьезных разговоров. Без "документа" можно купить семечки за две копейки для перекуса или сделать покупку за наличные, но не более того. Если арендуется лодка для прогулки по реке; если нужно встретиться с постояльцем московского отеля "Люкс", где живут только коммунисты, включая "Большого Билла" Хейвуда; если требуется любая другая гарантия, серьезная или пустяковая, документ должен быть предъявлен.

Если нужно сфотографироваться, снять номер в гостинице, купить железнодорожный билет или попытаться сделать что-либо, выходящее за рамки обыденной рутины, документ должен быть предъявлен по первому требованию.

Каждый человек в России задокументирован, это дело для типографии и работа для секретарей, но бесполезная формальность для тех, кто хочет уклониться от нее. Это пережиток царизма. Владимир Ильич Ульянов был сослан в Сибирь, бежал, числился Николаем Лениным и с тех пор жил под этим именем. Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Литвинов, Радек, Осинский, Тобельсон и многие другие отказались от своих первоначальных имен и были задокументированы заново, когда революционные нужды заставили их скрываться от властей.

Это продолжается и по сей день. Не проходит и недели, чтобы не был арестован бывший шпион охранки, бывший сотрудник царской тюрьмы, лидер прошлой контрреволюции. Все они зарегистрированы под новыми именами, и их личности были обнаружены лишь случайно, по прошествии многих лет.

Вопрос с документами был решен. Мужчина с невозмутимым лицом растянулся на скамейке и похрапывал.

Девушка разделывалась с половиной жареного цыпленка, подаренного поклонником, а не кондуктором. Другие отставшие пассажиры возвращались с пригоршнями жареных пирожков с начинкой из мяса, буханками хлеба, солеными огурцами, бутылками горячего кипяченого молока, малиной и клубникой в кульках из обрывков

грязной бумаги и прочим необходимым для полуночного обеда.

Кто-то оставил щель в окне открытой – это вызвало много протестов, и щель устранили. Вагон был герметично закрыт. Те, кто страдает бессонницей, были бы задушены до оцепенения. Воздух в России опасен. Температура - никогда.

Поезд снова катился в пустынном лунном свете, когда я, перепрыгивая через щели между темными "жесткими" вагонами, вернулся к своему спальному месту. В купе был глоток воздуха, так как окно было открыто на дюйм. Мой попутчик лежал на своей койке, свет падал на его закрытые глаза, в одной его руке был зажат раскрытый журнал, а в зубах - потухшая сигарета. Сосед крепко спал. Это был подарок.

ГЛАВА II НОВОСИБИРСК

«Если наш идеал хорош, мы можем заставить нашу практику соответствовать ему", - сказал молодой чиновник, с которым я обедал сегодня днем, выражая часто повторяемый советский принцип. Он поднял вопрос о государственной монополии на торговлю, и я признал, что в теории это хорошо. Мы находились в маленьком ресторанчике, расположенном недалеко от грязной главной улицы Новосибирска, который назывался "Казино" из-за того, что правительственный игорный дом, открытый двадцать четыре часа в сутки, находился в другом бревенчатом здании в том же дворе.

Каждые несколько минут один из оборванных бездомных детей, которые вездесущи в Советской России, проскальзывал в дверной проем, выпрашивал кусок хлеба у одного из посетителей и снова выбегал на улицу, преследуемый официантом с размахивающим полотенцем. За углом, на главной улице, весь день дымил асфальтовый котел. Его остатки теплой древесной золы служили спальным местом для оборванцев в прохладные ночи. Но игорный дом на заднем дворе, где разношерстная

компания мужчин и женщин сидела вокруг потрепанного chemin de fer (стол для игры во французский аналог баккара)стола, управлялся правительством, якобы с благотворительной целью заботы о бездомных детях. Такова разница между идеалами и практикой.

Теория молодого человека была верна при условии, что человеческая природа и механизмы, воплощающие идеалы в жизнь, могут быть признаны совершенными на 100 процентов. За два года с тех пор, как Новосибирск был переименован из Новониколаевска, его население выросло с 60 000 до 120 000 человек, и этот рост характерен для новой эпохи в России.

В прежние времена - "мирное время", как называют его русские - строились церкви. Самым внушительным сооружением в каждой бревенчатой деревне была многоступенчатая церковь.

Теперь они строят общественные здания, и Новосибирск, столица огромного западного района Сибири, превышающего по площади всю Европу, является примером новой практики.

Она отличается от американской теории, согласно которой в растущем городе на первом месте стоят дома. Российская психология иная - город ценится своими внушительными общественными сооружениями, хотя его жители живут без комфорта, удобств и чистоты.

Накануне вечером, когда я шел в город от железнодорожной станции в морозном лунном свете, новые здания и строительные леса других выделялись на фоне горизонта, формируя программу города, который только создавался. На железной решетке за разбитыми подвальными окнами телеграфной конторы спали три маленькие фигурки, впитывающие тепло машинного отделения, - бездомные мальчики. Их нет в программе.

Прогресс в Советской России кажется копированием или прикрытием, начиная сверху и предоставляя низу возможность позаботиться о себе самому.

"Время - деньги", - говорил Товарищ Щукин. "Это американское выражение, и мы пытаемся привнести

американские методы в Сибирь. Мы называем Новосибирск Сибирским Чикаго".

Товарищ Щукин - глава государственного строительного управления, чьи сооружения, некоторые из которых завершены, а другие находятся на стадии завершения, являются наиболее заметными чертами новой столицы Западной Сибири. Он мошенник и русский, возможно, редкий экземпляр, один из тех, кто, хотя и молод, вышел из хаоса, с которого началось большевистское правительство. У него была небольшая контора в Бийске.

Хотя он прожил там всю свою жизнь, он видел, что ручьи грязной жижи, которые называются улицами, можно было бы улучшить, если бы их вымостили.

Он начал, местные жители очень удивились такой экстравагантности. Затем он взял бывший магазин Второва, такие были в каждом крупном городе Сибири, и переоборудовал его в гостиницу с одной ванной комнатой (санузлом).

Его слава дошла до Новосибирска, и он получил там более широкое поле для своей деятельности.

Строительный сезон всегда закрывается из-за холодов 15 октября, но он добивается результатов в летние месяцы, и новые творения сибирских архитекторов фактически завершены. Его надо послать в Москву, и претенциозная строительная программа, которая провозглашается каждый год, может быть воплощена в кирпич и камень, а не просто заполнена пачками бумаги.

«Теперь мы платим Госбанку [Госбанку СССР] 12% по строительным кредитам, тогда как до войны госбанк брал только 6%», — пояснил другой чиновник, практически все кредиты даются другим государственным учреждениям, которые строят. «Новосибирск приветствовал бы американскую строительную фирму, которая создала бы акционерное общество с государством, привезла бы современную технику и опыт. Это было бы выгодно. Железобетонное здание, которое мы возводим на новой площади, первое в своем роде в Сибири, для офисов, театра и жилых домов, будет стоить 700 000 долларов. Все помещения в нем уже сданы в аренду за $125 000 в год. Стоимость строительства сейчас высока, потому что все приходится делать вручную".

Это подняло неизменную тему восстановления дипломатических отношений между двумя странами. Россиянин твердо убежден, что как только дипломатические отношения будут возобновлены, последуют неограниченные кредиты от Соединенных Штатов. . Он усвоил некоторые устоявшиеся теории, преподаваемые официально, в отношении старых русских долгов. Отказ от уплаты долгов также пользуется популярностью в России.

"Если вы придерживаетесь принципа неуплаты долгов, как вы можете рассчитывать на дальнейшие займы?" - спрашивали его.

"Франция не будет выплачивать свой долг Соединенным Штатам, так почему Россия должна это делать?".

"Вы не примете капиталистическую страну в качестве образца для своего пролетарского государства?".

"Нет, но эти долги были взяты для военных целей, и социалистическая партия во время русско-японской войны сделала заявление, что они не будут

выплачены. Советское государство не объявляло дефолт по своим долгам.

Если мы заплатим эти старые долги, то мы станем колонией капиталистической Европы или Америки».

Аргумент всегда один и тот же. Естественно, Советское государство не объявило дефолта ни по одному из своих долгов, поскольку не было ни необходимости, ни возможности сделать это. В массах народа отказ от старых долгов, по-видимому, воспринимается как искуснейший дипломатический прием советских руководителей. У лидеров есть основания утверждать, что даже если они и готовы были бы изменить свою позицию отказа от всех долгов, общественность обвинит их в предательстве принципа, который пользуется огромной популярностью..

Новосибирск, который 30 лет назад представлял собой несколько бревенчатых домов в сосновом бору на восточном берегу Оби, демонстрирует огромную строительную активность, даже бОльшую чем Москва. Главная улица города, которая протянулась от реки до

окраины, с парковой аллеей в центре улицы, где сидят и мечтают влюбленные и бездельники, вымощена.

Разбросанные лачуги на месте бывшего рынка в центре города были снесены для создания парка и плаца, вокруг которого будут сгруппированы новые здания. Уже построены здания почты и телеграфа, Всесибирского исполнительного комитета, Госторга (государственной торговой корпорации), Госбанка и Дома живого ленинизма.

За последним, где похоронены жертвы экспедиции Колчака, стоит памятник, представляющий собой руку, держащую факел свободы, выходящую из скалы. Государственная программа строительства в 1926 году составила $3 000 000, частные лица вложили $500 000

Сибирские архитекторы спроектировали здания и дали волю революционной фантазии. Конструкции странные. Когда выходишь на улицу после грязной двадцатиминутной тряской поездки от железнодорожного вокзала в центр города, создается впечатление, что попал в кубистический город мечты. Здания выкрашены в стальной серый цвет с

огромными квадратами и полосами темно-синего цвета. Внешне они похожи на крепости или мавзолеи, хотя построены из кирпича, чтобы выдержать температуру 55 градусов ниже нуля зимой, и облицованы цементом. Через реку Каменка, до сих пор переходимую вброд по грязи, построен бетонный мост длиной 455 футов и высотой 95 футов.

Строится рабочий дворец со странными кубическими башнями и панелями для офисов профсоюзов, большое здание для офисов текстильного синдиката и еще одно здание банка. В прошлом году была построена электростанция, все машины российской конструкции, с двумя 500-ваттными динамо-машинами, которая работает ночью по цене 8,5 центов за киловатт, и ее мощность должна быть увеличена в четыре раза. Планируется добавить водонасосную станцию (фильтры были заказаны в США). После того как будут проложены трубы, за ними последуют тележки. В настоящее время тележки поднимают воду по крутому склону из сомнительной Оби, текущей на север к Северному Ледовитому океану.

Новосибирск называет себя Чикаго Сибири, так же как Бернаульский район называет себя Канадой Сибири. Новосибирск поднимается из грязи. Так же, как и Чикаго.

Через несколько часов дождь прекратился, сквозь тучи изредка пробивалась полная луна, по истертым дощатым тротуарам можно было передвигаться, не соскальзывая в невидимые грязевые ямы, и все было готово для веселой ночи в столице Западной Сибири. Ливень на закате превратился в облачность, и влага под ногами была густой и глубокой. По сравнению с кинотеатрами, фильм Нормы Талмадж (Norma Talmadge), чей прокат, должно быть, достиг сотни сеансов, итальянская прическа и оперный концерт артистки, которая рекламировала себя как премьеру после успешного турне по Японии, Китаю и Монголии, делали кафе "Казино" более предпочтительным. В любом случае, было 9 часов и время поесть.

Кафе рекламировало оркестр до 2 часов ночи, если кто-то из посетителей остается допоздна.

Кафе "Казино" предлагает обед из трех блюд - суп, одно из двух мясных блюд и сдобное печенье за 45

2. Мальчики-жонглеры ножами

центов. В кафе для деловых людей обед стоит 35 центов.

Первое кафе находится в частной собственности, второе кооперативное. Первое платит высокие налоги, второе практически не платит. Еще одно часто встречающееся различие между частными и государственными заведениями заключается в том, что первые стараются привлечь посетителей как качеством предлагаемых блюд, так и обслуживанием, в то время как вторые склонны идти по принципу предоставления как можно более скудной и некачественной еды за деньги, пока официанты либо заняты едой, либо сами заняты разговором. Заведение работает на их благо, а не на благо посетителей.

Оркестр - фортепиано, скрипка и виолончель - исполнял оживленный "Еврейский свадебный марш", одесский шедевр, к большому удовольствию сидевших за столом граждан с украинскими чертами лица. Бизнес в основном заключался в торговле пивом, унылым, плоским, чуть тепловатым варевом. Кафе – летнее заведение, с деревьями, растущими

сквозь крышу, и щелями между крышей и грубыми дощатыми стенами.

Зимой посетители, когда ртуть остывает до 55 градусов ниже нуля, надевают пальто. В этот вечер было прохладно и комфортно, в отличие от обычной герметично закрытой российской столовой. Присутствовала элита. Обеденное время прошло, и остались только гуляки. Свиная отбивная стоила 50 центов, что очень дорого для Сибири, где на каждой деревенской улице свиней больше, чем жителей.

Подошел официант в синем халате, вытирая рот уголком фартука. Он любезно согласился прервать трапезу. Бритье в Сибири, похоже, является субботним мероприятием. Сегодня был вторник, и его щетина была короткой. Меню было внушительным. Большинство блюд было только в меню - ни рыбы, ни курицы, ни сибирского рябчика, ни турецкого шашлыка. Была ли у них свинина? Конечно, поймать такую можно, просто выйдя почти из любой входной двери. Поэтому, как обычно, это была свиная отбивная.

За боковым столиком сидел молодой человек в новой фетровой шляпе. Он повернул свой стул лицом к залу, чтобы все могли его видеть. Шляпу он не снимал. Она была новая. Также на нем был один из двух белых воротничков и галстуков в ресторане. Девушка и юноша заказали чай. Стакан чая и оркестр - хороший повод для часовой беседы. Она сняла белую холщовую шляпу, обнажив копну вьющихся светлых волос. Стили доходят даже до Сибири.

Обветренный «товарищ» в грязном холщовом плаще, с полинявшей большевистской фуражкой на голове, с бахромой рыжей бороды, нетвердой походкой вошел и пристроился за ближайшим столиком. Когда он засовывал фуражку в оттопыренный карман, показалась стриженая голова. Официант принес бутылку унылого пива К нему присоединился товарищ, волосатый мужчина, с взлохмаченной бородой и волосами, не причесанными с тех пор, как его мать завязала их лентами. и заказал еще, но другу ничего не предложил. Скрипка мучительно всхлипывала вопроизводя русскую классику. Слезы попали в пиво, и он вытер глаза тыльной стороной руки в перчатке. Он больше не мог этого выносить. Шесть футов роста

пронеслись через весь зал и шлепнулись на оркестровую платформу, когда он с улыбкой умолял сменить мелодию.

Оркестр был беспощаден. Он исполнил всё до последнего тоскливого аккорда. Его музыка и его литература передают ту меланхолию русского духа. Приятель пижона вернулся к своему пиву и начал спорить со своим волосатым другом. Последний, не имея пива, мало что мог сказать.

Пианист в рубашке с рукавами закончил есть яблоко, и оркестр заиграл "Тореадор". Ожили два кафе-матадора. Пока один отбивал такт ножом и вилкой, другой разразился песней. Официант тщетно пытался сдержать веселье. Энтузиасты захотели еще по одной. Один из них достал смятый бумажный рубль (50 центов). Официант грустно покачал головой, как делают все знающие официанты. Второй рубль был получен. . Эта сумма соответствовала оркестру из трех человек, и официант сделал презентацию. «Тореадор» вышел на бис

Свиную отбивную ждали долго. Возможно, сначала нужно было поймать свинью, а любящие дом свиньи в это время на улице отсутствовали. За

рестораном, в отдельном здании, находилась гостиница, а за ней, в другом бревенчатом здании, правительственный игорный дом. Пока отбивная готовилась с гарниром из картофеля и моркови, я пробрался в игорный дом - вход и шляпы были бесплатны.

Дюжина мужчин сидела за засаленным столом и играла в chemin de fer (французский аналог баккара). За спиной крупье, на всю стену, висела огромная табличка с двадцатью девятью правилами, одно из которых гласило, что нельзя делать ставки на деньги, взятые взаймы, - если разорился, иди домой. Ставки были небольшие, в рублях и копейках. Дородный, преуспевающий монгол с моржовыми усами, единственный из всей партии, кто не обманывал цирюльника, выиграл скромную кучку, потянулся и ушел. Мужчина с сандалиями на босых ногах занял его стул и поставил 15 центов на следующие карты.

"В этом году было много дождей, необычная погода", - сказал официант, убирая остатки отбивной. Это звучало знакомо, как в Лос-Анджелесе или Майами. Ливень начался снова, и обрывки тротуара имели привычку заканчиваться грязевыми ямами,

пока я пробирался обратно в отель. Была полночь. Тихие парочки тянулись домой после двух киносеансов. У входа стоял продавец сигарет. Вокруг еще тёплой асфальтовой печи на улице ютились бездомные мальчишки. Скамейки в парке были пустынны. Новосибирск - серьезный город.

ГЛАВА III. «ЖЕСТКИЙ» ВАГОН

Где-то около двух часов ночи в дверь моего номера начали настойчиво стучать. Поезд на Бийск отправлялся в 3:40 утра, а русские верят, что на вокзал надо приезжать заранее, хотя поезда редко приходит вовремя, даже в начале пути. Снаружи на грязной улице меня ждали "дрожки". Небо было бледным от раннего августовского рассвета в Сибири. В России также уверены, что города строят вдали от железной дороги. Новосибирск находится в получасе езды от станции. Время от времени в призрачном свете проносились очередные дрожки, заваленные багажом и пассажирами. Поезд отбыл из Томска в 2 часа ночи. В Новосибирске он должен прибыть через час и 40 минут, если, конечно, отправится вовремя.

Сонные пассажиры заполнили вокзал. Куда они ехали или откуда и когда, оставалось загадкой. На главном пути стоял прямой поезд из Ленинграда в Иркутск, окна его были темными и тоже ждали. Носильщик пронес чемоданы вокруг него, по лужам грязи между путями, и после долгих криков нашел

вагон до Бийска. Да, в нем было свободное место для того, у кого был билет. Билет был только у одного.

С тех пор как Россия стала пролетарским государством, классы в железнодорожном транспорте отменены. Вместо классов появились категории, просто поменялось название, как и во многих других вещах. Первая и вторая категории в спальных вагонах отличаются ценой и размером купе. В купе первой категории могут разместиться не более двух человек, в то время как во второй - четыре. Следующее различие обозначается как "мягкий" и "жесткий", а после них идет "четвертый", который есть только в Сибири. "Жесткий" и "мягкий" относятся к сиденьям или полкам, и вагоны оборудованы так, как это следует из их названия.

Этот вагон был "жестким", других в поезде не было. Он был старинный, перегородка разделяла его по центру, в каждой половине было восемнадцать полок в два яруса, двенадцать поперек и шесть вдоль, с узким проходом между ними, и шесть маленьких квадратных окон. Мой билет предусматривал верхнюю боковую полку, возле окна, что было преимуществом в дневное время. Если ночью в вагон

3. Прилавок с обедами на сибирском вокзале

проникал глоток свежего воздуха, то это было потому, что окно было разбито. В вагоне были все запахи плодородной спящей сельской местности.

Две свечи тускло освещали фигуры на скамейках, мужчин и женщин, некоторые из них держали на руках детей, кто-то был в сапогах, другие с босыми ногами, торчащими из-под одеял, третьи были полностью одеты, закутаны до ушей в овчинные тулупы. На одной скамейке сидели мужчина и девушка, держась за руки и перешептываясь в душном закутке влюбленных. Через открытую дверь из другой половины вагона доносился шумный спор.

"Да, я читал в парижской газете, что все наше советское государство охвачено революцией. Вот как капиталистическая пресса лжет о нас", - заявлял один из мужчин тоном железнодорожного диктора.

"Как вы могли читать парижскую газету, вы, понимающий только по-русски?" - спросил один скептик.

Так как спор продолжался, пока остальные спали, ровный храп свидетельствовал о том, что их не потревожили. Раньше полки располагались в три

яруса, и между верхней полкой и крышей вагона было не более 12 дюймов. Места на верхних полках больше не продаются, их используют для багажа, которого здесь в избытке. Под аккомпанемент последних криков поезд тронулся.

Моё пальто было сложено вдвое на скамейке в качестве матраса, металлический футляр от фотоаппарата - в качестве подушки, ботинки были привязаны над головой, чтобы утром они не исчезли. Маленький деревянный вагон раскачивался, как корабль в море, и под ритмичное "клик-клик-клик" вагонного колеса, резкие голоса и храп - погрузили меня в беспробудную дрему

Когда я проснулся утром, "товарищ" в черной рубашке, слезший с полки напротив, переводил этикетки на моем чемодане для группы товарищей, для которых латинские буквы были загадкой.

"Вы были в Вене?" - спросил он по-немецки, доказывая, что его черная борода была символом нацпринадлежности. Все евреи в России умеют говорить по-немецки. Я признался, что этикетка привезена из Вены. Мой сосед сообщил мне, что поезд опаздывает, чего и следовало ожидать. Он согласился

присмотреть за багажом. Мы были на вокзале. Я достал из кармана пальто полотенце и пошел к ручью умыться.

Однажды Валериан Оссинский, он же Оболенский, вернулся из Соединенных Штатов, чтобы пролить свет и рассказать, и опубликовать книгу, доказывающую, что по ту сторону океана почти все не так, особенно поезда, которые никогда не приходят вовремя. Оссинский возглавляет государственное статистическое бюро, и на его данных правительство основывает свои ежегодные оценки.

Он говорит, что российские поезда всегда приходят вовремя. Этот поезд должен был прибыть в Алтайск в 13:50, это в 34 милях от Новосибирска, со средней скоростью 13 миль в час. Он прибыл в Бийск в 2 часа ночи, в 226 милях от Новосибирска, со средней скоростью 10 миль в час. Такие поезда должны ходить по расписанию - две сибирских лошадки и коробок могли бы ехать быстрее, но их нет. Оссинский, будучи чиновником, вероятно, не путешествует по СССР так, как это делают обычные люди. Как и любые бюрократы, чиновники ездят в соответствии с их рангом, а не в соответствии со служебной целью

командировки. Одни всегда занимают спальное место, другие - только "жесткий" вагон, и то только если могут его заполучить.

На каждой станции есть буфет под открытым небом.

Толпы крестьянок и детей, изредка мужчин, торгующих фруктами, овощами и горячей пищей.

Пирожки - горсть мясного фарша или капусты в тесте, сваренном в масле, как пончик, являются основным продуктом питания там, где нет или не хватает вагонов-ресторанов. Крестьянки приносят пирожки в жестяных ведёрках, накрытых тканью, и предлагают их, разложив на клочках газеты или листках, вырванных из книги. Четыре пирожка на большинстве станций стоят — 15 центов. Целая жареная курица стоит столько же; две кварты кипяченого молока — 7 центов; яблоко — 10 центов, потому что это роскошь; пинта малины — 7 центов; вафли с мороженым — 5 центов; кусок жареной свинины — 10 центов. Еда не роскошная и не дорогая.

«Почему бы вам не приучить своих детей не шуметь?» Когда я вернулся, хранитель моего багажа

ворчал на обитательницу соседней полки, пытаясь уснуть.

Мать вспыхнула и запротестовала, что дети должны играть, прижимая к себе двоих детей. Отец перевернулся на бок и хмыкнул в ответ. Дети начали плакать, а шум усилился. Поезд дернулся, лязгнул и тронулся с места.

«Однажды я ехал в поезде, идущем в Семипалатинск, который внезапно остановился, и машинист вышел и прогнал корову с рельсового пути, — объяснял маленький дряхлый старичок с обвислыми усами. Красное солнце закатывалось за горизонт, и после четырёхчасового ожидания в Алтайске, наш маленький деревянный вагончик с выщербленным колесом снова заковылял вперед Старик обнаружил, что долговязый молодой человек на соседней полке был железнодорожником, едущим по заданию, и свой рассказ уже адресовал ему. Наш поезд опаздывал, не в силах поддерживать скорость 10 миль в час, и уже самые терпеливые русские пассажиры были явно раздражены.

"Потом мы снова поехали, и, наверное, прошел час, когда поезд остановился, все вышли, а машинист снова гнал корову - и это была та же самая корова!" -

заключил старик, хохоча от души. Смеялись все, кроме долговязого молодого человека. Казалось, он принял этот рассказ на свой счет. 40 лет назад это была бы хорошая история в Соединенных Штатах, а теперь в глухом уголке Сибири она превратилась в местный шедевр. Впрочем, она была не намного старше некоторых американских фильмов, которые показывали в деревенских кинотеатрах, Джон Банни все еще вызывал смех.

Яблочный огрызок попал раздраженному молодому человеку прямо в ухо, и его вспыльчивый характер вскипел. Он возвращался из отпуска таким же приветливым, как полицейский, без утреннего кофе.

— Кто это бросил? — спросил он другого полуодетого молодого человека, развалившегося на верхней полке и весело ухмыляющегося. Я был ближе, но ничего не заметил. Ухмылка не сходила с его лица. Возмущенный юноша вскочил на ноги, и его реплики нельзя было бы повторить в приличном обществе. Он сделал выпад в сторону обитателя верхней полки, комичное сочетание тыка и пощёчины, но промазал. Расстояние было слишком велико. Агрессор свалился со своей полки на пол, дико размахивая руками. Очередная драка в «жестком» вагоне. Они часто

вспыхивают из-за того, что не поделили место, из-за вонючих сапог, из-за мнимых и реальных оскорблений а также из-за общего раздражения душным переполненным вагоном. Бить человека в Советской России строго запрещено законом. Нельзя грубо обращаться даже с грабителем или карманником. Нужно вызывать милиционера, правда к этому времени грабитель уже убежит. Однако этот закон соблюдается не чаще, чем и большинство других.

Двое молодых людей сцепились в узком проходе, как на боях "Фоллис 1909 года", они были слишком заняты, чтобы рунаться, что в России означает крайнюю степень внимания к порученному делу. Мать поспешно оттеснила двух своих детей в угол. Старик, чей рассказ привел к столь неожиданной кульминации, забрался на верхнюю полку. Это была прекрасная возможность для нэпмана, который всю ночь просидел, разговаривая со своей девушкой, и вот уже его рука обхватила ее талию без корсета, а её голова легла ему на плечо. Мужчины столпились в другой половине вагона, выкрикивая советы или издавая возгласы ободрения. Проснулась толстая женщина, высунула голову из единственного открытого окна и закричала: «Кон-дук-торр! Товариш,

Кон-дук-торр!». Не было слышно даже скрежета выщербленного колеса.

С моей верхней полки у ринга эта драка не стоила и 10 центов, разве что как замена фильмам, радиопостановкам и другим подобным развлечениям, которыми другие поезда могут скрасить монотонность пересечения американского континента. Размахивая руками, как плетями, они никогда не сближались достаточно близко, чтобы даже обняться. На одном были обычные высокие кожаные сапоги. Другой, не ожидая от себя такой активности, освободился от калош, а также от тряпок, которыми обматывают ноги вместо носков, и был босиком. Сапог наступил на пальцы босых ног. Последовал вопль боли. В этот момент появился кондуктор, с ржавым компостером, своим символом власти, одетый в черную толстовку и обутый, как любой пассажир. Позади него стоял железнодорожный полицейский в парадной форме.

Милиционер был добродушен. За вопиющее нарушение закона никого не арестовал, но в течение получаса все в пределах слышимости, а некоторые и дальше, активно обсуждали ситуацию.

Мой друг-еврей достал потрепанную колоду карт и, используя в качестве стола торец деревянного саквояжа, затеял со своим соседом игру в шестьдесят шесть. Нэпман и его девушка попались на удочку и были втянуты в игру. Импровизированный стол был расширен подушкой. Девушку , правда, больше интересовало мое кольцо, чем игра. Возможно её приятель, нэпман, купит ей его. Игра заглохла. Позже в Бийске ее ждали отец и мать, и она уехала, бросив приятелю-нэпману ни к чему не обязывающим «До свее-данья» О покупке драгоценностей лучше договариваться заранее, перед поездкой.

Два гладиатора растянулись на скамейках и задремали. Другие жевали свою еду, выбрасывая из окон обрывки кожуры и бумажек. Дети капризничали, ведь поездка была тяжелой. С заходом солнца воздух стал холодным, как в пустыне. Если в пустыне жизнь продолжается только до тех пор, пока песок не остынет, то здесь, в Сибири, она исчезает с каждой луной. То тут, то там на широких неогороженных полях по обе стороны от трассы несколько запоздалых крестьян размахивали косами. Один раз была замечена косилка. Большинство из них шли домой пешком. Босоногая женщина подхватила ребенка, играющего с собакой у пшеничного поля, за ней по

тропинке шли другие женщины с граблями и косами на плечах. Мужчины и мальчики ехали верхом, на лошадях. Вдалеке виднелся силуэт повозки с семейством сборщиков урожая, за которой трусила неизменная собака.

Поезд делает еще одну из бесконечных остановок, которые всегда означают полчаса на обед. Пирожки теплые и ароматные. Из бака с кипятком - важнейшей части оборудования российского вокзала - наполняются чайники. Поезд снова грохочет. Входит проводник с огарками свечей в кармане и зажигает свет. Все окна закрыты. С ароматом чая, жареного сала, немытых ног и под аккомпанемент храпа и ворчания выщербленное колесо снова убаюкивает вагон.

ГЛАВА IV. ЧЕРЕЗ СТЕПИ В КОРОБКЕ

И хотя название столицы Ойротского автономного округа, охватывающего российскую часть Горного Алтая, - Оолала - может навести на мысль о парижском кафе-шантане, это совсем не так. Возможно, это единственная в мире столица с таким музыкально-комедийным названием, но для тех, кто живет в округе, название столицы не наводит на мысли о чем-то забавном или музыкальном. То, что ойроты живут в юртах, также не является следствием экономии букв. Просто так получилось, когда их язык, практически до того неизвестный, был переведён на английский. Этимологи, возможно, смогут объяснить, почему.

На местном наречии это довольно трезвое название, "оо-л-л" означает "стоянка погонщиков лошадей", место, где в старые монгольские времена ждали погонщики, чтобы отвезти чиновников через горы. Ойротский район расположен вдоль границы с Монголией. Часто используемый и сильно изношенный "Чуйский тракт", или дорога тянется вдоль реки Чуи от Бийска в Сибири до Кобдо во Внешней Монголии, нового растущего центра политического влияния и торговли московитов.

95 верст того, что называется дорогой, около 64 миль, от Бийска до Оолалы, - это все, что подразумевает последнее название. Неудивительно, что старые ойротские кучера ждали приезда чиновника, а не ехали за ним. Дорога - это тропа, петляющая по равнинам и огибающая холмы, глубокая в грязи после дождей и столь же глубоко в пыли несколько дней спустя. Наш ямщик, как извозчик в российском городе или извозчик в любой другой стране, сказал, что доедет за 8 часов. Не доехал. Любое другое транспортное средство, кроме двух сибирских лошадей и коробка, не справилось бы за день. Лошади редко сбавляли ход, скача галопом по каменистым склонам на протяжении всех 64 миль.

Коробок родом из Сибири. Его центральная часть представляет собой большую корзину с низкими стенками, сплетенную из ивовых прутьев с корой. Она привязана березовыми прутьями к двум березовым жердям, соединяющим две оси. Они обеспечивают необходимую упругость конструкции. Корзина набивается сеном, которое служит подушкой для двух пассажиров днем и кормом для лошадей ночью.

Корзину пополняют каждое утро с поля какого-нибудь крестьянина, если его нет поблизости. Сзади корзина выше, чем спереди, а багаж крепится на ось над задними колесами. Повозка легкая, и с двумя лошадьми и парой звенящих колокольчиков, или тройкой лошадей, за день можно проехать невероятное количество километров. После того как путешественник привыкнет к царапинам на спине, к кочками ухабам через каждые несколько футов и к сидению с вытянутыми вперед ногами, поездка становится вполне терпимой.

"У вас в Америке есть такие дороги?" - спросил ямщик после нескольких часов непрерывного преодоления камней и грязи. Я признал, что, возможно, они есть, но добавил, что по бетонным дорогам автомобиль может проехать 3 000 миль через все Соединенные Штаты.

"Почему Америка так далеко опережает Россию, которая намного старше?" Ямщик считает, что культура и развитие страны определяются состоянием ее дорог.

4. Главная улица Оолалы - городское болото

"У вас слишком долго был царь", - предположил я. Он с сомнением покачал головой. Сейчас налоги выше, чем при царе.

"Может ли автомобиль проехать по этой дороге?"

Это не удалось бы даже тому автомобилю, который умеет валить деревья.

"У нас в Бийске есть один автомобиль, - продолжал он, что значительно превышает обычную квоту для российского города с населением в 60 тысяч человек, - но им пользуются только чиновники, и он никогда не ездил в Оолалу".

60 000 жителей, - продолжал он, - но им пользуются только чиновники, и автомобиль никогда не был в Оолале".

А если и доедет, то этого не хватит, чтобы запустить швейную машинку". Наш ямщик предложил свои услуги по поездке в Оолалу за 30 рублей (15 долларов).

"Это его цена", - сказал мой переводчик, который, по западным представлениям, считает, что джентльмену не подобает торговаться из-за денег. У меня не было таких предрассудков. Мы наняли его за 25 рублей; с каждой милей, начиная с улиц Бийска с жидкой грязью на ступицах и кончая такими же грязными улицами Оолалы, это представлялось все более выгодной сделкой.

После того как в Бийске мы переправились через Обь на пароме-барже, который тянул буксир. Достигли на противоположном берегу вершины холма, откуда открылся вид на длинный ряд ожидающих телег, груженных бочками с маслом, стал виден гребень горы Бубудан. Оолала находилась за ее дальним отрогом на реке Майма. Мальчики стояли у ворот высоких заборов, собирая копейки с возчиков, которым было лень спускаться и самим открывать ворота. Заборы, ограждающие пастбища всех деревень, находятся в пяти милях от домов, а крестьянские поля - за ними. Когда начинается весенний сев, крестьянин берет свою семью и разбивает лагерь на поле, пока не закончится сев. Сейчас был сезон сбора урожая, и большинство

деревень опустели, за исключением детей и стариков, а также чиновников, которые жнут, не сея.

Ямщик знал женщину в Сростках, второй по счету из бревенчатых деревень, которые мы проезжали. В течение двух часов после нашей остановки она разогрела самовар, который обеспечил нам достаточное количество вареных яиц и чая на троих за 50 центов. По меньшей мере 5 000 мух разделили трапезу. Женщина сидела и ворчала, пока мы ели и боролись с мухами. Она так и не прихлопнула ни одной. У нее было меньше земли, чем в "мирное время", как называли дни перед революцией, но налоги были выше. Сколько у нее было десятин, она не знала, возможно, 100, довольно много, учитывая, что 2,5 - это количество, разрешенное правительством на западе России.

Громкие и продолжительные крики разбудили паромщика на противоположном берегу, и наш коробок был переправлен. Снова тряска по грязи и ухабам, и тут нас нагнал юноша верхом на лошади. Проехав молча за нами пару миль, он обрел дар речи.

"Какая цена на пшеницу в Бийске?" - спросил он.

"Не знаю, мои лошади едят овес", - отшутился ямщик.

"А сколько здесь стоит лошадь?".

"Сорок пять долларов".

«Они здесь стоят больше, на прошлой неделе продал одну, а корова стоит всего 17 долларов 50 центов.».

Всадник плелся по берегу реки с милю. Юноша уперся пятками в бока лошади и приготовился свернуть на раскисшую тропу.

"Не могу достать мешки для овса, и все волнуются", - таковы были его последние слова.

Наш ямщик заметил впереди несущуюся рысью фермерскую повозку и гаркнул на своих еще живых лошадок. В Сибири звук между вздохом и хрюканьем заводит лошадь, а кудахтающая трель останавливает ее. Мы спустились с крутого холма и с грохотом

влетели на паром переправы через быструю Катунь. Паромы движутся под действием силы течения, прикрепленные канатом и шкивом к тросу, закрепленному на реке, а течение гонит их в любом направлении в зависимости от угла наклона длинного руля. Четыре повозки стояли под разными углами, но мы вклинились. Крестьянин, мимо которого мы только что проехали, остановил своих лошадей на берегу.

"Отойдите и дайте мне подняться на борт", - крикнул он. Другие крестьяне только переглянулись, но не пошевелились.

"Мне придется ждать целый час", - запротестовал он.

"У тебя пустая повозка, и у тебя много времени", - ответил один из них.

На пароме же было много места, и передвинуть повозки было бы легко.

"Ты же старик, так куда тебе спешить?" - засмеялся другой из молодых крестьян.

Братская любовь, или взаимопомощь, не является национальной чертой в России, особенно среди крестьян. В городах дело обстоит немногим лучше. Не то чтобы русский стремится обременять других, но он

считает, что прежде всего нужно заботиться о себе. Новому социальному порядку будет трудно изменить эту привычку, культивировавшуюся веками. Старый крестьянин, у которого исчезли шансы попасть на борт, сменил тон.

"Ты красавчик, поэтому тебя и берут", - поддразнил он нашего кучера. Ямщик усмехнулся, зачерпнул ведро воды из реки, попил сам, а остаток отдал своим лошадкам. На борту не наблюдалось ни одной победительницы конкурса красоты. Местный Харон неторопливо отчалил. Между нами и сердитым крестьянином, стоящим на берегу, широко расставив ноги, с кулаками на бедрах и кустистой рыжей бородой, сверкающей в лучах заходящего солнца, расширялось водное пространство.

ГЛАВА V. ОЙРОТЫ ИЗ ООЛАЛЫ

— Пажалуйста! Пажалуйста!" - настаивал президент Ойротского автономного округа, когда я запротестовал против того, чтобы занять его кровать на ночь. Его настойчивое "Пожалуйста! Пожалуйста!" выиграло спор, потому что в тот вечер в Оолале не было ни другой свободной кровати, ни свободной комнаты. Он только что вернулся после тщетных поисков семьи, у которой была бы хоть одна свободная комната в городе. Деревенский телефон не работал. Семья была в горах, а в столице нет гостиницы, как и в других городах и селах алтайской части света. Президент взял подушку и одеяло и спал в открытом фургоне. Я не знал, что он собирается так поступить, иначе не занял бы единственную кровать в доме, хотя ойроты гордятся своим гостеприимством. Я уже привык спать на досках.

"Ойрот очень гостеприимен", - объяснил позже президент, не имея в виду свой собственный поступок. "Когда приходит незнакомец, он приветствует его, садится на пятки и поет ему песню. Затем и гость поет песню, и юрта или шатер из березового ячменя, становится его домом на столько, на сколько он

захочет остаться". У каждого ойрота есть свои песни, которые он сочиняет сам. В зависимости от того, весел он или печален, ленив или энергичен, у него своя песня, он сравнивает себя с облаками, солнцем, дождем или громом".

Президент не пел, я тоже, возможно, потому, что мы находились в бревенчатом доме, а не в юрте. Однако мы просидели с ним до двух часов ночи, что после 12 часов тряской езды в коробке и двух ночей беспокойного сна было достаточно хорошим доказательством того, что Иван Савельевич Ала Гузе, президент этого почти неслыханного владения в диких горах Алтая, был интересным собеседником.

Наступила темнота, когда наша повозка с ивовыми корзинами загромыхала по узкой долине в сторону Оолалы. Ямщик утверждал, что город находится прямо впереди, но оценки времени и расстояния у ямщика всегда через чур оптимистичны. Он обещал проделать 12-часовой путь за 8 часов.

" Ура! Свет!" - воскликнул он, ведь Оолала - гордость Алтая, единственный город к югу от Бийска с электрическим освещением. Кроме того, поезда

курсируют всю ночь, в то время как в Бийске они прекращают движение в час ночи, как я узнал во время часовой езды от станции до гостиницы, поезда всегда прибывают, как правило, ночью.

Мерцающий свет был в окне одинокого бревенчатого дома с керосиновой лампой. Но дорога становилась все грязнее, а коробок погружался все глубже - верный признак приближения населенного пункта. Еще одна миля темноты, и за столбом обнаружилась скромно светящаяся лампа накаливания. Коробок погружался в сибирский кисель по самые ступицы и выныривал с ужасающими рывками. По слабоосвещенным сторонам вытянутого городского пруда, называемого улицей, случайные пешеходы пробирались по узкому настилу. Мы были в городе.

"Как они переходят эту улицу?" спросил я. Это напомнило Понтанезон, печально известный американский эмбаркационный лагерь в Бресте.

"О, они падают в воду, но не тонут", - прозвучало обнадеживающее объяснение.

Мы зигзагами добрались до дома президента, как будто в обязанности президентов республик всегда входит поиск жилья для чужаков. Жители на берегу отвечали на наши возгласы и выкрикивали указания. Вход в здание осуществлялся через заднюю дверь. Времена дворцов прошли. Президент Ала Гузе стоял в общей столовой и комнате для официальных приемов. Все свободные стулья и большая часть свободного пространства были заняты членами семьи и жителями гор, которые пришли посоветоваться с ним по поводу либо потери коровы, либо цены на пшеницу, о свадьбе или о других государственных делах.

Это был невысокий, коренастый мужчина с курчавыми усами песочного цвета и гладко зачёсанными волосами. Высокие скулы и глаза выдавали монгольскую кровь Ойрота, но белая кожа указывала на следы русской. Когда мы вошли, он весь светился от счастья. Не было никаких сомнений в том, что нас радушно встретят. Он был первым чиновником, который не начал разговор с просьбы предъявить документы. Может ли он найти нам место для ночлега? Конечно, проходите и садитесь, а может быть, мы лучше пойдем в ресторан и поедим, а он подыщет нам место, когда мы вернемся.

Он вышел, открыл ворота, и наш "экипаж" въехал во двор. В Оолале было два ресторана. Один находился в "Доме крестьянина", где путешественники, приравненные к крестьянам, могут переночевать за 5 центов. Он был закрыт. Ямщик переночевал там и на следующее утро сообщил, что дом был переполнен крестьянами и другими постояльцами. Другая комната находилась в "Саде", или летнем саду, куда можно было попасть, осторожно пробравшись по дощатому настилу. Он находился в задней части большого, похожего на сарай, побеленного кинотеатра. Однорукий метрдотель, в грязных сапогах, подпоясанном плаще и потрепанной кепке, объявил меню: котлеты рубльони, картофель и чай. Котлеты рубльони - это бифштекс из семейства гамбургеров. Летний сад в этот вечер закрывался в связи с окончанием сезона, и ничего не пропадало зря.

Когда мы вернулись, президент Ала Гузе комнату не нашел, но избавился от ожидавших его граждан. На столе стояла электрическая лампа для чтения. Был подан горячий чай.

6. Ойротский шаман и его сын, который носит браслеты на ногах, чтобы не дать дьяволам Земли подняться выше

Там, на Алтае, где суеверные горные ойроты все еще боялись заклинаний шамана, электрические фонари в Оолале стали последней каплей, сломившей власть этих потомственных жрецов. Истории об огнях в Оолале, которые горели всю ночь без огня, дыма и тепла, дошли до гор. Шаман за десятину умиротворял демонов горной воды и воздуха, но он не мог наколдовать свет, который заставлял мертвые голые столбы делать ночь светлой, как день. Мудрецы поверили в эту историю и ушли в горы.

Один престарелый вождь, надеясь перед смертью увидеть новое чудо, сел на коня и проехал через перевалы Алтая, поклявшись принести в жертву пятьдесят чистокровных породистых лошадей, если это правда, или же лишить сына, принесшего эту историю, наследства в размере табуна в 1000 голов, если история окажется ложной.

1000 голов, если это окажется ложью. Он увидел чудо и вернулся в свое селение Йоорт. После этого не было никаких сомнений в волшебстве или могуществе советского государства. По крайней мере, в течение года горцы даже боялись стрелять в сборщиков налогов.

"До революции на 40 тысяч человек в стране Ойрот была одна больница с врачом и двумя медсестрами", - сказал президент. "Теперь здесь одиннадцать больниц с 91 врачом и медсестрами; большинство из них - девушки из Ойрота. Они очень востребованы, так как ойроты, живущие в юртах, грязные и легко становятся жертвами эпидемий, трахомы, ревматизма и болезней. В этом году мы потратили 250 000 долларов на здравоохранение и 125 000 долларов на образование. Крестьяне заплатили только 57 000 долларов налогов, а частные торговцы - 50 000 долларов. Наш 70-процентный дефицит восполняется за счет всесоюзного правительства.

"До революции только один Ойрот закончил Университет в Петербурге и Париже. Сегодня он работает врачом в Новосибирске. Сейчас у нас 140 детей учатся в средних школах на западе России, есть пятьдесят ойротских начальных школ, средняя школа в Оолале и собственный письменный язык. В начале у нас было всего четыре человека, способных преподавать ойротский язык, но, подготовив в течение года учителей и направив их летом в школу, мы

набрали штат. Ученики приезжают в школу более чем за 100 миль, и мы обеспечиваем каждого из них жильем, едой, одеждой и книгами. Стоимость образования по этим причинам здесь выше, чем в любой другой части Сибири, но мы даем его нашим детям, и через 5 лет результаты покажут себя". Государственные служащие и купцы в Оолале лично оплачивают работу восьми учителей".

Жизнь коренного населения на Алтае во многом похожа на жизнь в горных провинциях Филиппин, только без жаркой погоды. Президент Ала Гузе рассказал, что когда он был мальчиком, только сыновья богатых ойротов могли получить образование, и то только в церковных школах и для священства. Он учился, чтобы стать священником. Вместо этого он стал коммунистом.

Ала Гузе, рассказывал и рисовал корявым указательным пальцем воображаемые фигуры на скатерти, как будто мы сидели не в скромной спальне, а в гостиной президентского особняка, и объяснил, что он 15 лет работал над историей своего народа. Он доверил рукопись другу для прочтения, а теперь забыл, кому ее отдал. С чувством глубокой уверенности он ожидал, что друг вернет ее, хотя срок

возврата давно истек. И тогда он завершит свой великий труд.

Книжные должники в горах Алтая немногочисленны, поскольку об ойротах было написано всего две книги, и до революции у них не было своей письменности. Затем к нынешнему русскому алфавиту, состоящему из тридцати одной буквы, были добавлены четыре латинские буквы, обозначающие характерные ойротские звуки, и ойроты начали читать и писать. Сейчас у них есть четырнадцать книг, в основном учебники и книги о политике коммунистической партии, но есть только один экземпляр истории Ивана Савельевича, который, вероятно, был бы самым интересным из всех. Начинающая цивилизация надеется, что он не был употреблен на изготовление самокруток.

Ойроты, как объяснил их президент, - это монголы, которые впервые прибыли в Россию в 1300 году, очевидно, после странствий по Турции и Персии, поскольку следы этих языков присутствуют в их речи. Они прошли через Кавказ в Финляндию, где некоторые из них остались, а другие вернулись в свое нынешнее местопребывание в горах Алтая. Часть из

них 200 лет назад попала под власть России. Образ жизни мало изменился, хотя они приспособились к суровой зиме и высокогорью, где прохладно даже летом. На Алтай мало кто проникал, большая его часть не исследована, и оседлый ойрот - сезонный кочевник. Только в этом году президент обнаружил в своем округе деревню с населением в 2 000 человек, о существовании которой ничего не было известно. Жители переселились на жительство через границу из Монголии. Ойроты не беспокоятся о паспортах или визах.

Ойротская семья живет в юрте. Даже те, кто спустился с гор в смешанные русские и ойротские деревни и усвоил привычки чистоты, летом предпочитают жить в юрте за домом, а на зиму перебираются в бревенчатый дом. Юрта похожа на индейский вигвам, построенный из березовой или сосновой коры. Прямые обструганные деревянные жерди ставятся по кругу, покрываются кусками коры, а снаружи укладываются еще жерди, чтобы удержать все на своих местах. Верхняя часть открыта для дыма и дождя. В центре горит костер, а семья спит в помещении, наполненном дымом и паразитами.

Племя имеет четыре стоянки юрт, переходя из одного в другое каждый сезон. Браки вне племени или даже вне семьи запрещены. Семьи почти такие же большие, как и племена, и найти невесту с таким же именем не составляет труда. Браки заключаются рано, часто в 10 или 11 лет, а семья создается, когда матери исполняется 12 лет. Это жизнерадостный, приветливый народ, хотя и мало заботящийся о законах, молодые и старые приветствуют незнакомцев с улыбкой, что разительно отличается от хмурых, угрюмых русских в округе, которые часто даже не отвечают на вопрос.

Богатство всегда измерялось поголовьем скота, и даже ойрот, оказавшийся в условиях цивилизации, больше заботится о своих лошадях и стадах, чем о своих полях. Царское правительство уделяло им мало внимания, а коммунистические законы сделали не намного больше. Многие ойроты имеют от 1 000 до 2 500 голов скота и сотни десятин пастбищной земли, хотя 10,5 десятин - это законный предел. Однако скот и гектары пятидесяти процентов ойротов ограничиваются блохами и грязью. Они добывают золото, качают мед, промышляют пушниной и рыбой, но в основном разводят скот в горах.

Автономный округ имеет право изменять государственные декреты в соответствии с местными обычаями. У него нет своего органа власти и правления, как у автономной республики в одной из шести республик, входящих в состав Союза.

Слово "ойрот" на родном языке означает "союз", происходит от договора, который четыре племени заключили в далекие века против Монгольской империи. В ответ монголы практически уничтожили их, но уцелевшие племена сохранили как название, так и религию и обычаи. Практически все они крещеные христиане, большинство из них крещённые много раз, так как раньше церковь дарила им новую рубашку при каждом крещении. По мере того как рубашки изнашивались, а запас уже полностью исчерпан, они вернулись к жертвоприношениям и пирам, так что рубашка всегда была необходима для принятия христианства ойротами.

Их родная религия - шаманизм, с модификацией, известной как бурханизм, завезенный из Монголии для того чтобы прикрыть их заговоры против Российской империи в 1904 году. В первом случае

жрецом является кам, а во втором - ярлук. Один приносит в жертву живых животных - лошадей, коров и овец, а другой - только фрукты, молоко, масло и иногда корову двум богам: Олгану - хорошему и Эрлиху - плохому. Поскольку жертвоприношение означает, что деревня съедает подношение, а жрецу преподносится живой дубликат, бурханисты в основном вегетарианцы. Жрец также является знахарем, и поэтому жертвоприношения рекомендуются, обычно, всякий раз, когда дела идут плохо или ойрот болен.

"Что происходит с больным?" спросил я президента.

"Обычно он умирает; шаман просто разговаривает, ест, поет песню, которой научился еще мальчиком. Это особое племя сумасшедших, никто из них не умеет ни читать, ни писать, а заклинаниям их обучают отцы или матери, которые являются шаманами".

" И какое объяснение дает шаман?"

5. Иван Савельевич Ала Газе, президент Ойротской автономной области, у дверей резиденции главы администрации в Оолале.

"Что богам было принесено недостаточно жертв, что они все еще голодны. Часто богатый Ойрот приносит в жертву пятьдесят лошадей, столько же отдает шаману, и деревня наедается до отвала на неделю вперед".

Лошадь стоит $17,50, до войны - $10, Лошадь стоит $17,50, до войны - $10, и, будучи самым ценным скотом, является предпочтительной жертвой. Жертвенные животные должны быть одного цвета. Двойная жертва не обязательна. Церемония чрезвычайно жестока. Животному обматывают нос веревкой и затягивают ее до тех пор, пока оно не ослабеет от удушья. По сигналу шамана участники тянут за веревки, привязанные к четырем ногам, пока ноги не подломятся и животное не окажется распластанным на земле. Затем его готовят и съедают.

Помимо двух богов, присущих большинству религий, в шаманизме также имеется большой ассортимент обычных духов. Их легче умиротворить и они менее затратны. Камень, брошенный в кучу на вершине холма в знак благодарности духу горы за то, что он позволил путнику забраться так далеко, кусок ткани, привязанный к ветке и развевающийся на ветру, безделушка, брошенная в реку или горный поток, и

тому подобные незначительные знаки внимания - этого достаточно для этих духов.

"Ойроты отказываются от этих старых обычаев без какого-либо давления со стороны правительства", - сказал президент. "Несколько месяцев назад несколько молодых людей обвинили шамана в притворстве, и в ходе последовавшего за этим спора он был убит. Они пили самогон, дважды нарушая законы, но это показывает, что общественное мнение изменилось по сравнению со старым убеждением, что любой, кто смеется над шаманом или прикасается к нему, будет убит".

ГЛАВА VI. НЕИЗВЕСТНАЯ АМЕРИКА

Мой ямщик был жизнерадостным малым, никогда не жаловался на усталость ни своих лошадок, ни на свою, готов был остановиться или ехать в любое время и всегда улыбался, но рассмеялся от души только после того, как мы выехали из Оолалы. Он сказал, что это самое смешное, что он когда-либо видел на этой дороге, а он ездит по ней с шести лет, за исключением тех случаев, когда служил в армии. Поскольку дороги не было, а были лишь колеи вдоль полей и выщербленные колесами валуны на склонах холмов, возможно, он был прав.

Мы неслись вниз по склону холма, набирая скорость с каждым валуном. У сибирских лошадей есть одно правило для холмов - бешено мчаться на спуске с холма и не важно какого размера холм и какой длины спуск. Это был длинный спуск по склону большого холма, и накопленная скорость не оставляла шансов остановиться перед подножием. Внезапно коробок налетел на огромный валун, корзина провисла на боку, мой спутник стремительно выкатился и, казалось, зацепился ухом за косогор, колесо с несколькими спицами налетело на него, набирая обороты на ухабах, пока не перепрыгнуло ручей и не уперлось в дерево на противоположном берегу, в четверти мили ниже.

" Ай, ай, ай!" - завыл ямщик, который остался сидеть на своем месте, переваливаясь с ноги на ногу, как толстая резиновая кукла. Если бы молодой человек, горестно пытавшийся смахнуть пыль с колен и одновременно потереть ухо, последовал за колесом, шутка была бы закончена, хотя, возможно, он не укатился бы так далеко как колесо и не разбился бы на столько кусков.

"Но ваше колесо", - запротестовал я, ожидая, что извозчик будет страдать от потери.

"Ничево, ничево! Ай, ай, ай!" - прокричал он, начиная вставать, а затем с грохотом падая обратно на сиденье.

Почему человек за 40 миль от места назначения и с тремя колесами у телеги должен кричать "Хорошо, хорошо!" и громко смеяться, знает только ямщик. Он посмотрел на далекую вершину, и у него случился очередной приступ смеха. Солнце садилось, а мы были только на полпути вниз с четырехмильного холма.

Он медленно сел и посмотрел на ступицу с несколькими оставшимися спицами.

"Подложи под ось деревце и доедем до следующей деревни", - предложил я.

"Ничево, ничево!" - небрежно махнул рукой. "У меня нет ножа, чтобы срубить дерево".

Ямщик гаркнул во все горло, и лошади пустились в путь, ступица тащилась по земле и с каждой кочкой сбрасывала еще одну спицу. Я пошел пешком в Перспектиль, следующую деревню. Она находилась у подножия холма. Ямщик все еще смеялся, пока мы тащились туда. Я остановился у первого дома, чтобы поговорить с толстым ойротским крестьянином, который кричал достаточно громко, чтобы его услышали на другом конце деревни. У него был глухой зять, и его голос был постоянно настроен на радиус в одну милю. Ойрот готов был одолжить нам свой коробок за 4 рубля (2 доллара), а наш трехколесный оставлял у себя для охраны. Затем ему пришла в голову идея бизнеса получше. Он побоялся одолжить нам свою повозку-корзину, но за 8 рублей готов был довезти нас до места назначения. Наш ямщик мог бы забрать свой коробок, когда приобретет недостающее колесо. Ямщик оставил свой коробок и пошел по деревне искать колесо.

"Где твой дом?" - спросил ойрот.

"Америка", - ответил я.

"Это часть России?"

"Нет, дальше, за океаном". Он никогда не был дальше от дома, чем в Оолала, и не видел ничего более влажного, чем река Катунь, и ничего не знал об океанах. Он повторил название.

"Америка, о, да, там сейчас царь", - вдруг вспомнил он. Большинство русских на Алтае, как и ойроты, считают, что Николай II жив и находится в Соединенных Штатах. Другие спрашивали, встречался ли я с ним перед отъездом.

"Сколько урожаев пшеницы вы получаете там за год?" - спросил он, переходя к делу.

"Один".

"Хм, здесь то же самое", - теряя интерес. "Не хотите ли выпить кислого лошадиного молока?".

После двух миль ходьбы под солнцем я бы выпил. Его жена с лицом в тысячу морщин, курила длинную трубку с медными вставками, а ее руки были покрыты мукой. Она вышла из бревенчатого дома, когда я вошел во двор. Дым поднимался от верхушки юрты, но она пекла на кирпичной печи в доме. В доме было чисто, но не в юрте. За ней шел их 12-летний сын, а за ним его столь же "пожилая" жена с ребенком на руках.

Чистенький миндалеглазый мальчик принес два стакана молока. В других местах у него причудливое название, но вкус тот же. Глухой зять пришел с поля с лошадьми, и с ним несколько женщин из этой семьи с граблями и косами.

"Ты нашел эту трубку на дороге?" - спросила старуха, имея в виду мой американский кукурузный початок.

"Может, поменяемся?" предложил я. Она взяла ее, искренне хихикая, ее лицо растрескалась, как перегородчатый камень. Початок передавали по кругу. К счастью, никто не пытался ее курить. Такая трубка была в новинку. Кукуруза здесь не выращивается.

"Это мужская трубка, а моя - женская", - таков был ее вердикт.

"Ты набиваешь ее доверху, это правильный способ, так курят татары", - прокомментировал старик. "Никогда не курите сигареты, от них чахотка".

Он взял мой кисет с курительным табаком, открыл и закрыл его. Так же поступили и остальные.

"Я не понимаю, очень загадочно", - сказал он. "Принесите еще молока".

Старушка хотела разжечь самовар для чая. Ямщик вернулся. Он не мог найти в деревне ни колеса, ни мастерской. От чая отказались, и я принял предложение старого Ойрота. Зять правил коробком в темноте. Глаза видимо у него были хорошие, хотя уши, возможно, плохие. На переднем сиденье, несмотря на ветер и холод, он сидел уверенно. Ойроты купаются по собственному желанию, только когда попадают под дождь. Под изменчивым лунным светом и тенями рассеивающихся облаков ехать было прохладно. Два путника-певца с ямщиком, добавившим в свой тенорок водки, отстали у первой деревни. С одной стороны серебряным полотнищем раскинулась Катунь, с другой - холмы и темные облака. Один раз вдалеке мелькнул красный огонек, где бригадиры разбивали лагерь, потом волк перебежал дорогу, затем донеслось слабое эхо лая собаки, но в остальном вокруг нас царило сибирское

безмолвие. Чамал представлял собой россыпь черных домов, без единого проблеска света. Мы постучали в дверь, и хотя было уже за полночь, нам открыла женщина. Она зажгла свечу и провела нас в голую комнату. Запах карболовой кислоты, оставшийся от предыдущего жильца, ещё не выветрился, что перебило ароматы моложавого зятя Ойрота. Я отдал ему свои 8 рублей. Он поверил мне на слово, не сумев сложить 3 и 5, попил воды и отправился в свой долгий одинокий путь обратно. Я открыл окно и уснул.

На следующий день днем мой ямщик приехал на всех четырех колесах. Старый Ойрот и все маленькие Ойроты развлекали его всю ночь на вечеринке с кислым лошадиным молоком в семейной юрте, которое было перегнано, пока не заиграло, как мустанг. Когда рассвело, старый Ойрот продал ему за четыре рубля наличными подержанное колесо, которое первоначально стоило два рубля, а также за две железные ступеньки от его коробка, бутылку с водой и холщовый башмак в придачу. Кроме того, ямщик потерял свой кнут. Ойрот может быть бизнесменом, не зная географии и не зная, где находится Америка.

"Что это?" - крикнула девушка, ехавшая на сибирской телеге в Чамал, когда услышала щелчок моего фотоаппарата.

"Это новый вид стрелкового оружия", - объяснил ее более искушенный отец, ее спутник на трясущейся телеге. Поскольку оружие было направлено прямо на нее и никто не попал, она, возможно, усомнилась в объяснении, поскольку жители Чамала знакомы с действием огнестрельного оружия. Чамал - это Ойротская автономная область в горах Алтая, куда не проложены пути цивилизации. Оолала, его столица, находится в 64 милях от Бийска, ближайшей железнодорожной станции, а Чамал - в 44 милях от Оолалы. Здесь находится последнее телеграфное отделение, последнее почтовое отделение, до которого ежедневно добираются на коробках, запряженных двумя лошадками, и последний магазин, в котором есть несколько тюков хлопчатобумажных изделий, бочка с осевой смазкой и керосином, а также ограниченный ассортимент кухонной утвари.

Винтовок на Алтае много. В каждом достаточно зажиточном доме есть ружье, якобы либо для охоты в горах, либо для защиты от волков на равнинах вокруг их базы. Сколько сотен ружей зарыто для дальнейшего использования, неизвестно. Антиправительственная деятельность была подавлена только в 1924 году, когда была объявлена всеобщая амнистия. До этого времени в горах было полно вооруженных банд, которые называли себя революционерами, а правительство называло их бандитами. Шестеро из них на скалистом перевале через реку Катунь

продержали красные войска одну зиму, а весной 400 красных солдат были утоплены в той же бурной реке во время боя у Белобома, в 100 верстах от Чамала.

Воевать было дорого и небезопасно, и правительство предложило помилование всем, кто сдаст оружие. Их предводитель, бывший русский офицер Кайгородов, был случайно убит, и командовал ими ойрот, ныне ямщик, который возит путников по Чуйскому тракту. Он с поручиком приехал в Оолалу, чтобы все обсудить с властями. Узнав, что их не арестовали и что они вернулись, за ними пришли и их последователи. Всего было сдано около 600 винтовок, остается только гадать, сколько еще винтовок, а также пулеметов спрятано.

В тот же день, что и я, в Чамал приехал профессор Томского университета со своим братом. Он возвращался из своей десятой летней экспедиции на гору Белуха, высотой 15 990 футов, самую высокую вершину Русского Алтая. Он начал экспедицию в 1912 году. Каждый год он разбивает лагерь на базе и, когда погода становится благоприятной, совершает двухдневное* восхождение на вершину в надежде сфотографировать хребет. Каждый раз за все эти годы его ждало разочарование: вершина всегда оказывалась окутанной снежной бурей или туманом, заслонявшим соседний хребет к моменту его прибытия. Однако он упорствует и планирует вернуться в следующем году. Ему

всего 30 лет. Эта фотография будет ценной, если она будет сделана.

"Через Кристову я два дня шел, не встретив ни одного человека, только дикие козы, овцы и менее ласковые животные", - говорит он, имея в виду низкорослую гору с внушительным названием Святой Крест, которая нависает над Чамалом.

"Однажды на Алтае со стороны Монголии я путешествовал две недели, не встретив ни одного человека. Однако в большинстве долин есть стоянки ойротских юрт, полные грязи и паразитов, в которых не может жить никто, кроме ойротов".

Охота на горностая, белку и лису - главный промысел в горах. В октябре, когда в первый месяц зимы меха лучше всего, покупатели приезжают в Буск, а горцы привозят свои шкурки. Шерсть и овчины в Бийск и Иркутск поступают через горы из Монголии.

Гамаль - разбросанная деревня, на самом деле две деревни на правом берегу Катуни, но разделенные рекой Чамал, старый и новый Чамал. Потрескавшиеся от непогоды бревенчатые дома не дают никакого представления о

возрасте. Две реки соединяются в ущельях, и на обрыве стоит большая летняя дача, которая в "мирное время" был местом отдыха учителей, а теперь является домом отдыха рабочих, откуда открывается вид на старый город. Рабочие нуждаются в отдыхе после 104 миль поездки по скалам от ближайшей железнодорожной станции.

Вездесущий чиновник есть даже в Чамале. Он ждал, когда я вернусь с утренней прогулки в сосновом лесу. Его тактика была несколько более ловкой, чем обычное тупое требование предъявить документы. Он объяснил, что он грек, который, вероятно, предпочитает Чамал тюрьме в солнечных Афинах.

"Вы можете дать мне американский адрес профессора Лихтмана?" - спросил он. Я не смог.

"Но он хорошо известен в Сибири как ботаник", - настаивал молодой человек.

"Каково положение трудящихся масс в Америке?" - был его следующий вопрос. На этот вопрос было легче ответить, чем на вопрос об американских сельских жителях.

"Арестовывает ли американское правительство коммунистов?".

То, что оно этого не делает, стало еще одним сюрпризом.

"В Америке гражданин может принадлежать к любой партии, к какой пожелает - это не дело правительства!" - воскликнул он. "А в Греции правительство запрещает своим гражданам состоять в коммунистической партии". Он не упомянул о своей родной стране, о СССР, где их арестовывают, если они принадлежат к какой-либо другой партии кроме коммунистической.

"Что думают американские рабочие об английской забастовке угольщиков*?" - имея в виду ту борьбу, ответственность за которую взяли на себя российские профсоюзы, даже в далеких алтайских горах.

Свидетельствует ли тот факт, что эти горные крестьяне, очевидно, настолько оторванные от суетного внешнего мира современности, проявляют больший интерес к рабочей ситуации в Англии, чем предположительно хорошо информированные американские рабочие, о более широком мировом сознании в России? Или это указывает на то, что американский рабочий, более эгоистичный или более разумный, более внимательно относится к своим собственным делам? Возможно, это не доказывает ничего из перечисленного - симпатия, мировое сознание и все эти туманные философские лозунги одинаковы для

человечества во всем мире - но в данном конкретном случае, как и в других, лидеры по своим собственным причинам определили политику, и толпа с энтузиазмом следует за ними, как овцы в любой стране.

"Могу ли я поехать в Америку?" - спросил молодой человек. Наверное, можно, если он не собирается свергать правительство и уложится в иммиграционную квоту. Он покачал головой. Вопросы всегда одни и те же.

Он рассказал о работе местного исполнительного комитета, членом которого он являлся, в основном, о том, почему он не может открыть новые школы, о том, как это сделать.

Обсуждались вопросы открытия новых школ, коллективизации и распределения крестьянских земель - проблемы, с которыми эти новички в правительстве, надеюсь, борются, прилагая все усилия в соответствии со своими идеями.

ГЛАВА VII. ХИЩНИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ

Начало изнурительной дороги в 104 мили до Бийска пришлось на раннее утро следующего дня. Ямщик вошел в дом, когда я доедал последнюю котлету, расположился в дальнем конце комнаты и начал излагать свои научные взгляды на нравы и повадки волков и медведей, которые тут часто встречаются на дороге. Заслуженные ученые с научными званиями и титулами и те, кто глубоко изучал естественную историю, могут много знать об этих хищниках Сибири, но ямщик, даже рискуя показаться фантазером, настаивал на том, что он лучший авторитет в области психологии этих хищников, поскольку 30 лет ездил по этой дороге, где они если не самые многочисленные, то самые заметные обитатели. Мой интерес к тем и другим ограничивался лишь вопросами о том, кто из них достиг стадии "комичности" в поедании арахиса, я не принимаю сторону ни профессоров, ни ямщиков.

Его данные о волках были обширны, поскольку они были более многочисленны. Про медведей он отзывался с издевкой. Его формула поддержания дружеских отношений с волками была следующей:

Если за санями волочить веревку, волки будут бежать, глядя на нее, но не станут обгонять сани.

Однако, если они очень голодны, что обычно и бывает, они не соблюдают это правило, а бегут впереди саней и задирают лошадей, забирая пассажиров, и последним - ямщика.

Летом вместе можно увидеть не более чем двух волков, и они обычно избегают людей, питаясь кроликами, другой мелкой дичью или мертвыми животными, которых они находят в лесу.

После спаривания во время рождественских праздников они становятся стайными и в январе, который является самым неблагоприятным месяцем, бегают стаями от десяти до двадцати особей.

Стаи патрулируют дороги в надежде найти мертвую лошадь или корову или подстеречь путников.

Если стая сидит на снегу вдоль дороги и не убегает при звуке колокольчиков, путешественник должен спокойно развернуться и поехать в другую сторону. Если он этого не предпримет, лошади все равно сделают это, так как они смертельно боятся волков".

7. Скамейка у ворот - центр общественной жизни Сибири

Если путешественник выстрелит в них, волки разозлятся и погонятся за ним. Прошлой зимой полицейский выстрелил в стаю, лошади убежали, ямщик и его упряжка спаслись, а полицейский вылетел. Волки, не уважая закон, съели полицейского.

Волки не трогают медведей и свиней. Они не едят ни лошадей, ни крупный рогатый скот, ни овец, ни друг друга, если только не очень голодны, а просто пьют кровь. Один волк убьет десять овец, если пастуха нет рядом, и не съест ни одной из них. Однако волчица с детенышами - у них всегда двое - убивает* овцу и перекидывает ее через спину, чтобы отнести домой малышам и дать им обед и урок охоты на овец.

Зимой стаи перепрыгивают через заборы на пастбища вокруг деревень и проносятся по ним, забираясь через внутренние заборы во дворы крестьян и убивая скот и людей. Когда стая налетает на деревню, это звучит как китайское побоище. Никогда не видевший китайской битвы, не будучи даже китайским гражданином, ямщик не мог придумать ничего хуже.

Волки глупы и трусливы, несмотря на книги профессоров об обратном. Они боятся всего, что движется. Крестьяне делают флаги, привязывая куски ткани к палкам, и

выстраивают круг, располагая флаги на расстоянии 30 футов друг от друга. Одну сторону оставляют открытой, и несколько сотен крестьян прогоняют через нее волчью стаю. Они быстро закрывают отверстие флагами, и волки остаются внутри, боясь пройти мимо развевающихся флагов, пока не придут солдаты и не перестреляют их.

Ловушки с флагами - это не сибирская выдумка. Крестьяне вокруг Москвы используют тот же метод, только вместо того, чтобы приглашать солдат для отстрела, зовут спортсменов-охотников из иностранных представительств уведомляют о том, что собрана стая, которую они могут перестрелять за соответствующую плату.

Медведи в основном воруют мед. Есть два простых способа поймать медведя.

Если медведь спит, подкрадитесь к нему и быстро дайте ему пинка. В то же время поднимите шум, и медведь убежит, возможно, на 100 ярдов, и упадет замертво, либо от испуга или возбуждения, либо от перенапряжения - у медведей ожиревшее сердце.

Однако охотник должен быть уверен, что медведь спит. Если медведь не спит, когда его пинают, он будет не удивлен, а очень даже жив и не на шутку разъярен и взбешен.

Другой метод - вырезать остроконечную палку и подождать, пока медведь заберется на дерево. Затем залезть за ним, тыкая в него острием. Медведь испугается и продолжит карабкаться прямо вверх, слишком глупый, чтобы понять, что дерево становится все тоньше, пока не сломается и не упадет. Это хороший метод, так как медведь может не умереть, а только потерять сознание, и его можно связать и продать цыганскому дрессировщику медведей.

"Увидим ли мы завтра ваших волков?" - спросил я.

"Возможно, потому что пастухи говорят, что они уже режут овец, а крестьяне видели, как волки бродят по деревням. В этом году они голодны, но пока не собираются в стаи и боятся, когда ходят в одиночку или парами. Мы их отпугнем".

"Давайте остановимся по дороге, разведем хороший костер и завтра ночью заночуем в лесу", - предложил я.

Ямшик молчал несколько минут. Он размышлял. "Лошади будут нервничать", - объяснил он. Затем он вышел, и стало слышно, как он смазывает деревянные оси коробка. Он собирался выехать пораньше, чтобы успеть до темноты добраться до какой-нибудь деревни.

Гражданка Амиршана налила из самовара еще одну чашку чая и после долгих уговоров сказала, что за два дня гостеприимства в ее чамальском доме она должна взять с нас 1$. Поскольку мы ее побеспокоили в полночь, сняли отдельную комнату с лавкой для сна, обильно угостились молоком и медом в неограниченном количестве, на цену жаловаться не приходится. Вот если бы государственные гостиницы с их минимумом услуг и максимумом цен могли работать так же хорошо!

"Это хорошая ночь, чтобы собрать валежник, развести костер и переночевать в лесу", - снова предложил я на следующий вечер, когда ямщик начал ворчать, что уже темнеет, а он не знает, где находится следующая деревня. Последний крестьянин, мимо которого мы проезжали, сказал, что она находится в 15 верстах впереди. Это было час назад, и при той скорости, с которой две наши лошадки тянули коробок через корни, ямы, грязь и камни, мы должны были быть уже недалеко от нее. Крестьянские представления о расстоянии весьма противоречивы. Один говорит, что до следующей деревни 5 верст, а через час бодрого продвижения вперед встречается другой, который говорит, что еще осталось 8.

"Ночью слишком холодно", - возразил ямщик.

"Весь день было сухо, да и вообще земля мягче дощатого пола. Может быть, у нас будет шанс пнуть одного из тех медведей, о которых вы рассказываете".

Я никогда не пинал медведя в его родной среде обитания и не имел особого желания делать это, разве что в качестве доверенного лица некоторых достойных знакомых, которых здесь не было.

"Мы найдем деревню", - объявил ямщик, понукая своих лошадок новейшим березовым кнутом. Можно смело рассуждать о том, как бить медведей, сидя в срубе, но разводить костер ночью в лесу и ждать их, а также волков, которые в это время года могут быть голоднее, чем следовало бы, - совсем другое дело.

Лошади пустились рысью, как обычно, вниз по склону, и тут коробок остановился от толчка такой силы, который чуть не опрокинул меня на спину. В сумерках нам встретился пень. Наезд на препятствие никогда не ломает коробок. Вместо этого разрывается упряжь, состоящая из множества ремней, веревок и проволоки. Эластичная упряжь имеет свои преимущества. Лошади остановились под "тпрррррррр" ямщика. Он достал из-под сиденья еще веревку, взял мой нож и начал латать упряжь. Через полчаса стемнело. Вдалеке

послышался протяжный вой. Лошади пустились наутек, но ямщик рывком остановил их.

"Волк", - радостно воскликнул он.

Затем раздался еще более громкий вой. Это был всего лишь пьяный крестьянин, догоняющий нас и поющий на весь лес и во всю мощь своих легких. Мы помчались галопом, на удачу проскакивая пни, подпрыгивая, как мяч, через корни. Ямщик спрыгнул вниз, открыл ворота и закрыл их, не останавливая лошадей. Мы были на деревенском пастбище. Еще несколько верст, и показались первые дома Сулингена, уже стемнело, все спали, хотя еще не было девяти часов. В крайнем доме в деревне горел свет. Во дворе за высоким забором находился человек. Ямщик вошел и заговорил с ним.

"Мы остановимся здесь", - сказал он через минуту. "У них есть дополнительная комната".

Дополнительная комната в данном случае, как и в большинстве других, означала, что у семьи был двухкомнатный бревенчатый сруб. Бревенчатые дома либо рубят и складывают на месте, либо покупают готовые, что-то вроде сборного дома. В последнем случае, т.е. если

покупается готовый"сруб", бревна подгоняют друг к другу в поселке близ реки, недалеко от места заготовки леса, бревна маркируют, чтобы их можно было потом собрать без проблем, снова разбирают, и сплавляют покупателю. Он получает "сруб" без окон, дверей и крыши, собирает его, замазывает щели мхом и грязью, выпиливает отверстия для окон и дверей, укладывает пол, потолок и крышу.

Внутри возводится большая кирпичная печь, под потолком размещается спальное место, и однокомнатный дом готов. По мере роста благосостояния или численности семьи добавляются новые дома, каждый из которых означает дополнительную комнату. Наш хозяин пока достиг двухкомнатной стадии процветания.

После жаркого дня стало холодно, и мы стояли во дворе, накрывшись одеялами. Жена слышала, как подъезжает "коробок", и знала, что это чужие люди на ночёвку. Самовар загудел еще до того, как мы вошли в дом. Маленькая девочка копошилась на темной спальной лежанке, сбрасывая одеяла. Дом казался душным от большой печи. Все окна были закрыты. Их нельзя было открыть ни летом, ни зимой, разве что вынуть из рам.

Это была молодая, но энергичная хозяйка, босоногая, с лицом, преждевременно постаревшим от тяжелой работы.

На ее русых волосах был наспех повязан красный платок для гостей. Когда мы вошли, она встретила своего мужа с укором за то, что он не успел отвезти пшеницу на мельницу. Это был крупный мужчина средних лет, бывший военнопленный из Германии, и старая служебная винтовка висела на гвозде у стены. Спор об этой муке нарушил воскресную скуку. На следующее утро, в 4 часа, снова начался спор о пшенице.

Они спрашивали, как много мы проехали в тот день. Крестьянин не слишком любознателен, не настолько, как можно было бы ожидать при редких посетителях, которые могли бы посплетничать с ним о внешнем мире. Его интересы, как и его мысли, ограничены местными проблемами. В этом году урожай хороший, но налоги высокие. Они были выше, чем когда-либо прежде в Сибири. Это была обычная жизнь фермера, мало чем отличающаяся от жизни в любой сельскохозяйственной стране. В Советской России впервые начался сбор новых крестьянских налогов. Что будет дальше - дело будущего. Все города в округе были заполнены солдатами. Возможно, здесь была какая-то связь. Это всегда был один из самых богатых зерном районов России. Налогообложение крестьян и раньше вызывало трудности. Этот конкретный крестьянин не жаловался.

Если налоги не уплачены, имущество конфискуется и продается. Это может быть лошадь, корова, дом или мебель, в зависимости от пожеланий нарушителя, при условии, что

этого достаточно. Один дом, который был продан за 125 долларов, удовлетворил 35 долларов налогов и 55 долларов судебных издержек и оставил 35 долларов владельцу. Крестьяне неохотно покупают дома, опасаясь, что старая политика национализации, которая была применена к помещикам и их землям, в конечном итоге может быть применена и к ним. В Сибири основными покупателями домов являются переселенцы с запада России.

Маленькая девочка свернулась калачиком на шерстяном пальто в углу и спала. Самовар уже закипел, и жена, пробормотав, что очень устала, улеглась рядом с девочкой и захрапела. У нее не было ни туфель, ни чулок, и она не беспокоилась о том, чтобы не помять испачканное хлопчатобумажное платье. Мы разговаривали - о войне - и пили чай. Крестьянин посмотрел на ружье и сказал, что оно в полной боевой готовности, так как волки в этом году придут рано, пастухи уже видели их в лесу. Я зевнул. Это был тяжелый день. "Мария!"** - позвал крестьянин, и женщина проснулась и вскочила на ноги так же быстро, как и заснула.

Она расстелила на полу в соседней комнате домотканое шерстяное одеяло. В одном углу стояла высокая широкая кровать, на ней аккуратно лежали восемь больших подушек. Две из них были брошены на пол для меня и моей спутницы. На кровати никто не спал, наверное, ее держали для православного патриарха или для Сталина, хотя они никогда

8. Крестьянская девушка в кои-то веки получила легкую работу

не приедут в эту деревню. Полки, закрытые занавеской, служившие шкафом для посуды и банок с медом, зеленый сибирский сундук, окованный латунью, на столе выцветшие фотографии в разбитых рамках, коммунистические плакаты, фотография семьи Романовых и полдюжины икон на стенах дополняли убранство гостевой комнаты. Крестьяне не курят в комнате с иконами. Я закрыл дверь между собой и печью, снял ботинки, задул маленькую лампу и уснул.

Когда я вышел в 6 утра, ища ручей, чтобы умыться, деловитая хозяйка большой деревянной лопатой вынимала из печи пышущие жаром круглые буханки. Полдюжины крестьян сидели на полу, привалившись спинами к стене и вытянув ноги. Она рассказывала, как ее муж опоздал отвезти пшеницу на мельницу, что мельница медленно мелет муку, что выпечка запаздывает и т.д. и т.п. Они слушали внимательно, так как она следила за самоваром. Муж хозяйки был во дворе и смотрел, как ямщик смазывает деревянные оси. Его собственная телега была уже запряжена.

Через десять минут чай был выпит, мясо, картошка и варенье съедены, и мы отправились в путь. Дверь была заперта, дом опустел, семья и их друзья, которые в тот день должны были помогать им в поле тоже отправились по своим делам через задние ворота, их ноги свисали с бортов телеги. Они кивнули нам на прощание, хмурые, но гостеприимные. Со времен военнопленных в этой деревне

не было ни одного иностранца. Жизнь крестьянина скучна, однообразна и полна тяжелой работы.

ГЛАВА VIII. ДЕНЬ ДОМАШНЕГО ПИВОВАРЕНИЯ

У русского крестьянина есть два развлечения: спорить с женой и выпить "налимониться", что означает " набрать лимонов" и является русским эквивалентом "напиться в стельку". Оба эти развлечения являются исключительно домашними, организующими семейный досуг. И для того, и для другого у крестьянина достаточно времени. В остальном жизнь скучна, поскольку деревня ничего не предлагает. В воскресенье в деревне устраивают иллюминацию. Эти споры заполняют свободные часы выходного дня. Это было воскресенье.

Когда мы выехали в 8 часов, необычно рано для нашего неторопливого ямщика, пастбища были покрыты росой и инеем. Естественно, он что-то забыл. Мы остановились у первого ручья, и он набрал воды для каждой из лошадок в свою кожаную торбу, объяснив, что они предпочитают пить из ёмкости т.к. пьют слишком много, если их морды оказываются в ручье. Обратно мы ехали более длинным путем, вдоль Катуни, но это его не беспокоило.

"В двух местах все идут пешком, а одну лошадь приходится распрягать, так как тропинка вдоль края горы слишком узкая для обоих", - объяснил он.

Он разговаривал с жителями деревни. Их информация о дорогах и расстояниях меняется, чтобы угодить собеседнику. Между собой они не сходятся. Мало кто из них когда-либо был в 20 милях от своей собственной хижины. Ямщик никогда не ездил по этой дороге за свои 30 лет стажа извозчика. Я тоже, поэтому я заверил его, что это отличная дорога.

"Ниетчево, для меня это все равно", - сказал он.

Он не спешил. Мы были на небольшой поляне, заваленной сосновыми бревнами. Пыхтя и ворча, он подкатил одно бревно к крутому берегу и сбросил его в реку. Оно исчезло со скоростью 10 миль в час. Леса теперь принадлежат государству, и заготовка бревен производится правительством. Их сплавляют по Катуни, чтобы сделать плоты или распилить на дрова в Бийске или Барнауле, а затем на баржах отправляют в Новосибирск или на местные лесопильные заводы. Каждый крестьянин вдоль реки также помогает себе всем необходимым, отрезает государственную марку с конца бревна и строит себе дом, демонстрируя

полезность государственной собственности на природные ресурсы.

Когда мы остановились спросить дорогу у первой деревни Ост-Муна, к нам подскочили пять молодых всадников, один из которых играл на аккордеоне, а остальные задорно пели (это были характерные признаки русской субботы). Чапалы, следующая деревня, была трезвой. Девушки в чистых воскресных платьях сидели на большом плоском камне, а внизу стояли парни, и гармошка, как обычно, исполняла свою партию.

Дорога была грязной, петляла по болотистому лесу, это были просто тропинки, каждый возница выбирал свой путь между деревьями. Ямщики считают грязные дороги плохими, потому что они утомляют лошадей. Каменистые дороги и еще более каменистые холмы, которые грозят сломать спину пассажиру, не так уж плохи. Мы проехали через деревенские ворота, и я прошел не менее 6 миль, от ворот до первого дома, через бесконечный лес призрачно-белых берез, изящных мраморных колонн под освещенной солнцем листвой. Береза так же полезна для России, как бамбук для тропиков, за

исключением того, что она не дает пищи. По бокам каждого бревенчатого дома, прикрепленные к выступающим углам, стояли березовые стволы, концы которых загибались в полозья для саней на следующую зиму.

Табличка перед первым бревенчатым домом сообщала всем путникам, которые могли бы проехать по этой дороге, что Кержалы - это деревня из 10 домов. Женщина в доме, по-видимому, единственный человек в деревне, сказала, что может дать нам что-нибудь поесть. В доме было грязно, а во дворе еще грязнее: свиньи валялись в грязи у ступенек, собака и несколько таких же грязных детей бегали туда-сюда. Большая кирпичная печь была горячей, и она объяснила, что приготовит нам немного мяса, а вскоре и самовар будет готов к чаю и вареным яйцам. Запах сушащегося хмеля, которым была покрыта верхняя часть печи, наполнил жарко натопленную комнату. Мы сели на ступеньки перед домом. На западе России крестьянские семьи спят на печи. В Сибири у них сбоку от печи, не выше 18 дюймов от потолка, есть лежанка, на которую они заползают, задыхаясь и летом, и зимой.

"Где все?" спросил я.

" Вот они", - ответила она, когда эхо песен и смеха донеслось из гущи деревьев на склоне холма над деревней. Из рощи на главную дорогу вышла босоногая женщина средних лет в короткой красной юбке, размахивая ведром, она пела и пританцовывала на пыльной дороге. Самовар пыхтел и не нуждался в дальнейших уговорах. Наша хозяйка исчезла в направлении сарая.

"Вчера я сварила восемь ведер", - объяснила она, возвращаясь с ковшом крестьянского пива, приготовленного из ржи и хмеля. "Одно ведро - это все, что осталось. На этой неделе деревня помогала нам на полях, и я приготовила пиво на воскресенье. Сама я не пошла, потому что у меня родился ребенок. Это уже пятый".

Пиво было далеко не игристое, но вкус его был приятным, а крепость - тем более. Государственная монополия на алкоголь не волнует крестьянина. Он делает свой собственный, дешевле и лучше, чем у правительства. Нуждаясь в доходах, правительство расклеивает по деревням плакаты о том, что самогон, домашнее пиво, опасны. Крестьянин только смеется и

делает еще одну бочку - воскресенье наступает каждую неделю.

Из переулка вышли еще три сестры-матери из общества домашних пивоваров и присоединились к певице с ведром. Их появление сменило ее радостное пение на горестный плач. Они гладили ее по спине, утешали и пытались петь, но ведро было пусто, и она села на землю на гладкое бревно перед домом и завыла так, что содрогнулись склоны холма.

Наша босоногая хозяйка оставила свои приготовления и вышла на крыльцо. Уперев кулаки в широкие бедра, она наблюдала за происходящим. Когда страдальческие вопли усилились - а русская крестьянка не имеет себе равных в мастерстве плакальщицы, - уголки ее усталых тонких губ сложились в улыбку. Это не выглядело сочувствием.

"Это мое пиво плачет", - наконец вырвалось у нее. Улыбка была всего лишь улыбкой добросовестной домохозяйки, честно гордящейся качеством своего пива. Ни один повар не смог бы получить лучшую похвалу, ни одна королева не смогла бы больше гордиться своим пиршеством. Она снова сходила в

сарай и принесла нам еще один полный ковш, держа в нем большой палец, омытый плавающим хмелем мутного варева. Но она продолжала улыбаться, ее талант был доказан.

Из переулка вышло несколько усатых мужиков, и компания скрылась в доме неподалеку. Плач прекратился, и начался праздник. Оставалось еще одно ведро. Мы съели яйца и мясо - женщина обошла всю деревню и нашла одну ложку и три вилки - подсластили чай медом, так как у крестьян нет сахара, и мы не заметили ни мух, ни грязи.

Пока американец не побывает за границей или хотя бы к югу от Рио-Гранде, он никогда не осознает, что наша в остальном здравомыслящая и практичная страна помешана на микробах. Каждый прикосновение руки, полотенце, буханка хлеба, бутылка молока, чашка для питья или другая прозаическая вещь вызывают в американце ужас перед микробами, атакующими его, единственного свободного от микробов человека в порочном мире. Эта паранойя повлияла на национальный менталитет, и американец дрожит от страха перед мыслью, что он может заразиться новыми идеями, непристойным

искусством, мировой политикой или даже самой природой.

Наша хозяйка довольствовалась 50-тью центами, пивом и мухами бесплатно. Маленькая девочка, которая проводила нас к дому, ждала на дороге. Не смогу ли я сфотографировать ее и ее подругу? Я их сфотографировал, и все жители деревни, кроме самых маленьких, подбежали, чтобы помочь мне и дать совет. Маленькая девочка старательно выговаривала свое имя, с гордостью подчеркивая каждую букву.

"Я буду ходить на почту каждый день, пока не придет наша фотография", - пообещала она.

Фотография была отправлена, но есть сомнения, дошла ли она. Вероятно, вся внешняя политика деревни держится на этом факте, они убеждены, что все нации, кроме советской, лживы, на основании того, что иностранец, который проезжал в разгар воскресного праздника, единственный иностранец, которого они когда-либо видели, не сдержал своего слова.

В соседнем лесу мы наткнулись на пробегавшую охотничью собаку. Затем на угрюмого рыжебородого

крестьянина, который пытался перебежать нам дорогу, что в случае с ямщиком сделать не легче, чем с таксистом на городской улице. Крестьянин сидел на первой из трех своих телег, остальные ехали следом. Наш ямщик поднес бутылку к губам и отпил. Это была всего лишь вода, но она была похожа на водку. Крестьянин с надеждой окликнул его. В надежде на выпивку он гостеприимно свернул на обочину, и мы проскочили между деревьями. Наш ямщик усмехнулся успеху своего трюка и помахал бутылкой. Что сказал в ответ крестьянин, было не очень вежливо.

" Берегись, ты еще свалишься с козел", - крикнул он.

Мы проехали мимо него. Он крикнул на лошадей и не отставал от нас несколько верст, потом замедлил ход, чтобы спеть. В деревне, пока мы ели, он задержался и, очевидно, не просто так. Когда в лучах заходящего солнца мы выехали из леса, до нас сквозь деревья доносился его истошное пение. Даже самый голодный волк убежал бы в ужасе от такой песни.

Понедельник - тяжелый день в России, будь то промышленный город или крестьянская деревня. Неутомимые статистики, у которых есть цифры на все

случаи жизни, программы и формулы для принятия мер по тому или иному поводу и тонны теорий, доказывают, что производительность труда в стране в понедельник составляет примерно половину от производительности труда в любой другой рабочий день. Поэтому они говорят о том, что понедельник снижает производительность, но ничего не могут с этим поделать, потому что понедельник всегда следует за воскресеньем, так же как головная боль всегда следует за весельем, когда в качестве лекарства прописывают еще больше того отчего болит голова "укуси собаку, которая укусила тебя".

В этот понедельник паром в Ия работал. Как и большинство паромов, они принадлежат местному крестьянскому кооперативу. В понедельник они не были сильно забиты. В Ия работают два парома с островом между ними. Мы заплатили последнему Харону 15 центов за две поездки и в конце встретили «трёх почтальонов из Бийска» - не такую великолепную, как "тройки" из книг и сказок, но все же достойное трио.

Когда около полудня мы въехали в Сростки, ямщику было поручено найти место, где можно было бы поесть. Ему было рекомендовано найти место, где

не слишком много мух. Найти место без мух было невозможно. Поиски еды требовали времени, а ямшик не мог заблудиться в деревне с одной улицей. Я вышел и сел в тени дома, на обычную скамейку из одной доски, которая стоит у каждых сибирских ворот или дверей, если двор не огорожен.

В некоторых странах поэты усаживают семью вокруг старого камина. В Сибири семья, вся или по отдельности, сидит в течение нескольких праздных часов лета, а зимой часто хорошо закутавшись, на скамейке за воротами и созерцает мир. Здесь ребенок приобретает свой первый взгляд на то, что находится за стенами спальни, здесь молодые люди назначают свидания, соседи останавливаются, чтобы поспорить об урожае и политике, древние старухи засиживаются, чтобы посплетничать - вся жизнь в Сибири происходит на скамейке за воротами.

Из дома через дорогу доносилась песня - сплошной шум и никакой гармонии. Из ворот вышла молчаливая женщина и, покачиваясь, пошла по дороге и обогнула угол забора. Песня приближалась, и вот появились двое широкоплечих мужчин с окладистыми бородами, развевающимися в такт песне. Они тоже исчезли за углом.

9. Паром в Сростках переправляется через реку

Появился еще один бородач с бородавкой на затылке, подергал калитку и обнаружил, что она заперта, бросил на нас один из тех злобных взглядов, которые, как подозреваю, достаются полицейским по всему миру, и деревенская улица опустела..

"У вашего ямщика есть дом в конце деревни", - сказал толстый крестьянин, подъехавший с телегой, женой и мальчиком. "Я боялся, что вы не сможете найти его, будучи приезжим", - продолжал он, явно довольный размерами своей деревни.

"Был здесь с пятницы, навещал друга, теперь еду домой", - закончил он, подмигнув и проведя рукой по лысой голове.

Столовая была такой, какую мог бы выбрать наш ямщик: большой двор с грязью, лошадьми, свиньями, собаками и маленькой девочкой, чистящей рыбу руками; и маленький домик, в котором старушка готовила еду. Это была контора троих почтовых служащих, один из которых еще не приехал. Они были разночинцами, ямщиками, почтальонами, кулаками или богатыми крестьянами. Двое, босоногие, сидели за столом на маленьком крыльце, прямо в дверях,

между ними стояла жестяная кружка пива, они напевали и боролись с миллионом мух.

"Заходите, пожалуйста, пожалуйста", - крикнул тот, что побольше, тоже хозяин.

Ямщик подошел после того как дал корм своим лошадям. Ему не терпелось поесть, но я предложил ему сначала смазать коробок, чтобы мы могли отправиться в путь, как только расправимся с чаем и яйцами. Это была мудрая мысль. Я прошел за угол в тень дома и сел за стол во дворе. Мух было не так много. Копошащиеся свиньи ничего им не оставляли. Подошла лошадь и начала есть свежую траву, нашу подстилку, из коробка. Ямщик с криком прогнал ее через весь двор.

Маленький почтальон с босыми ногами и пеной в рыжей бороде, свидетельствующей о выпитом за день, неуверенно зашел за угол, продолжая петь, и опустился на шаткую скамью у стола. Ближайшая свинья задела его, и он упал, свиньи завизжали, а песня закончилась. Он выпрямился, оперся рукой о стол, вытер рот тыльной стороной ладони и начал.

" Ты немец? Нет? На прошлой неделе я возил немца в Чамаль, врача, потому что он носил очки, и он меня сфотографировал. На этом все. Фотоаппарат сломался, и снимка не получилось.

Вы хотите меня сфотографировать? Потом отправишь в Америку".

Я не сделал этого, и он начал плакать, смахивая слезы все той же грязной рукой.

"С его русским языком все в порядке, он совершенно трезв", - настаивал мой собеседник, Николай Константинович, добавив к множеству стандартных тестов на трезвость еще один.

Может быть, в русском понимании он был трезв, но в любом другом понимании он был пьян. Это сказал бы даже лингвист Лиги Наций, что говорит о том, что знание русского языка может спасти репутацию многих, когда пиво льется рекой. Здоровенный почтальон, тоже босой, подошел с бутылкой пива и кружками. Он объяснил, что варит свое пиво из ржи, хмеля и меда. Как и все местные пивовары, он с гордостью рассказывал подробности рецепта, пока черно-бордовым пальцем спасал двух утонувших мух и наполнял стаканы. Правительство прислало в

деревню водку государственного производства на 250 долларов, но чиновники всю ее выпили. Ничево - крестьяне умели делать свое пиво, более дешёвое и более качественное, с такой же крепостью, как и водка. Я бы сказал, что у него был авторитет старшего сержанта.

"Вы меня извините, но я боюсь, что вы подумаете, что в Сибири все пьяные", - объяснил маленький почтальон, падая со скамейки во второй раз уже без помощи свиньи. Мой ямщик опорожнил свой стакан. Лошадь снова ела свежую набивку коробка. Ямщик вскочил, закричал, замахал руками, но в этот раз не погнался за ней.

Маленькая женщина вышла из-за угла дома с дымящимся самоваром и поставила его на стол. Здоровенный почтальон спокойно подхватил пустое жестяное ведро и исчез в том же направлении. Было ясно, кто в этом доме хозяин. Скоро поступил приказ: "Сегодня пива не пить!"

"Извините, Мария Иванова, но я сегодня пил", - пробурчал маленький почтальон.

"Не бери в голову, ты всегда пьян", - ответила она, протирая стаканы для чая.

Она вернулась за мясом. Маленький почтальон снова был на грани слез. Его речь становилась все более извиняющейся - за себя, за погоду, за почтовую службу, за нацию и за мир в целом.

Появился здоровяк-почтальон, с несколько туманным взором и с очередной кружкой пива. Стакан моего ямщика, как обычно, был пуст. Лошадь вернулась к яслям коробка. Я указал на нее. Ямщик повернулся и посмотрел и просто крикнул на лошадь, даже не вставая с места.

"Никто не может ходить прямо после трех стаканов этого пива - разве что почтальон", - объяснял гордый пивовар, когда появился третий почтальон. Маленький почтальон приподнялся и расцеловал своего усатого приятеля, после чего уселся на свинью. Он завизжал как свинья, так же пронзительно. Почтальон-здоровяк вернулся в дом с пустой двухквартовой банкой.

Летом и зимой, в дождь и снег, иногда с пассажиром, но обычно в одиночку, почтальоны

доставляют почту из одной деревни в другую, затем ее забирает другой почтальон, и так далее, пока до каждой деревни в Сибири не доберутся лошади, собаки или олени. Железная дорога находится на расстоянии 1000 миль от некоторых из них, а реки скованы льдом восемь месяцев в году. Волки и бандиты для них - одно и то же. Иногда они исчезают. Иногда тающие снега обнажают их кости следующей весной.

"За Америку", - сказал здоровенный почтальон, потому что пиво ещё было. Ямщик преисполнился энтузиазма, потому что в Соединенных Штатах лучше дороги, чем в Сибири, которых тут вовсе нет.

"Эта лошадь опять съела мое сиденье", - сказал я.

"Ничево, пусть съест хоть весь коробок, если хочет", - сказал ямщик, даже не оглянувшись.

Огромный почтальон снова был в доме. Он уверял жену, что приезжий хочет пить после долгой дороги. Казалось, просьба доброго самаритянина принесла свои плоды. Яйца и мясо были готовы, посуда вымыта. Я поспешил заплатить ей 50 центов за еду - пиво было

бесплатным. Ямщик разрешил не спешить, пассажир может спокойно спать в коробке до самого Бийска. Однако я подошел и забрался внутрь коробка и улёгся на то, что осталось от подушек из сена. Другие, кроме почтальонов, тоже могут ходить прямо после четырех стаканов. Ямщик с сожалением последовал за мной.

Свинья и скамейка снова столкнулись. Маленький почтальон лежал на спине, задрав кверху рыжую бороду к небу, перекинув ноги через лежащую скамейку. Здоровенный почтальон, когда мы проходили мимо, выходил из двери с очередной кружкой пива.

"Еще пива", - с надеждой спросил ямщик. Я помахал рукой на прощание, хозяин крикнул, чтобы мы остановились, но мы выехали через ворота на двуколке и понеслись по дороге в облаке пыли.

ГЛАВА IX. РАБОТНИКИ И ПУСТОЗВОНЫ

На второй день моего приезда в Сростки собрались директора библиотек из всех сел района. Они "принимали меры по выработке программы" - это избитое выражение в России. Это был день посещения местной библиотеки - квадратного одноэтажного бревенчатого здания, разделенного на четыре комнаты, стоящего на холме возле побитой ветром церкви на одной из околиц села. Главный директор, плотный, потный молодой человек в расстегнутой на шее рубашке, был там с десятком других участников собрания. В комнате грелся самовар, чай был необходим как для начала, так и для продолжения любого совещания в России.

"Я просто зашел посмотреть вашу библиотеку, пробуду в вашей деревне около часа", - объяснил я ему.

Я прошелся по зданию, а парень шел за мной следом, приветливый, но застенчивый, как многие деревенские юноши в незнакомой ситуации. Большая комната, в которую вела входная дверь, была пуста, если не считать пары скамеек у стены. В двух других

комнатах мужчины возились со счетами и бумагами, оглушительно щелкая костяшками китайской счетной машинки и заполняя цифрами страницы отчетов. В четвертой комнате стоял длинный стол, с двух сторон окруженный скамьями. На стенах висели несколько карт, пара партийных плакатов и фотографии государственных деятелей. Часть порванной газеты лежала на столе, смятая, как будто в ней было что-то завернуто.

Это, насколько я мог видеть или как мне показали, был весь ассортимент литературы в библиотеке. Государственная статистика о количестве крестьянских библиотек, которые функционируют в деревнях, впечатляет. Если говорить о том, что можно взять здание, открыть двери и назвать его библиотекой, то статистика, вероятно, верна. Сколько именно таких библиотек, как эта, где нечего читать и никто не читает и лишь большая вывеска над дверью неправильно ее именует библиотекой, госстатистика о тысячах "библиотек", не раскрывает. Здание вполне подходило для сельских собраний или для того, чтобы послушать речи партийных ораторов, если крестьяне не устанут их слушать. Это было мое самое близкое знакомство с библиотекой.

"Почему бы вам не купить радиоприемник и не принимать по вечерам программы из Новосибирска?" - спросил я директора.

"Мы пытаемся", - ответил он, обливаясь ручьями пота.

Он не стал объяснять, почему у них ничего не получается, кроме попыток. В этом не было нужды. Ответ был таким же, как и в случае с книгами, газетами, журналами и всем остальным, что обычно есть в библиотеке. Кто за это заплатит? У крестьянина никогда не было своей библиотеки, и поэтому он не ощущает в ней никакой нужды, или, не видя необходимости в библиотеке, крестьянин не хочет ее иметь. В деревенской церкви не было библиотеки, часто не было и школы. Крестьянин может пить свое домашнее пиво, петь и, возможно, устраивать драки по воскресеньям, и поэтому ему не нужна библиотека, или, если пойти в обратном порядке, то, не имея библиотеки, куда он мог бы отвести жену и детей посмотреть картины или послушать радио, однако он находит свой единственный отдых в том, чтобы пить домашнее самодельное пиво, и т.д. и т.п.

Возможно, правительство могло бы оборудовать библиотеки.

Вместо того чтобы посылать в каждую деревню казённую водку на 500 рублей, можно было бы посылать книги на 500 рублей. Однако водка приносит немедленную отдачу, а книги - нет. Дешевле и, видимо, не менее эффективно опубликовать статистику о том, что в деревнях открыты тысячи библиотек. Все должны верить официальным данным.

Молодые директора библиотек без книг были яркими и бодрыми, они толпились рядом со мной. Несомненно, их выбрали потому, что они знали ценность чтения. Но без книг они не могли преподать эту ценность другим, так же как не могли научить их плавать без воды.

В одном из городов я видел библиотеку с книжным шкафом на четыре полки. Это была самая крупная из сотен библиотек, что я видел. В ней было две полки политической философии, или сочинений, различных коммунистических писателей. На этих полках корешки только двух книг были захватаны и

следы от бесчисленных пальцев свидетельствовали о популярности книги лучше, чем длинные статьи критиков, что рекомендуют нам те или иные книги. Эти две книги были написаны Лениным. Третья полка хранила пестрый и невостребованный набор "тяжелых мыслей" между обложками. На четвертой стояли рассказы Джека Лондона, О. Генри и других популярных авторов, примерно половина из которых были русскими. На этой полке не было ни одной чистой книги. Если правительство и оборудует библиотеку, то она так сильно напичкана партийной пропагандой, что три четверти ее скудных томов нравятся только политическим наркоманами и бесполезны для привития любви к книгам обычным людям.

Между скромным деревенским чиновником, которому приходится общаться с живыми людьми и смотреть в лицо суровой реальности, и болтливым московским бюрократом с его победными речами - огромная пропасть. Наверное, ни одна группа чиновников, за исключением чисто восточных деспотий, не является столь недоступной для рядового гражданина или столь возвеличенной - пролетарской помпезности не хватает только царских регалий. Если

кто-то из высокопоставленных лиц выступает на публике перед простыми гражданами, газеты пишут, что зрители были "сильно поражены", как будто это был " Его Милостивое Величество Государь-Император!". Теоретически Советская Россия находится под диктатурой - "пролетариата", это теоретически - и для стабильности страны будет хорошо, если эта диктатура продержится еще десятилетие, пока массы пробуждаются и учатся.

"Царь умер, да здравствует комиссар!", напыщенный и отстраненный от простого народа, как и прежний царский сановник, и еще более безучастный к происходящему в обществе. Он не видит гражданского пробуждения, которое принесла его собственная революция, того, что русские открыли, что никто не рожден, чтобы править, что они сами являются настоящими правителями страны и учатся отстаивать свои права. Однажды они поймут, что отстранить бюрократа от должности так же легко, как избрать на этот пост неиспорченного товарища.

Ложная скромность не останавливает чиновника от согласия на замену своим именем векового названия города или села. Если он не может присвоить свое имя - к сожалению, обычно это революционный

псевдоним - целому городу, то он довольствуется улицей, пароходом, баржей, фабрикой или даже зданием. Невозможно отдать более высокую дань памяти лидера, который умер, но то рвение, которое большинство из них проявляют при жизни, чтобы запечатлеть свои имена на новых уличных табличках, может свидетельствовать об уверенности в том, что без этого их забудут, как только они сойдут со сцены.

Прижизненные мемориалы обходятся дорого и часто вызывают смущение. Как-то все судоходные компании Сибири назвали по пароходу именем генерала Лашевича в честь его революционных заслуг. Частью дисциплинарного взыскания, примененного к генералу за расхождение с большинством по чисто партийному вопросу весной 1926 года, стало снятие его с должности помощника наркома по военным делам Советского Союза и стирание его имени с пароходов, как раз когда летняя навигация была в самом разгаре.

Может показаться, что современная московская государственная власть измеряется единицами объема легких, характеризуя не только способность чиновника без устали говорить на любую тему, ничего

о ней толком не зная, но и его умение воплотить в жизнь эту свою грандиозную программу. Ленин - это мастерское сочетание ученика, мыслителя и человека действия - по-прежнему живее всех живых. Сталин, Троцкий, Бухарин и еще совсем небольшое число менее значительных деятелей имеют идеи и осмеливаются их высказывать. Обычная речь всех остальных - это набор цифр, составленных главным делопроизводителем его конторы, и каждая контора отличается своей статистикой, перемежаемой цитатами из Ленина, обильно приправленной дежурными фразами и расцвеченной популярной темой недели.

Если один из думающих говорит об угрозе войны, империалистической Англии, капиталистических Соединенных Штатах, хулиганстве, бюрократии или режиме экономии, ему вторят все остальные, пока кто-нибудь не заведет новый разговор. Неизвестные ораторы в рабочих* клубах часто оказываются более продуктивными в плане идей. Не довольствуясь тем, что усыпил аудиторию, "великий человек" еще больше возвышается, когда все газеты страны вынуждены заполнять страницы его пустословием. Однако если советские газеты делают ставку на скучное и

глубокомысленное, то американские впадают в другую крайность, эксплуатируя сенсационное и легкомысленное - одни создают нацию высококлассных мыслителей, другие - поколение джазовых недоумков.

"Будет ли окончательным результатом революции олигархия вместо монархии - это мысль, которая сейчас приходит в голову многим, в том числе и лидерам, после десяти лет стабильного правления после тех бурных событий 1917 года. После свержения господ и собственников рабочие начали работать на равных, но в течение десяти лет индивидуальные способности одних и энергия других привели и удержали на высоких постах определенное количество людей. В каждом городе так называемых капиталистических Соединенных Штатов есть такие же профессиональные чиновники.

В Советской России вместо наследственной родовой знати появился правящий класс политических преданных людей с их личным соперничеством под прикрытием диктатуры пролетариата. Когда абстрактные теории Маркса о политике, экономике и обществе проходят проверку на практике, эгоизм человеческой природы может оказаться сильнее

10. Сибирский однокомнатный дом

теории, и классовое превосходство, уничтожившее одну группу правителей, может расчистить поле для новой чиновничьей бюрократии, с каждым годом становящейся все более отстраненной от народа.

Старые коммунисты все еще находятся у власти. Они были, а некоторые и сейчас являются представителями народа. Они боролись и жертвовали лучшими годами своей жизни ради дела. В сегодняшнем коммунистическом государстве быть членом партии - это уже не угроза, не риск для семьи, имущества и жизни, а привилегия. В то время как старые большевики сходят со сцены, им на смену приходят "молодые карьеристы", хорошо пропитанные "коммунистической идеологией", олигархия второго поколения, рожденная для привилегий и должностей. Сегодняшний чиновник может быть отстранен от масс; а завтрашний чиновник никогда и не был одним из них.

Большевики видят отход от демократии и стремятся остановить его так же, как они решали другие проблемы своим особым способом. Бюрократию свободно осуждают и высмеивают в газетах и журналах. Неутомимые статистики собирают

цифры о деньгах, потраченных на телеграфные поздравления, и о часах, потраченных на их зачитывание на собраниях скучающим и засыпающим слушателям. Суровый старый большевик Михаил Калинин, премьер-министр СССР сам любитель поговорить за двоих, укоряет своих коллег за многословность и слишком частые выступления.

Удивительный аспект, который зачастую не осознается критиками, заключается в том, что чиновник-бюрократ, чрезвычайно искренен - если он коммунист, то искренен вдвойне, предан и партии, и стране. Его многословные, пространные речи не являются преднамеренным надувательством; возможно, они обильно приправлены государственной пропагандой, призванной повлиять на общественное мнение, но в основе своей это изложение того, чего чиновник искренне надеется достичь.

Реальность и мечта всегда были далеки друг от друга в России - как в науке, в промышленности и морали, так и в политике. Новые правители проповедуют новое евангелие утилитаризма, но десять лет прошедшие после революции слишком

короткий срок, чтобы изменить менталитет народа, даже менталитет самих вождей.

"Чему могут научить американские инженеры нас, грузин, лелеющих великие мечты о канале, соединяющем Волгу и Дон!" - пишет восторженный грузин, имея в виду марганцевые рудники Гарримана.

Мечта о судоходном канале - более великое занятие, чем взять лопату и выкопать канаву, чтобы полить грядки с картошкой. В некоторых странах человек, который выращивает две картофелины там, где раньше росла одна, ценится больше, чем строитель воздушных замков; его лопата тоже может понадобиться, если канал когда-нибудь станет реальностью.

Несмотря на то, что страна стала пролетарским государством, новые интеллектуалы склонны считать, что работать руками - дело неблагородное или даже постыдное. Интеллектуал не должен пачкать руки или одежду. В Соединенных Штатах инженер считался бы слабаком, если бы не смог показать рабочему, как орудовать лопатой, замешивать бетон или запускать двигатель. В России же инженер в курсе всех новейших

теорий, которые можно почерпнуть из книг, но когда на работе случается неприятность, он сидит в своем кабинете, созывает совещание и составляет отчет, указание или директиву о том, какие меры следует предпринять. Директива попадает к его помощнику, помощник отправляет его бригадиру и так далее, вплоть до рабочего, который не может толком ничего понять, а возможно, не может даже прочитать, но он ремонтирует машину - если уже это не сделал это - сделал как смог, по собственному разумению.

Врожденная русская слабость, которую воспитывает коммунистический коллективизм, - это нежелание приходить к решению или брать на себя индивидуальную ответственность за решение. Ничто не решается на месте или в тот же день, редко в ту же неделю, а часто и в течение нескольких месяцев, если вообще решается. Чиновник работает до ночи - нагрузка, которая изматывает самое крепкое телосложение, но с каждым днем накопление незавершенных дел становится все тяжелее. Сегодняшние встречи, сегодняшние решения, сегодняшняя работа откладываются до следующего дня, следующей недели, месяца, года или вечности. В то время как физическое выполнение работы идет по

нисходящей линии, ответственность за принятие решения о том, что должно быть сделано, идет по той же линии вверх. Человек на вершине завален работой. Такова система в России. Нынешние правители должны создать новое поколение, чтобы изменить ее.

Рационализация, борьба, проект, техника, стабилизация, концентрация, эксплуатация - вот некоторые из повседневной дюжины, заколдованный смысл которых не найти ни в одном словаре. Рабочий, получающий 30 долларов в неделю за 40 часов работы на американской фабрике, эксплуатируется. Он находится в частной собственности. Российский рабочий, который получает 12 долларов за 48 часов работы в неделю на государственной фабрике, продает товары по той же цене, что и кооперативы, платит большие налоги государству и получает 10 процентов прибыли для себя, - эксплуататор. Кооперативный магазин, субсидируемый государством и платящий минимум налогов, который берет со своих покупателей-рабочих до 390 процентов годовой прибыли, не называют эксплуататором.

В деревне жизнь другая. Чиновник читает грандиозные слова в московской газете, на которую он должен подписаться - проекты, программы и теории -

но они не ставят книги в библиотеку, машины в поле или хлопчатобумажные товары в сельский магазин.

Чиновник на селе каждый час сталкивается с реальностью и встречается с людьми не с трибуны и не в тишине радиостудии у микрофона, а в пыли деревенской улицы. Получить книги не так же просто, как сходить к реке и собрать камешки. Москва их не присылает. Вместо этого присылают речь с очередной программой. Библиотека остается лишь в планах или мечтах.

Сростки - большое село, каждый день оно либо грязное, либо если только оно не погребено под снегом зимой. Деревня находится на берегу Катуни, через которую ходит паром. Когда мы подъехали, трое крепких граждан лежали на досках греясь на Солнышке. Они ели один из мелких местных арбузов, хорошее опохмельное средство после воскресенья, а корки послужили для украшения окружающей действительности. Выбрасывание мусора в реку потребовало бы усилий. После долгих уговоров главный паромщик согласился открыть глаза.

"Подождите пятнадцать минут", - простонал он, когда мы попросили переправить нас. С противоположного берега доносились крики людей. Они были слишком далеко, чтобы досаждать паромщику. Температура была около 100 градусов по Фаренгейту (37 по Цельсию), но он был обут в высокие валенки, босые пальцы торчали из разорванной обутки, как зубы аллигатора. Ямщик начал отвязывать швартовочный канат. Паром покачнулся, Харон повернул руль под косым углом, и мы начали движение через реку. Паромщик что-то сонно ворчал. Конторщик, погруженный в чтение романа возможно был бы не меньше раздосадован тем, что его потревожили. Наверное, библиотека в деревне не улучшила бы ситуацию.

ГЛАВА X. БАНЯ В БИЙСКЕ

"С мирного времени в этом кресле не сидел ни один иностранный гражданин", - объяснял разговорчивый парикмахер в Бийске, намыливая мне макушку. При этом он был практически немым по сравнению с дамой-парикмахером за соседним креслом, деревенским репродуктором.

"И тогда они были другими", - продолжал он, когда бритва начала соскабливать песок, что раздражает любого цирюльника. "Когда-то они были хорошо одеты и чисты. Времена изменились".

Как человек может быть чистым и одновременно с этим пребывать в Бийске, он не объяснил. В дни, когда грязь не стоит по щиколотку, уши и глаза забиты пылью. Сегодня как раз было сухо, а я только что проехал 180 миль по стране и неделю спал на дощатых полах, где в качестве ванны были только ручьи из растаявших горных ледников. После того как листва и земля были удалены выше моей шеи - парикмахер попросил меня оттянуть ухо вперед, пока он прикрывая пальцем отверстие дул через смешной распылитель в укромные уголки. После всех этих

процедур я отправился в общественную баню. На входной двери висел замок размером с две ладони. Босая женщина с ведром, что говорило о ее связи с баней, загорала на ступеньке.

"Закрыто до четверга", - сказала она, а сегодня был вторник. Она указала на табличку, сообщавшую, что жители Бийска могут купаться только в четверг, пятницу и субботу.

"В другие дни воду греть не надо, никто не приходит", - объяснила она. "В гостинице есть ванна".

В этой гостинице была только одна ванна. Она будет доступна для гостей в 8 часов вечера. Будет ли она занята до этого времени? Конечно, нет, только приезжий в Бийске мог бы задать такой вопрос, никто другой во вторник в Бийске ванну принимать не будет. Другая причина заключалась в том, что в городе до 7 часов вечера не было горячей воды. После 19-ти часов горячая вода появилась только к 8-ми часам вечера. Ее подали с электростанции, куда послали гонца, чтобы ее включили по особому случаю. Теперь у входа стояла толпа. Баня во вторник - это то, что в России можно

11. На рынке Бийска, тележки - это овощные прилавки

получить только в выходной день, не стоя при этом в очереди.

Бийск был основан изгнанниками, верующими-раскольниками (старообрядцами) более 100 лет назад. Они крестились двумя пальцами вместо трех, и Священный Синод, не сумев добиться их уничтожения, как это пытался сделать царь Алексей в 17 веке, вынудил их покинуть родные места. Правительство дало им землю и деньги, чтобы они смогли наладить свою жизнь на новом месте. Их потомки и по сей день живут здесь во всех деревнях вплоть до Алтайских гор. Они такие же отшельники, как и их предки после завершения долгого пути из России, но стали зажиточными крестьянами. Поголовье скота большинства из них намного превышает те ограничения, которые советское правительство предписывает крестьянину. Мало кого можно увидеть без высоких кожаных сапог, даже в деревне. На западе России крестьянин покрывает ноги корой, подвязанной ремешками.

Бийск на реке Обь - житница Западной Сибири, так же как Минусинск на Енисее, разделенный небольшим горным хребтом, является житницей Восточной Сибири. В голодные 1919 и 1920 годы,

после революции, когда в Восточной Сибири и на Украине еще шли бои, Бийский уезд спас Россию от голодной смерти. Зажиточность города видна по его рынку с его тесными рядами крестьян, телегами и прилавками с овощами и фруктами. Большинство из них - частные торговцы, конкуренты государственных и кооперативных магазинов.

"Фотографируют нас, спекулянты, интересуются, что да как", - хмуро заметила одна пожилая женщина, увидев нацеленный фотоаппарат на ее торговое заведение - корзину с помидорами.

Специалисты говорят, что 90 процентов всего сливочного масла, экспортируемого из Советской России, производится крестьянскими домохозяйствами между Бийском и Алтаем. Многие деревни вырабатывают по восемнадцать тонн в неделю, и половина телег на пароме в Бийске каждое утро загружена полными флягами масла, соленого или сладкого, которые везут за несколько миль, чтобы добраться до железной дороги. Мед - еще один продукт, в большинстве случаев ульи представляют собой выдолбленные бревна, уложенные на настил. Соль здесь также добывается, но ее транспортировка нерентабельна.

Даже пшеница сталкивается с этой большой экономической проблемой России - транспортировкой на огромные расстояния. Перевозка пшеницы из Бийска по железной дороге и на судах в Ленинград практически то же самое, что перевозка пшеницы по железной дороге из Калифорнии в Нью-Йорк. Осенью, когда убирают урожай, реки маловодны и через пару недель замерзают до следующего лета. На них нельзя полагаться как на судоходные пути. Масло можно перевозить с прибылью, но с пшеницей всегда есть риск, а с дальнего востока, простирающегося еще на 2 000 миль до Японского моря, редко что стоит перевозить, иначе крестьянин будет получать ничтожные деньги. Владивосток - это единственный выход, но он в судоходном плане находится слишком далеко от Европы. Япония, конечно, может в конечном итоге стать покупателем, поскольку японцы едят все больше хлеба.

"Убит ли царь в Европе?" - спросил крестьянин в одной из деревень под Бийском. Это была аккуратная деревня с ухоженными заборами и домами, за исключением полуразрушенной церкви и кладбища, в поваленной ограде которого копошились свиньи. Леса на Алтае давно перевелись, и дров здесь мало. Во дворе каждого дома были сложены брикеты из навоза

и соломы, которые сушились на топливо. Новости о внешнем мире, даже о том что происходит сразу за околицей деревни, были скудными.

"Ну, кто-то сказал нам, что он сбежал в Европу и что там его кто-то застрелил", - упорствовал он.

Он был местным богачом с косилкой, веялкой, граблями и современным плугом. В этот день проехало не менее дюжины телег с важничающими крестьянами, на которых сидели улыбающиеся члены семьи, везущие домой какую-нибудь новую машину, купленную в городе. Их использование поощряется, но на большинстве полей стояли ряды мужчин и женщин, которые махали старыми косами, а молодые шли позади, подвязывая снопы.

Дороги - проблема Сибири. Несметные гектары плодородных земель еще ждут возделывания, потому что заселены только территории, что расположены вдоль железной дороги или рек. Остальные земли недоступны, и даже те, что находятся в нескольких милях от железной дороги, имеют только тележные пути, непроходимые после дождя. Поскольку даже в городах лишь немногие улицы асфальтированы,

строительство проселочных дорог - дело далекого будущего. До тех пор, пока дороги не появятся, а тарифы на грузоперевозки не станут разумными, Сибирь с ее богатыми запасами зерна будет сильно ущемлена как конкурент на мировых рынках.

"Раньше на строительстве дорог работали заключенные, кроме того крестьяне в той или иной местности были вынуждены содержать дороги в порядке", - объяснял председатель Западно-Сибирского исполнительного комитета Клевер. "Оба эти метода ныне отменены, и на нужды содержания дорог отчисляется 3 процента налогов. Это мало что дает. Оплата труда рабочих высокая, так как дорожное строительство должно производиться летом, когда крестьяне заняты на своих полях и не хотят работать где то еще.

"Наши главные усилия сейчас направлены на повышение производительности труда крестьянина. Пусть это не приведет к тому, что он будет меньше времени работать на своих полях, но это будет означать, что у него будет больше посевов, и налоговые поступления будут больше". Правительство завезло племенной скот, пока всего несколько сотен голов, но это только начало, читает крестьянам лекции

по сельскому хозяйству, и интерес к этому необычайно велик. Некоторые из крестьян объединяются и нанимают агронома, другие кооперируются и покупают технику, и мы призываем всех, у кого есть хотя бы 100 акров земли, обзавестись собственной сельскохозяйственной техникой. Спрос на неё растет с каждым годом".

Сибирский крестьянин не испытывает тех ограничений на землю, которые накладываются на крестьянина на западе России, где на каждого члена семьи приходится всего лишь от 4 до 5 акров земли. Кооперативная система была хорошо развита в Сибири задолго до революции, крестьяне собирали урожай, хранили зерно и другие продукты и совместно занимались сбытом. Новый порядок не сильно изменил эту систему и не привел к сокращению индивидуальных наделов.

ГЛАВА XI. КАЗИНО БАРНАУЛА

Город-призрак в пустыне, в полумиле от речной пристани и в миле от железнодорожной станции - это Барнаул в лунном свете. Однажды в полдень загорелась баня, и все было подчистую уничтожено между рынком и рекой. Это было 8 лет назад, и жизнь некогда процветающего города была похоронена вместе с его мертвецами. Лунный свет бросает гротескные тени через зияющие дыры, которые когда-то были окнами в больших складах и деловых зданиях. На полусгнивших тротуарах не хватает целых досок, в темноту улетают обрывки, а на пустынных улицах одинокие случайные пешеходы молча , словно призраки, бредут по щиколотку в песке. Это единственный город в котором нет чистильщиков сапог. Блеск не может перейти через улицу.

С рассветом, медленно, словно нехотя, Барнаул оживает, ибо это крестьянский город. Захудалый малолюдный рынок, занимающий полдюжины кварталов, где можно купить все - от живой лошади или коровы до ржавого подержанного гвоздя, - заполнен крестьянскими телегами, и все его маленькие магазинчики открыты. Все дела города

ведутся на рынке. Здесь есть все - овощи, мясо, повозки, мебель, скобяные изделия, одежда - некоторые товары новые, а некоторые настолько изношенные и поломанные, что их не купил бы и старьевщик. Но настоящий торговец купит и продаст все, что угодно.

"Я дам вам пять долларов за фотоаппарат", - предложил один. Другой подошел и намекнул, что даст больше, не называя цифр. Ни один из них не имел представления о стоимости камеры, но это была безопасная для "покупателя" цена - за фотоаппарат стоимостью 125 долларов, и в конце концов его наверняка можно было бы продать. Я отрицательно покачал головой.

"Сколько вы хотите?"

"Не продаю".

" А у вас есть поношенная обувь или одежда? Сколько возьмете за трубу?".

Наступила ночь, и рынок не подавал признаков жизни. Случайный сторож, сидел на земле,

закутавшись в свой большой овчинный полушубок, и крепко спал, такой же неподвижный и такой же полезный, как непроданные телеги и ржавые куски железа, тускло мерцающие тут же рядом под лунным светом. В полумиле дальше у входа в полуразрушенный городской сад стояли под тусклым светом три извозчика, уныло восседавшие на сиденьях своих ветхих дрожек, и сидело на корточках полдюжины женщин с платками на головах и корзинами жареных семечек. Вход стоил 15 копеек - городские парки в России не бесплатны, - и внутри не было ничего, кроме темноты и скамеек для беспечных влюбленных.

Дальше по улице в окнах бревенчатого дома горел свет и виднелась толпа, сгрудившаяся у его входа. Это был единственный пример ночной жизни в Барнауле. Сквозь грязные окна виднелась длинная, тесная, наполненная дымом комната, по всей длине которой стояли три стола, за каждым из которых по бокам стояли простые дощатые скамьи, заполненные пестрой толпой молчаливых, неподвижных мужчин и женщин. Через открытую дверь был слышен стук шаров в игровом барабане, государственная игра "лото" - единственный вклад правительства в отдых

12. Утренняя торговля в Барнауле

горожан, а также выкрики ведущего игры: "Пятьдесят один!", шелест карточек в притихшей комнате: "Семь!" снова шорох: "Пятнадцать!"

"Давольно!" - закричала женщина. Она заполнила строчку на своей карточке. Толпа в дверях зашевелилась. Одни покидали столики, другие занимали свои места. Я протиснулся локтями внутрь. Девушка придвинулась ближе к рабочему в рваном пальто. Он хотел спать или хотя бы купить еще водки, но его жена настаивала на игре. Через стол двое мальчиков скинулись и купили на двоих одну карту за 10 копеек (5 центов). Над ними висела большая табличка о том, что несовершеннолетним до 18 лет играть запрещено. Китайский торговец сорвал предыдущий банк. Ему вручили 5,49 рубля, хотя было продано 183 билета, и, очевидно, это был ошеломляющий процент для заведения.

На его карту полагалась только треть банка, остальное оставалось до следующей раздачи. Правительство забирает только 10 процентов от выигрыша. Каждая карта имеет три ряда чисел: верхний ряд - четыре, средний - пять и нижний - шесть. Если игрок выигрывает на верхнем ряду, он получает

треть, на среднем - половину, а на нижнем - весь накопленный банк, всегда за вычетом 10 процентов, которые получает правительство.

Барабан снова закрутился, и в мрачном игорном зале воцарилась тишина. В игре не предусмотрены фишки с жетонами. Новое применение находят семечкам подсолнуха и бумажным мундштукам русских сигарет. Длинные грязные столы были завалены семечками, окурками, мелкими камешками и мусором - всем, что могло бы пригодиться закрывать числа на карточке. Каждый игрок зачерпывал себе горсть, и игра начиналась, дым от множества сигарет странным нимбом вился вокруг фотографий партийных лидеров и настенных табличек, призывающих граждан к бережливости и высокой производительности труда.

В каждом городе есть свое казино, свой игорный дом, мрачный и непривлекательный, отличающийся, кажется, только размерами, но все они имеют своих почитателей. Игры также отличаются в разных городах, но лото и petit cheval (французская разновидность баккара) наиболее распространены в Сибири: для них требуется меньше обслуживающего

персонала, а сибиряк не является любителем карт. Танцы не поощряются как безнравственные, но азартные игры оправдываются тем, что они поддерживают бездомных детей.

Я внес 60 копеек на заботу о бездомных, но так и не смог крикнуть многократно отрепетированное "Давольно!". Любой азартный игрок, который пережил ночь в этой задымленной комнате с низким потолком, сможет выжить в следующей войне без противогаза. Я оперся на стол, встал и, пошатываясь, вышел.

"Дай-тее копеечку, товарищ, нет хлеба, нет отца, нет..." - донесся жалобный припев от босоногого, дрожащего мальчишки, стоящего у двери. Маленькая ручонка и певучее пение звучат за вашим ресторанным столиком во время каждого приема пищи, на каждом углу улицы, на каждой остановке поезда - это оправдание для государственных игорных домов в России. Но игорные дома процветают, а число "беспризорных" растет, несмотря на дома, которые предлагает государство, и нерегулярные облавы на беспризорников, быстро превращающихся в воров, карманников и убийц.

ГЛАВА XII СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА

Когда-то он был почетным камергером царя, а теперь вечерами бренчит на рояле в сибирской "пивной", или пивнушке. Когда-то он был председателем акционерной компании всех угольных шахт Московского района, основателем и президентом крупнейшего цементного завода, а теперь считает день не совсем потерянным, если перед рассветом скучающие извозчики бросят ему 25 копеек.

На улице двигалась факельная процессия, ведь завтра в Барнауле должно было состояться "Воскресеник юных коммунистов": оркестр, отряд красноармейцев, размахивающих руками и корчащих суровые физиономии при пении, еще больше знамен и стука барабанов, тук-тук-тук, мальчики и девочки поют, их восторженные молодые лица сияют, их глотки напряжены, девочки в красных косынках и голоногие мальчики в красных галстуках поют революционные песни, обличающие царское прошлое и восхваляющие новый социальный порядок и обещающие грядущую Утопию. Возможно, они на самом деле не знают и не понимают, что все это

означает, но старый "профессор" точно был в курсе. Посетители столпились у дверей, чтобы посмотреть. Он опустил руки, рояль замолчал, вспоминая дни, которые навсегда ушли в прошлое. Парад прошел. Зазвучали аккорды старинной арии.

Вчера вечером те же самые аккорды и соблазн посидеть в теплом месте и спокойно подождать открыли мне "Профессора". Мой речной пароход должен был отплыть в 9 часов, согласно расписанию, и я нанял дрожки, чтобы быть там к этому времени. В 9 часов пароход еще не пришел, и я брел обратно по пыльным улицам города. Он должен был прийти в 11; в 11 он уже должен был прийти в час ночи; в 1 час время перенесли на 3. Другие пассажиры протопали обратно примерно с километр до Поворотной - к креслу, к "профессору" и к его изысканным аккордам.

Худой, сутулый, с глубоко осунувшимся лицом, выражение которого никогда не менялось, он казался таким же неуместным в этой шумной толпе, как и его музыка. Отрывки из классических произведений, некоторые веселые, некоторые грустные, такие, какие можно исполнить, когда играешь на пианино в одиночестве - никаких предварительных выступлений,

ничего законченного. Затем он закуривал сигарету и молча сидел, глядя на клавиши. То, что происходило в этой комнате, его не интересовало.

Признания молодого человека по имени Якович, выпившего много бутылок пива, носившего внушительный портфель и что-то неразборчиво рассказывавшего, загадочно размахивая руками, обращаясь ко всем, включая дежурного милиционера, не произвели на "профессора" никакого впечатления. Он просто кивал, когда Якович что-то шептал ему на ухо, играл и курил. Рассвет был всё ближе, пустые бутылки у общительного Яковича продолжали прибывать. Тут еще двое молодых людей вызвали его гнев, тыча в него пальцами и обзывая его словами, которые часто используются в пивнушках, но не могут быть здесь приведены. Профессор" на всё это не обращал ни малейшего внимания, хотя Якович стоял буквально у его локтя, тыча пальцем в сторону двери и строя страшные рожи, которые стоило бы увидеть.

Когда молодая женщина, торгующая пивом, т.к. Якович был постоянным клиентом, схватила одного из его мучителей за шкирку и стала выталкивать его на улицу, сцена оживилась. Жена владельца, телосложением напоминающая канонерскую лодку, в туфлях без каблуков подплыла на помощь своей

младшей помощнице, и молодой человек вылетел вон вверх ногами, секунда тишины, затем послышался треск и щепки застучали по дощатому тротуару на улице. Профессор" задумчиво курил. Он даже одним глазком на всё это не взглянул.

Толстый, холеный "товарищ" с мальчишеской трубкой ласково обнял "профессора" за плечи и обратился к нему с просьбой. Тот взял аккорды грузинского танца с его синкопированной гармонией, всего лишь фрагмент, и все было кончено. Другой "товарищ" в измазанном брезентовом плаще и грязных сапогах, которые нетвердо ступали, хлопнул его по спине и разрыдался, услышав знакомую народную кавказскую песню.

Шумные мальчишки вернулись, смеялись и доводили Яковича до истерики. Он постучал по столу, подзывая двух рослых девиц, поднял свой портфель и многозначительно сунул руку в задний карман брюк, усиливая общее веселье. Полиция уже спала. Наказание за драку на пивной - 6 месяцев лишения свободы. За ее пределами штраф составляет всего 50 центов для рабочего человека или от 5 до 50 долларов для нэпмана, возможно, это зависит от соотношения умственных способностей - деловой человек должен

лучше соображать. Поэтому когда начинается драка, пивная заботясь о своих посетителях, выставляет их на улицу, где расценки ниже.

Толстая девушка в юбке, слишком короткой для ее кривых ног, взяла "профессора" за руку и прошептала ему какую-то просьбу. Он улыбнулся, это вечное женское прикосновение, и снова заиграл. Ссора возобновилась. Две добродушные женщины были в отчаянии. Все человеческое достоинство Яковича куда-то испарилось. Вдруг появился белобрысый, низкорослый мужчина в рубашке с рукавами, с трудом разлепляющий заспанные глаза. Это был управляющий, и он не стал тратить попусту слов. Мучителей быстро выпроводили за дверь и назад они уже не вернулись. Он заткнул рот Яковичу, который, насупившись, подхватил свой портфель и решительно ретировался.

"Убирайтесь на свои дрожки", - приказал он полудюжине извозчиков, блокировавших дверь. И те тут же стушевались перед властным авторитетом мужчины.

"Извините, что музыка не очень", - извинился он, остановившись у моего стола на пути ко сну, - "но старику нужно было как-то жить, и я взял его на работу".

"Да, он из старой знати, сейчас ему нечем заняться, кроме как играть на пианино в пивной", - объяснил пожилой и словоохотливый местный житель. "Ему 62 года, и парад для него уже прошел, и он никогда уже не наверстает упущенное. Довольно хороший старик, но он буржуй, поэтому его и отправили в Сибирь на три года. Должен был ехать в Нарым. От холода он бы там погиб, поэтому его на время перевели к ойротам, пока он не приплыл сюда и не устроился работать на кухне. Теперь же он настоящий профессор музыки".

На следующий вечер мой пароход все еще стоял на пристани. Я остановился у "Пивной" и заговорил с "профессором".

" Вам было весело вчера вечером?" - спросил он. "Я заработал всего 25 копеек, т.к. многие просят сыграть, а потом забывают заплатить, но я рад, что получил хоть что-то. Моя жена в Москве совсем

ослабла, и я ей нужен. Еще два месяца, и я смогу покинуть Сибирь и вернуться к ней".

В этом весь патриотизм. В Париже, Константинополе, Шанхае есть и другие, подобные "профессору" из Барнаула которые открывают двери кафе, продают попкорн, играют на рояле или даже хуже. Сентиментальность вздыхает, а здравый смысл говорит: "Если это всё, на что они способны, когда все привилегии удачного появления на свет в богатой и влиятельной семье уже не в счет, то насколько же они были некомпетентны, чтобы управлять страной и нацией".

По улице проходил парад; факелы и песни снаружи, "профессор" со склоненной головой внутри - две картины нового общественного строя.

ГЛАВА XIII. ВРЕМЯ И РАСПИСАНИЕ

В Советской России государственные поезда и пароходы ходят по двум видам «время по графику» (час прибытия и час отправления) – это то, что государство гарантирует пассажирам и трем видам «время фактическое», о которых путешественник узнает на месте. «Время по графику» - это московское и местное время. «Время фактическое»: во-первых, час прибытия или час отправления, указанный в расписании; во-вторых, час, объявленный вам чиновниками на различных станциях, и, в-третьих, фактический час прибытия поезда или парохода. Разница между московским и местным временем увеличивается с 1 до 8 часов по мере продвижения путешественника на восток через Сибирь. Разница в фактическом времени может составлять от часа до недели.

Для того чтобы разобраться в этих хитросплетениях, не нужно много путешествовать, но всегда остается тщетная надежда, как у лотерейного наркомана, что тебе встретится поезд или судно, которое придет вовремя, или обнаружится чиновник, который скажет правду. Когда поезд отправлялся из

Новосибирска в Бийск, дежурный по вокзалу не знал, когда он должен отбыть, но посмотрев в расписании, выяснил, что состав должен прибыть в пункт назначения в 9 часов вечера. При этом он забыл уточнить, что время отправления он указал по памяти местное, а время прибытия - по расписанию и московское, которое на 4 часа отстает местного. После 24 часов тряски на жесткой полке я обнаружил, что поезд оказывается должен был прибыть не в 21, а в час ночи следующих суток и, кроме того он, опоздал на несколько часов и от этого времени. В Бийске у дежурного по станции не было даже расписания, чтобы узнать, когда поезд должен вернуться в Новосибирск. Я решил воспользоваться речным транспортом и сел на пароходик.

"Никто никогда не спрашивает, когда отправится поезд, люди просто садятся на него и остаются там до отхода", - удивленно ответил он. "Поезд должен прибыть в Новосибирск на следующий день, но я точно не знаю, я не уверен".

"Вам повезло!" - воскликнул однажды днем служащий справочной на новосибирском вокзале, когда я поинтересовался, каким поездом можно

13. Трио деревенских кокеток

уехать на восток. "Парижский экспресс отправляется завтра в 6:40 утра, это его первый рейс", - гордо добавил он, выходя из своего маленького закутка и указывая на расписание всех поездов, написанное синим карандашом. Никто в России не торопится настолько, чтобы попытаться успеть сесть на поезд в тот же день, когда он о нем поинтересовался в справочной.

Транссибирский экспресс Париж-Владивосток, курсирующий еженедельно в каждом направлении, является " фирменным" поездом Транссиба. Его единственным недостатком, мешающим насладиться роскошью экспресса, является то, что такого поезда в природе просто ещё не существует. День недели и время прибытия и убытия с этой станции в восточном направлении и те же данные в западном направлении были указаны в расписании на каждой станции в Сибири этим летом. Об этом говорилось в проспектах, рассылаемых за границу и анонсируемых официальными информационными бюро. Благие мечты в России так часто опережают факты.

"Вы можете купить билет после часа ночи, когда мы получим телеграмму из Омска о том, сколько мест

осталось свободными", - пояснил услужливый служащий справочной.

Ближе к часу ночи я был на вокзале, пробираясь сквозь толпу людей, расположившихся на полу: одни спали, другие ели с газет, расстеленных на плитке в качестве скатертей, разложив на них не хитрый ассортимент из колбасы, хлеба и чая, а третьи просто ждали и пытались согреться. Справочное бюро было закрыто на ночь.

"Нандняк!" - сказал агент вокзала, что означает "на днях", это привычное слово в России, обозначающее разницу между оптимистичными планами и реальными достижениями. Транссибирский экспресс Париж-Владивосток может проследовать "Нандняк", хотя в расписании он значится так, как будто он действительно уже прибыл.

Почтовый поезд отправлялся в 3:48 утра. В нем был один "мягкий" вагон второго класса и восемь "жестких" вагонов третьего и четвертого классов. Станционный носильщик очнулся от дремоты в багажном отделении. Он мог достать билеты. В "мягком" вагоне было два свободных места, и их хотели получить около двадцати человек. Носильщики

- это билетные маклеры на промежуточных станциях. Каким-то таинственным образом они всегда могут достать билеты, хотя у маленького окошка с билетами всегда толпится несколько сотен человек, большинство из которых в конце концов остаются ни с чем и обречены на многодневное ожидание другого поезда.

Путешествие по реке, по стремительному течению Оби, протяженностью 453 мили от Бийска до Новосибирска заняло семь дней и шесть ночей. Коробок и две сибирские лошадки могли бы проделать этот путь за то же время, ежевечерне останавливаясь с наступлением темноты. Чтобы развить эту замечательную среднюю скорость менее трех миль в час по течению, пароход не двигался день и ночь. Большую часть времени он либо стоял на илистой отмели, либо ремонтировал свои древние механизмы, либо гнался за другим пароходом, который также стоял на илистой отмели, либо тоже ремонтировал свои механизмы, либо просто ждал.

Хотя это, вероятно, самый медленный паровой транспорт в мире, однако он является и самым дешевым в своем классе. Путешествие обошлось всего

навсего в $7,40, целая неделя на судне с просторной палубой, большими, чистыми каютами с водопроводом, рестораном a la carte (фр. по меню) и вниманием ко всем нуждам пассажиров. Эти пароходы отлично подходят для неторопливого путешествия, но они никогда не бывают на месте, когда компания заявляет, что они там будут. Западносибирское государственное пароходство располагает всеми пароходами на Оби, Енисее, Иртыше и Тоболе, на протяжении нескольких тысяч верст, это те же пароходы, которые были там до революции, ныне перекрашенные, отремонтированные, переименованные и абсолютно востребованные.

Пароход "Киргиз" отошел от Бийска в 8 часов утра, а на второй день, что я был гостем на его борту, в Акутике он причалил к берегу, и два часа грузил ящики с бутылками и другой стеклотарой. Женщины выстроились вдоль берега с корзинами дынь, лука, картофеля, яиц, молока, семечек, пирожков и всего необходимого, чтобы спасти пассажиров от голода. Пароход добрался до Бал Истока, еще одной деревни с бревенчатыми срубами, где к грузу добавились мешки с овсом и несколько сотен гнутых березовых

стволов, связанных ивовыми прутьями в виде колец - заготовки для тележных колес. Потом мы развернулись и поплыли вниз по течению, и сели на илистую отмель. Это было в 5 часов вечера, и спокойно просидела там до 9:30 утра следующего дня.

Экипаж неторопливо начал разматывать то, что было похоже на несколько миль каната, и перегружать его в шлюпку. Для них это было привычным делом, и к чему было спешить?

"Не ешь *поцолнук*, когда работаешь, товарищ", - наставлял капитан матроса, который, держась одной рукой за канат, другой непрерывно закидывал в рот семечки.

Вдохнув в подчиненного дух суровой дисциплины, капитан прикурил сигарету у матроса, прислонился к поручню и стал наблюдать за процессом.

"Не опускайте руки, товарищи, работайте усердно", - крикнул он, когда ребята энергично начали грести к берегу, чтобы привязать канат к стволу дерева. Привязать канат - это все, что удалось сделать, потому что все усилия усердных матросов в течение

всей ночи по натягиванию м наматыванию каната не привели ник чему и не сдвинули корабль с отмели. Под утро проходящий буксир освободил нас. Капитан сразу же направился к ближайшему глубокому месту возле берега и выгрузил всю стеклянную посуду и березовые заготовки. Еще один день был почти прожит.

Снятие пароходов с мелей на сибирских реках превратилось в целую инженерную науку. Илистые отмели постоянно перемещаются, русло может измениться за одну ночь, плоты уносят буи, а поскольку дноуглубительные работы не проводились со времен революции, когда пароходы перешли из частной собственности в государственную, навигация становится с каждым годом все более опасной. До войны одна треть российских грузов перевозилась по рекам, а сейчас, по данным транспортного комиссариата, по воде сплавляется менее 18 процентов.

Каждый пароход перевозит три или четыре прочных 25-футовых бревна, с одного конца окованных железным шипом и поперечным брусом, чтобы они не погружались слишком глубоко в грязь, а с другого конца только поперечный брус. Чтобы

перевалить одно из этих тяжелых бревен через борт, когда пароход садится на мель, требуется вся палубная команда. С помощью лебедки заостренный конец бревна опускается в ил. Между верхним концом и стойкой на палубе устанавливают блок-тали, шпиль начинает работать, и судно поднимается целиком, подтягиваясь за собственные канаты. После нескольких попыток, когда гребные колеса бешено молотят, а стремительное течение сносит вниз, пароход обычно освобождается.

Бревно, о назначении которого посторонний человек, впервые увидев его на палубе, ни за что бы не догадался, втаскивают на борт для следующей грязевой отмели.

"Радибога! Радибога!" - отчаянно вопил в темноте на берегу человек с непокрытой головой. В этот раз терпеливый "Киргиз" добровольно остановился на городской пристани, просто подтянулся к берегу и спустил сходни. Все вернулись на борт кроме этого несчастного, который теперь наблюдал как его судно отходит от пристани. В одной руке мужчина держал бутылку молока, в другой - буханку хлеба, а на руке балансировал арбуз. Прозвучало три свистка, полоса

воды между берегом и пароходом быстро расширялась. Бросив еду на двадцать центов он мог бы прыгнуть на борт, но соображал мужчина явно туго. Его призывы "ради всего святого" произвели на капитана не большее впечатление, чем последовавшая за этим брань, после чего все женщины сбежали с палубы. Остаться одному в грязной сибирской деревне без шапки и в отсутствие других пароходов минимум на пять дней - это суровый урок, но некоторые всегда будут опаздывать.

Под палубой толстая крестьянка билась в истерике. Она замешкалась на пароходе, чтобы продать на лишние несколько копеек соленых огурцов.. "Мои дети, мой дом, мои свиньи, мой муж!" - кричала она слабеющим голосом, задыхаясь, как загнанная лошадь. Озадаченный капитан (а он не спал на протяжении всего путешествия) бросился вниз, чтобы утешить ее, но судно не повернуло назад. Остановить его могла только очередная отмель.

Мы добрались до Бемаула засветло. И тут прискакал крестьянин с сообщением, что судно "Карл Либкнехт" налетело на камень и уже сутки как застряло со сломанным валом в 50 милях вниз по реке.

"Киргиз" отправился вызволять и буксировать коллегу. К трем часам ночи он вернулся.

"Просто поднимитесь на борт "Карла Либкнехта" и поспите", - сказал любезный агент. "Коммунист" придет в полдень, и вы продолжите путь на нем. Мы устроим вас поудобнее".

"Коммунист" пришел не в полдень, а в 9 утра. По словам агента, он должен отчалить в полночь, и я отправился в свою каюту. В четверти мили от меня по железному мосту прогрохотал поезд, но я уснул еще до того, как он пересек мост. Когда я проснулся в 7 утра, мы уже отплыли. Я высунул голову из иллюминатора. Железнодорожный мост все еще был рядом, только на 100 ярдов дальше.

"Он за нами всю ночь гнался, а мы не самое быстрое судно на реке", - подумал я, наполовину проснувшись.

Сонный морок в голове постепенно рассеивался. Даже в Сибири железные мосты не гоняются за солидными пароходами вверх и вниз по рекам. Мы

14. "Коммунист" принимает дрова для топки машин в Городищах

только что отчалили, по расписанию была полночь хотя Солнце уже было высоко.

Дальше больше! Целый день, очередные грязевые отмели и пока они опускали железные шипы и раскачивали пароход, попеременно поднимая его вперед и назад, больше пассажиров, оставшихся на берегу, больше остановок, чтобы подтянуть гайки на двигателе, построенном в 1875 году, но они делают всё, чтобы вам было комфортно, и в конце концов вы приплываете в место назначения.

ГЛАВА XIV. УМЕРЕННЫЙ КОММУНИЗМ

В Китае Камень назвали бы торговым городом, он больше обычной деревни и является своего рода районным центром, пересечением дорог, где встречаются торговцы. Здесь есть кинотеатр, магазины, пивные и всевозможные рабочие клубы. Это был "День рождения комсомола" - воскресенье, ежегодно отмечаемое в Советской России в честь будущих членов партии, на которых коммунисты возлагают свои надежды. Этот день означает парад, речи и обычное веселье.

После большинства парадов пивные магазины делают отличную кассу, смывая пыль. Обычный воскресный день в сибирской деревне способствует значительному росту производства домашнего пива. Камень, пыльные улицы которого заполнены молодежью, сегодня был трезв. Трое мужчин, обнявшись, с песнями выходили из пивной, казалось, единственные, кто свернул с привычного консервативного курса. Моралисты могли бы возразить, что в настоящее время воздержание легко обеспечить, обеспечив отдых или обучение в соответствии с законом. Во всяком случае, Камень был

трезв, что необычно для Сибири в воскресенье после парада, независимо от того по какому поводу было шествие.

Проповеди о вреде крепких напитков печатаются во всех стенгазетах на речных пароходах, что свидетельствует о широком движении за трезвость и необходимости в ней. Стенгазета - это порождение советской России со всем ее изобилием обычных газет. Стенгазета предназначена для удовлетворения местных или личных потребностей цеха, конторы или конкретной группы.

Это "Daily Dinosaurian" (Ежедневный динозавр) каменного века, отредактированная современными средствами, полноценное периодическое издание в единственном экземпляре. Периодичность выпуска зависит от группы. Стенгазета служит средством для того, чтобы напечатать похвалу или высказать порицание в адрес отдельного человека там, где это прочтут его коллеги, и в то же время это издание самое эффективное средство для того, чтобы донести до рабочего печатное послание политиков.

Как видно из названия, это настенный плакат. Его форма предписана как и определено, в значительной степени свыше , его содержание. Нестандартность идей ограничивается практически только личными мотивами. А их немало, в основном это жалобы на условия труда или персональные выпады в адрес тех, кто выше по должности. Однажды в моей гостинице в Москве покончил с собой молодой человек.

"Он отвечал за воспитательную работу на фабрике в пригороде", - пояснили в полиции. "Рабочие постоянно распекали его в стенгазете. Это стало для него единственным выходом".

Заголовок в верхней части стенгазеты - это рисунок, выполненный одним из сотрудников редакции, желательно в цвете. Всегда используются стандартные советские символы, но расположение может меняться. Ниже стенгазета делится на колонки, материал для чтения пишется о руки или на пишущей машинке. Каждая газета должна распределять свою площадь в соответствии с определенными пропорциями между мировой политикой, внутренней политикой и местными новостями. Оригинальное стихотворение, несколько шуток и тому подобные

полезные советы даются редакторам-любителям, чтобы украсить содержание газеты. Редакторы полны энтузиазма, но не проницательны. Один добросовестный редактор, пропитанный идеей, что пролетариат должен бороться и бороться за что-то, взялся за поэзию. "Капитализм" было единственным словом, которое подходило по рифме, и его поэма увещевала рабочих бороться за капитализм на земле. Ему посоветовали перейти на прозу и поберечь свою больную голову.

Крестьянские газеты, которые есть почти в каждом уездном центре - просвещают своих читателей в сфере сельского хозяйства и политики и контролируют большинство стенных газет. Издаваемая в Москве "Крестьянская газета" имеет самый большой тираж среди всех газет Советской России. Крестьянские газеты - это не только органы, в которых преподаются крестьянам уроки сельского хозяйства и политики, но и огромные организации, в которых отражаются настроения жителей страны. Газеты поощряют читателей присылать в редакцию свои письма. Те немногие из них, которые печатаются, оплачиваются. Московская "Крестьянская газета", получающая тысячи писем каждую неделю, имеет штат

сотрудников, которые читают каждое из них, затем составляют таблицы и подшивают их в папки в соответствии с темой. Партийные лидеры, взглянув на еженедельный отчет, могут легко узнать, какой вопрос больше всего волнует умы страны, какова популярная точка зрения, и могут формировать свои речи так, чтобы они соответствовали чаяниям народа.

В Новосибирске, столице Западной Сибири, государственная типография издает две ежедневные, две еженедельные и шесть газет на национальных языках: татарском, мордовском, латвийском, латышском, эстонском и немецком. Тираж "Крестьянской газеты" составляет 60 000 экземпляров, что равно тиражу всех газет Сибири до войны. Тираж ежедневной утренней газеты - 25 000, самый большой в Сибири, но есть еще шестнадцать других газет. Новости во всех практически одинаковые, предоставляемые правительственными информационными агентствами, с небольшим количеством местных репортажей, но большим количеством политических эссе по установленной для всех форме.

Редакционные коллективы достаточно хорошо обеспечены как зарплатами, так и идеями. В

крупнейших газетах главный редактор получает 115 долларов в месяц, его помощник - 105 долларов, а репортер - 75 долларов. Каждый должен написать за месяц двенадцать статей объемом не менее 900 слов каждая. Все дополнительные статьи оплачиваются в размере одной двенадцатой части месячной зарплаты. Сравнительная ценность статей на рынке такова: во-первых, политика, во-вторых, новые идеи, в-третьих, наука. Редактор не может принимать к публикации любые статьи, в том числе и собственного сочинения, даже если они касаются политики, без одобрения комитета. У каждой газеты также есть секретарь, который обязательно является членом коммунистической партии. То, что он не понимает в вопросах руководства газетой, он восполняет с помощью политики партии, и его слово является решающим.

На речном пароходе стенгазета находится на нижней палубе, где локтями толкаются друг с другом грузчики, команда и палубные пассажиры. Пассажиры первого класса имеют отдельную каюту и кровать, могут есть на скатертях, которые в начале рейса чаще всего чистые, и получают половину бумажной салфетки с каждым обедом стоимостью более 50

центов. У второго класса каюты поменьше, на столе клеенка и никакого намека на салфетки. Третий класс сходит на берег, когда судно останавливается, покупает еду и ест ее, сидя на своих деревянных койках, а четвертый класс стоит и хрустит семечками. Еда на берегу дешевая и домашняя, часто более вкусная, чем в столовой первого класса, и всегда дешевле.

Типичная стенгазета с неизменным цветным заголовком "крестьяне с серпами", "рабочие с молотами", "корабли", "фабрики", "поля" и "красноармейцы" начинается с рассказа о реальных или воображаемых бедах Англии, Франции, Германии, Японии и Польши. Затем газета переходит к домашним делам. Редактор на протяжении половины колонки пишет, что его не ценят, сурово упрекает чиновников, начальников и офицеров корабля, которые не обращают внимания на жалобы, появляющиеся в его колонках. Как и все редакторы, он говорит об отсутствии интереса к стенгазете, которая выходит недостаточно часто из-за нехватки материалов.

Следующая половина колонки иллюстрирована длинноносым профилем чиновника, который

настолько похож на оригинал, насколько хватило таланта художнику это сделать. Редактор называет имена и даты поездки этого начальника на корабле. Судя по ярким деталям, он все время был пьян, хвастался, что может бить крестьян, если захочет, и шумел так сильно, что другие пассажиры не могли заснуть, - а для того, чтобы не дать русскому уснуть когда он этого хочет, необходимо ужасно много шума.

С работниками столовых на кораблях (а все они находятся в частной собственности), которые грубо обращаются с посетителями, затем проводят беседу. Приводится печальный случай о честном путешественнике, который нашел в хлебе паука (мертвого и запечённого), что иллюстрируется рисунком, на котором вышеупомянутый обедающий держит паука между большим и указательным пальцами. Ничего не говорится о других животных, которых можно было бы обнаружить в хлебе, но они не были найдены.

Затем внимание уделяется коллегам-редакторам, городским пижонам, занятым нелегким трудом по выпуску иллюстрированных еженедельников. Похоже, они собирают с трудом заработанные

копейки с доверчивых пароходчиков, которые хотели бы посмеяться над шутками или полюбоваться фотографиями диковинных мест, а потом не присылают журнал.

Редакторов предупреждают, что больше подписки они не получат.

Другой анонимный автор имеет претензии к одному из лоцманов, настаивает на том, что тот уже достаточно стар, чтобы быть на пенсии, и однажды был замечен за болтовней с женщиной-пассажиром. Правительство снизило зарплату, удлинило рабочие часы и отменило зимние отпуска для лоцманов и офицеров, а стенгазете предоставлена дополнительная привилегия ругать этих людей, и все это, вероятно, способствует упадку некогда обширного речного сообщения в России.

Реки Сибири текут на север в Арктику. Петляя по густонаселенным равнинам, они кажется дышат этой суровой неизвестностью, не намекая на подводные камни под своей спокойной гладью, на притопленные бревна и на тайных контрабандистов, всегда тихо ускользающих мимо в ночи. Они неудержимо стремятся вперед, на замерзший север, оглашая

окрестности раскатами хохота, оставляя позади севшие на мель суда из пара и стали.

ГЛАВА XV НАУЧНЫЕ БАСНИ

ДИКАЯ и пустынная сибирская тайга, или таёжный лес, простирается на тысячи миль - это пояс пихт и берез, протянувшийся от арктического круга на юг до Туркестана. Таежный лес не похож на леса в других странах, где есть тропинки, дороги и открытые пространства с зелеными травами. Этот лес густой и непролазный, как копна кудрявых волос одного из крестьян с его границы, непроходимый, нарушаемый лишь озером или рекой, отражающей солнце. Упавшие ветви, поваленные деревья и заросли дикого кустарника накапливались веками. Это первобытный лес, в котором не ступала нога человека.

Каждое лето в тайгу, как и в другие неизведанные земли, отправляются исследовательские группы. Они возвращаются с чудесными историями о находках: диковинных животных, богатых месторождениях полезных ископаемых, неизвестных реках и других историях, способных разжечь любопытство городских жителей. Самым большим открытием этого года, как мне рассказали в Сибири, был затерянный город, основанный семьями стрельцов, которых Петр I казнил в 1690 году, город, где они жили и всё ещё

следовали обычаям тех дней и не знали о внешнем мире и о том, что он изменился. Одна небольшая деталь, не подчеркнутая в отчете ученых, заключалась в том, что они сами не видели этот сказочный город, им просто рассказали о нем. Когда они находились в лесу, к их костру однажды вечером вышел отшельник, возможно, золотоискатель, и после еды и других угощений рассказал им о затерянном городе.

Несколько лет назад он заблудился в тайге с двумя спутниками. В конце концов, они сдались и были по-братски съедены, а он спустя несколько недель, голодный и почти безумный, пришел в странный город в лесу. Это был город потомков Стрельцов, которые на протяжении двух с половиной веков питали месть к внешнему миру за смерть своих отцов. Его уже собирались казнить, но тут вмешалась молодая женщина - совсем как Джон Смит и Покахонтас - они поженились и счастливо прожили три года. К тому времени он так устал от старомодного уклада затерянного племени - ни радио, ни политических речей, ни цирюльников, - что сбежал от своей неухоженной жены и детей.

Практически все исследовательские экспедиции находятся в ведении Российской академии наук. Они

отправляются из Ленинграда, когда растают зимние снега. Каждая возвращается с рассказом об открытии, иногда фактическом, а иногда с отличным вымыслом, достаточным для того, чтобы оправдать расходы и обеспечить еще одну экспедицию на следующее лето. Одна партия возвращается, чтобы найти потерянный город. Другая экспедиция отправляется за Тунгусским метеоритом, который упал 30 июня 1908 года и, по словам тундровых метеорологов, весил 500 000 тонн, осветил небо на 400 миль и был слышен за 650 миль, когда упал. Сейчас он уже должен остыть, и ученые добавляют, что он состоит из чистого золота, платины и серебра.

Железная дорога, протянувшаяся через всю Сибирь, тонкой линией пересекает этот склад древесины. Реки, текущие на север к Арктике, прокладывают пути, которые открываются на несколько месяцев в году. На протяжении нескольких миль по обе стороны от железной дороги или рек леса вырублены. Изредка встречающаяся поляна с бревенчатым домом, иногда забор - вот единственные следы человека. Города вдоль железной дороги расположены далеко друг от друга и только на пересечении дороги с рекой, поскольку реки остаются

главными транспортными артериями. Между городами укрывшись за сплошной завесой деревьев, может находиться скопление домов, которое называют деревней, но оно слишком мало, чтобы обозначить его на карте, затем несколько разбросанных хижин, грязная дорога, появляющаяся на несколько миль и исчезающая в густых зарослях, а все остальное - сплошная стена леса, капающая, холодная, мрачная и темная.

Тайга - это также название города и железнодорожной станции, откуда начинается ветка на Томск. Из Томска еженедельно ходит пароход на север до Нарыма, 308 миль за 40 часов. Это последний путь для сотен ссыльных в это глухое, болотистое поселение в тайге. Как ссыльный район, Нарым стал таковым недавно, после революции. А большой концентрационный лагерь в Перми, в направлении восточной границы Европы, еще новее, его строительство было завершено в этом году. Теоретически советское общество будет совершенствоваться до тех пор, пока не отпадет необходимость в тюрьмах и ссылках, но до сих пор все старые тюрьмы переполнены до отказа, и нужны новые.

Места ссылки в Сибири изменились, но система остается. Раньше те же ссыльные, которые сейчас едут в Нарым, ехали в Якутск. Нарым ближе к европейской части России, транспорт дешевле и быстрее. Он также находится дальше от любой границы, и бежать оттуда труднее, хотя немногие из нынешних политических ссыльных пытаются бежать. Их максимальный срок редко превышает 5 лет, обычно 3 года, и они с нетерпением ждут того времени, когда смогут вернуться в Москву без помех.

Возможно, нынешние правители Советской России считают, что старые ссыльные районы, которым благоволил царь, освящены памятью тысяч революционеров, которые потратили лучшие годы своей жизни в этих безлюдных местах. Возможно, они не хотят, чтобы эти воспоминания были осквернены присутствием тех, кого сейчас ссылают за то, что их политические взгляды или личные амбиции расходятся с мнением нынешних правителей, как их собственные расходились с царскими, или просто за то, что они носят известные фамилии или помнят титулы, которые могут служить основанием для подозрения, что они готовы к заговору. Большинство нынешних правительственных чиновников отбыли

15. Живописные здания на берегу Оби

годы ссылки и знают Сибирь. Возможно, они выбрали более подходящие места с точки зрения наказания, одиночества и умственного застоя.

Те, кто знает Сибирь, говорят, что ссыльным, отправленным в Нарымский край, сравнительно повезло. Обдорск, расположенный в 30 милях к северу от полярного круга и в ста милях от места впадения Оби в Северный Ледовитый океан, еще хуже. Они прибывают поездом в Тюмень - либо медленным специальным поездом из "жестких" вагонов с зарешеченными окнами, либо несколькими вагонами, прицепленными к товарному поезду и охраняемыми солдатами. Оттуда они плывут 275 миль вниз по реке Тобол до Тобольска. Когда в Тобольске собирается достаточное количество людей, если реки еще открыты, от 1000 до 1500 человек грузятся на баржи и отправляются в долгий путь длиной 963 мили вниз по Иртышу и Оби до Обдорска.

При царизме политический преступник мог быть приговорен к труду в тюрьме, шахтах или лесах. Принудительный труд был отменен, за исключением Соловецкого острога в Европейской России. Соловецкая тюрьма была тюрьмой и до революции: остров в Онежском заливе Белого моря, бывший

монастырь, превращенный в тюрьму для церковных преступников. Теперь здесь содержится 12 000 контрреволюционных преступников и уголовников, не занимающихся политикой, отгороженных от остального мира непроходимыми льдами восемь месяцев в году.

Новый метод может быть добрее старого; Соловецкий - самое страшное из всех мест ссылки. В Нарыме, Тобольске и Обдорске их отпускают на волю, чтобы они сами себя обеспечивали. Некоторым разрешается жить в городах, другим - в специально отведенных местах за их пределами. Теоретически никому не разрешается отлучаться от своего места жительства более чем на 10 миль. Нарым населен, и крестьянам нужны работники. В Тобольске тоже есть небольшие фермы, а те, у кого есть друзья или родственники, которые присылать денежные средства, могут жить без работы на сумму от 10 до 15 долларов в месяц.

Обдорск находится за пределами области сельского хозяйства, за границами цивилизации, на краю тундры, непроходимого болота, простирающегося до самого арктического моря.

Тюремный изолятор, радиостанция, грузовые склады для судов, которые могут проходить через Карский пролив в течение четырех недель в году - вот и все. Изгнанники вынуждены жить у грязных самоедов, больных проказой, сифилисом и особой болезнью, от которой умирают за два года; эти юрты - единственное жилье на этом мрачном, безлюдном севере. Некоторых отправляют дальше от Обдорска с его осколками цивилизации.

Если у них нет средств, товарищи по ссылке могут помочь им из своих скудных средств. Ссыльные бывают разного возраста и положения, хотя старых и немощных редко отправляют на суровый север. Туда отправляются молодые и гордые, ибо север таит в себе утонченные наказания и деградацию, которые страшнее суровости климата. Для человека, который знал чистоту, приличия или комфорт, жизнь в самоедском юрте - это утрата человеческого облика, если не реальный смертный приговор. Зачастую достаточно дворянского титула, принадлежности к фамилии известного капиталисты или какой-либо другой случайности непролетарского рождения или знакомства с не теми людьми, чтобы обречь юношу или девушку на такую жизнь. По крайней мере, одна

бывшая княжна, простая девушка, живет в подобном убожестве и разврате.

Тайга, непролазная и мрачная, навевает тоску, когда поезд час за часом проходит между ее стенами, а за ней - тундра, унылая, бесплодная, пустынная, летом - болото, а 9 месяцев в году - лед, занесенный снегом, единственный луч надежды на то, что Москву все-таки еще доведется увидеть.

ГЛАВА XVI ИРКУТСК, ПАДШИЙ

Шестеро офицеров Красной армии разразились бурными аплодисментами после исполнения последней песни. Извозчик ("извостчек"), подвозя меня с вокзала, гордо ответил, что в Иркутске есть два хороших ресторана. Потом он добавил, что один из них закрыт, но на днях будет открыт "нандняк". Поэтому я пошел в "Палермо", который оказался не только открыт, но и шумен. В песне рассказывалось о комиссаре, который демонстрировал длинный официальный документ, дававший ему право распоряжаться железнодорожными составами, захватывать здания для собственных нужд, расстреливать врагов республики и вообще вести себя как абсолютный монарх. Хор поведал, что его посадили в тюрьму, несмотря на документы. Отсюда и аплодисменты армии.

"В Москве такие песни запрещены - в Сибири мы более свободны", - пояснил мужчина за моим столиком.

"А в царское время пели такие песни про чиновников?" - спросил я.

"Думаю, что нет, я бы сказал, что нет", - ответил он благоговейным шепотом. "Но эта песня посвящена комиссару 1918 года", - и тактично добавил: "Возможно, офицеры не стали бы так громко аплодировать, если бы она относилась к одному из нынешних комиссаров".

Оркестр снова заиграл, и пара вокалистов вернулась, исполнив на бис шесть куплетов о Живой церкви, особом приспешнике советского правительства. Суть песни заключалась в том, что церковь настолько нуждалась в служителях, что всем, кто присоединялся к ней, разрешалось делать все, что им заблагорассудится. Публика, не слишком болезненно реагирующая на добродушные насмешки над своим правительством, с энтузиазмом аплодировала.

В Иркутске молодые люди в ботинках и фланелевых рубашках и их белокурые спутницы с косынками на головах собираются вечером в первом (и единственном) ресторане местного кооператива, чтобы набить живот "перайжками", подобно тому, как золотая молодежь в других странах стекается к фонтанчику с газировкой в аптеке на углу. "Перайжок"

- это горсть рубленого мяса или капусты, окруженная тестом и затем сваренная в жире, как пончик. Он вкусен в горячем виде и размещается в желудке с уверенностью мешка с песком.

Местные иркутяне идут на свои "перайжки" как второкурсники на горячие пироги. Наблюдать пару, расположившуюся за столом с тарелкой, на которой лежат двадцать этих жареных "мешочков балласта" и две бутылки пива, - трогательное свидетельство сибирской выносливости. Обычные люди едят их только в пути, в те моменты, когда поезд останавливается и каждый бросается к очереди поджидающих поезд крестьянок и хватает два "перайжка" в одну руку и бутылку молока в другую и таким образом спасается от голодной смерти до следующей станции. В Иркутске же их едят для удовольствия и они имеют высокое общественное значение.

Иркутск - лишь разрушенная оболочка своей былой славы, когда-то он был самым гордым городом Сибири. Некогда он был конечной целью тех длинных обозов ссыльных, которые тянулись за 3 300 миль из Москвы, даже после того, как была построена

16. Церковь и улица в Иркутске

железная дорога. Александрофская тюрьма, расположенная недалеко от города, до сих пор является одной из крупнейших в России, и там они ждали отправки дальше на промерзший север. Город вырос в один один из самых красивых и уютных к востоку от Урала, с величественными церквями, мощеными улицами, широкими бульварами и хорошими гостиницами.

Теперь все это превратилось в руины и находится в упадке. Над тротуаром перед Государственным банком СССР висит полотнище с надписью "Здесь покупают золото", так как Иркутск находится на одном из маршрутов на Алдан. Это мог бы быть город, растущий благодаря золотой лихорадке, а не город, который жил и умер.

Он так и не оправился после боев 1919 года, когда его обстреливали большевики, преследуя отступающего Колчака. Царский двор, который Англия и покладистые союзники при поддержке свирепых казаков пытались обустроить в сибирских степях, растаял перед плохо обученной ордой, мчащейся по снегу на санях. В Иркутске чешские союзники Колчака выдали его красным, как сообщается, за наличные 500

000 долларов, а через несколько часов бывший адмирал и его премьер-министр предстали перед расстрельной командой за городом.

Почерневшие и осыпавшиеся стены, отметины от пуль на каждом здании на центральных улицах - вот память об этих событиях более чем восьмилетней давности. Сгоревшие здания не были восстановлены, а следы от пуль на других не замазаны ни штукатуркой, ни краской. Даже там, где кафельный пол почтового отделения обветшал, грубые кирпичи были свалены в кучу, как при ремонте проселочной дороги.

С тех пор Иркутск неуклонно приходит в упадок. На больших магазинах и общественных зданиях появились новые вывески, но это всего лишь смена владельца. Здания еще больше обветшали, ассортимент товаров стал меньше, а пыль на витринах - гуще, расшатанные доски на изношенных тротуарах отброшены в сторону, а не заменены на новые, недостающие булыжники с мостовой превратились в дыры, на которых дрожки раскачиваются, как лодки в шторм. Редеющий поток транспорта платит центы за проезд по некрашеному понтонному мосту, который летом перебрасывается через быструю Ангару между

железнодорожной станцией и городом. Полуразрушенные остовы лодок, которые когда-то усеивали реку, вытащены на берег. Над всем витает дыхание упадка.

Председатель исполкома предложил посетить пивоваренный завод и кожевенную фабрику в нескольких милях от города. Это единственные предприятия местного самоуправления.

"Александровская тюрьма такая же, как и до революции, посмотрите ее", - сказал он. Уверенный, что тюрьмы и кладбища не следует посещать добровольно, я отклонил приглашение. Они не могут быть хуже, самого Иркутска.

ГЛАВА XVII. БАЙКАЛЬСКАЯ ДОРОГА И НАРУШИТЕЛИ

В час ночи три пассажира сошли с местного поезда на станции "Озеро Байкал", двое спустились по склону холма туда, где в лунном свете расстилалось бескрайнее озеро, три красных хвостовых огня поезда исчезли за поворотом, и я остался один в темноте. Вдоль пути приближалась дюжина покачивающихся фонарей. Они материализовались во множество женщин, закутанных, как гоблины, каждая из которых несла лампу в одной руке и квадратный деревянный поднос под мышкой. Они переговаривались, обсуждая свои продажи, ведь русский путешественник в любой час ночи проснется и будет есть сваренные вкрутую яйца, колбасу и другие изысканные яства. Галактика огней исчезала за поворотом в противоположном направлении. Я на ощупь добрался до маленькой станции, которая, казалось, примостилась на внешней стороне изгиба пути, где Ангара и озеро соединяются перед тем, как железная дорога начнет свой длинный путь вокруг южной оконечности Байкала.

"У нас здесь на станции есть комната для путешественников", - заверил начальник, успокаивая,

пока не добавил: "Но она используется и для других целей".

"Пожалуйста, приходите ко мне домой, мне будет приятно предоставить вам место для ночлега", - объявил он.

В Иркутске Товарищ Мельников, который является секретарем райкома и хорошо осведомлен о местных достопримечательностях, посоветовал мне поехать на озеро Байкал, чтобы посмотреть золотые прииски и государственный зверосовхоз в нескольких милях к северу от Лиственицы. Он описал двухчасовую восхитительную поездку на весельной лодке вдоль лесистых берегов, возвращение в деревню на ночь и четырехчасовую прогулку по озеру на следующий день, чтобы успеть на поезд в Слюдянке. Он быстро подписал рекомендательные письма к станционному начальству, председателям сельсоветов и другим людям, которые могут пригодиться.

После того, как местные сибирские чиновники проинструктируют вас о достопримечательностях региона, легко прийти к выводу, что они действительно верят своим собственным блестящим

17. Озеро Байкал в лунном свете

отчетам об условиях в стране - они так искренни, но так ошибаются в вещах, которые находятся прямо у них под носом. В Новосибирске один восторженный чиновник рассказал о прекрасном озере в горах Алтая, расположенном в нескольких часах ходьбы через сосновые леса от Чамала. В этой деревне озеро было известно. С хорошим проводником до него можно добраться на лошади за две недели, если никто не сорвется с одного из многочисленных обрывов или не будет убит бандитами. В Чите секретарь исполкома настоял, чтобы я посетил музей "прямо за углом". Я так и сделал, но музей был закрыт уже три месяца.

Сегодня утром, когда я поинтересовался у местных жителей о настоятельно рекомендованных мне золотых приисках, они признались, что прииски есть. Они не разрабатываются уже много лет. Олень и несколько лисиц, возможно, есть в охотхозяйстве, но это было опасное путешествие на лодке, даже если держаться берега озера. При упоминании о четырехчасовом плавании на весельной лодке до Слудянки они вежливо отводили глаза и улыбались. Между станцией "Байкал" и "Слудянкой" 60 миль по воде.

"Человек, который сможет пройти на веслах такой путь за четыре часа, еще не родился", - подтвердил один из лодочников. "В любом случае мало кто рискнет попробовать пересечь озеро на лодке даже летом. Это довольно опасно даже на пароходе. А в это время года никто не отплывает далеко от берега".

Особенность этого "темпераментного" озера в том, что оно может быть гладким, как стекло, когда компания отдыхающих отчаливает от берега, а через полчаса превращается в бушующее море. Считается, что это самое холодное озеро в мире, местами настолько глубокое, что дно так и не было найдено, а по своим масштабам - высочайшее над уровнем моря. По наблюдениям деревенских геологов, оно начинает замерзать со дна, и лед выходит на поверхность, а не начинается сверху, как должно быть у нормального озера, и что подземная река соединяет его с Японским морем,

расположенным на 2000 миль дальше на восток, что объясняет, почему дно не было обнаружено.

В лунном свете озеро выглядело таким же мирным и спокойным, словно бандит в смокинге. Начальник станции расстелил свой овчинный

полушубок на полу в комнате. Он снова исчез и нашел два одеяла и простыню. Еще одна вылазка принесла охапку одежды, которую он свернул в комок для подушки, взбив её для пущего гостеприимства. Утром моросящий дождь обещал, что озеро намерено вскрыться. Должен был прибыть скорый поезд на восток. Другого не будет еще два дня - слишком много времени, чтобы потратить его на знакомство с лисой и, возможно, оленем в курятнике.

Начальник станции сказал, что поезд обычно опаздывает, и он позвонит в Иркутск и узнает, не остановят ли его на станции «Байкал» для посадки одного имеющегося пассажира.

Сегодня поезд отправился из Иркутска с опозданием всего на 1,5 часа. Последовало еще несколько телефонных звонков, чтобы получить разрешение на остановку по флажку и посадку пассажира. Очевидно, для такого важного события требовалась конференция в Иркутске между высокопоставленными чиновниками. Однако власти согласились и, как обычно, отнеслись к иностранцам благосклонно. Начальник пошел домой, надел брюки с красной полосой, снял с крючка красную фуражку

руководителя и воткнул за голенища сапог красный и зеленый флажки. Местный полицейский, который было собрался с женой на рыбалку, вернулся на берег и материализовался в таком же великолепии. Жена была довольна не меньше.

Вдали виднелся поезд, огибающий правый берег Ангары. Он вынырнул из-за выступающей скалы, машинист, уже опаздывающий, не слишком любезно посмотрел на ожидающего пассажира, сделал минутную паузу и снова пустился в длинный круг вокруг конца озера. По мере того, как поезд медленно огибает берега Байкала, этот безбрежный участок воды то появляется, то исчезает, словно его видно через ряд огромных окон. Ни одно место на скалистом западном берегу озера, где можно было бы проложить туннель, не было обойдено вниманием. В некоторых местах, не найдя ничего, что можно было бы пробить, строители соорудили туннели в виде навесов из камня и раствора, выступающих на разном расстоянии от скалы.

Позже, когда дорога стала двухпутной, энтузиазм по строительству тоннелей был ослаблен тюремным заключением прежних подрядчиков. На новой линии

тоннелей стало значительно меньше. В то время как восточный путь представляет собой непрерывную череду света и тьмы, западный путь, расположенный всего в нескольких футах от восточного и во многих местах отделенный лишь стеной тоннеля, проложенного первостроителями, на протяжении большей части расстояния проходит по открытому берегу озера. Железнодорожники говорят, что здесь сорок восемь туннелей, каждый из которых варьируется по длине от 20 футов до полумили. Я насчитал пятьдесят один за 133 мили и бросил. Сама железная дорога не знает, сколько туннелей ей принадлежит.

Старые паромные баржи, на которых раньше летом буксировали поезда через озеро, большие, как плавучие сухие доки, пришвартованы к берегам и разваливаются на части на станции "Байкал" и в Танхое на противоположном берегу. Паром пересекает озеро шириной в 27 миль за 2 часа. Самые быстрые поезда, три раза в неделю в каждом направлении, теперь огибают окружность озера - 145 миль - за 5 часов 20 минут, что значительно дольше. Зимой на льду прокладывали рельсы, и маленькие товарные вагоны

тянули лошади. Локомотивы не рисковали выпускать на лёд, а пассажиров перевозили на санях.

Это был еженедельный поезд "Маньчжурия", опаздывающий уже на 2 часа, уже слишком сильно отстающий, чтобы успеть на пересадку в Харбине, и дополнительные несколько часов задержки уже не имели большого значения. На станции Мирина, которая не значится в расписании как остановка, машинист задержался, пока кондуктор за 30 копеек покупал у мальчика орленка. Он надеялся продать его в московский зоопарк за много рублей. Один матрос пытался вскочить на паровоз, пока тот полз по очередному из бесконечных поворотов. Потребовалась еще одна остановка. В результате возникших дебатов было решено, что матрос нарушил умты-умты-умты чей-то указ и должен быть арестован. Его подняли на борт и отвезли на следующую станцию, где в результате дальнейших дебатов было решено, что его следует не арестовывать, а высадить из поезда. Поскольку это была именно та его станция, куда быдло нужно добраться моряку, то все остались довольны.

"Ужин будет готов в три часа", - объявил проводник вагона-ресторана, держа сигарету в уголке

рта. Сигарета оттуда никогда не пропадала, за исключением нескольких секунд, необходимых для того, чтобы зажечь новую.

Старый вагон-ресторан "Вагон-Литс" обслуживался государством. Менее претенциозные старые русские вагоны-рестораны находятся в скоростных поездах Владивостока и эксплуатируются частными арендодателями. Они представляют собой наглядный контраст между государственной и частной собственностью. В частных вагонах поощряется продажа еды и напитков, и они заполнены посетителями в течение всего дня и почти всю ночь. Вагоны, находящиеся в государственной собственности, служат лишь синекурами для госслужащих, которым досаждают случайные посетители. По имеющимся данным, контрабанда между китайской границей и Москвой является весьма прибыльным побочным промыслом.

Поезд сделал длинную остановку в Слюдянке, и большинство пассажиров, уже имевших в течение предыдущих нескольких дней опыт посещения этого вагона-ресторана, отправились покупать еду у крестьян с корзинами. Неподалеку находятся

знаменитые сибирские мраморные карьеры. На платформе мальчишки продавали куски слюды. Один кусок был куплен мной, чтобы подарить его моей московской гостинице, которая уже два года не ремонтирует печи в шести ванных комнатах.

Поезд снова тронулся, и в 3 часа в вагон-ресторан вошел голодный пассажир. Мне следовало бы знать, что пассажиру нельзя ни ожидать своевременного приема пищи, ни беспокоить государственных служащих. Проводник, кассир и два повара курили и играли в карты за одним из столиков.

Подошел официант, настолько удивленный моей просьбой об ужине, что даже убрал грязный пустой стакан из-под чая предыдущего посетителя и смахнул хлебные крошки с неимоверно запятнанной скатерти на столике. После этого он исчез.

"Ужин не готов", - крикнул кондуктор на весь вагон между двумя затяжками сигареты, не поднимая глаз от своей игры.

"На карточке, которую вы мне дали, написано "12 часов".

"Это время Верхне-Удинска", - пояснил он после розыгрыша карты и новых затяжек.

"Ну, сейчас 4 часа по верхнеудинскому времени".

Он не ответил. Ему следовало сказать "по красноярскому времени", в которое перешли накануне. Остальные игроки пробормотали что-то раздраженное. Подошли еще голодные пассажиры, проводник крикнул, что ужин еще не готов. В 3:30 игра прервалась. Оба повара исчезли, кондуктор удалился за свой отдельный столик с колодой карт, достал новую коробку сигарет и принялся сгребать со стола початые бутылки и стаканы, смахивая остатки завтрака с бумажного покрывала на пол.

В 3:30 появилась тарелка супа - жирной горячей водой залили холодные куски рыбы, приготовленной ранее в большом количестве. Следующим блюдом была предварительно отваренная цветная капуста, разогретая с соусом неизвестной консистенции. Основным блюдом была жареная телятина, приготовленная несколькими неделями ранее и теперь сухая и жесткая, протушенная в теплой коричневой подливке без овощей. Компот из

сухофруктов завершил скорбную трапезу. Цена составляла 1,75 рубля. За питьевую воду, масло или салфетку нужно было платить дополнительно. В частном вагоне-ресторане, несмотря на огромные налоги, призванные изжить неправедный частный бизнес, за 1,25 рубля кормят гораздо лучше.

В 9 часов следующего утра, когда вагон-ресторан должен был быть открыт, его бригада только вставала, хмурая и неопрятная. В 9:40 дверь отперли, пассажирам разрешили войти и подождать, пока согреется вода для чая. Государственная собственность - это в теории большая экономия для населения, но на практике - грубейшая дискриминация граждан, если брать в качестве критерия государственные вагоны-рестораны.

В частных вагонах-ресторанах часто бывают происшествия и скандалы. Один памятный обед начался с супа - так принято в России. Путешественник через стол выловил в супе что-то твердое, подгорелое, не похожее ни на морковь, ни на картофель. В его ложке уютно устроился умерший большой жук, похожий на потрепанную фею в морской раковине. Он нахмурился. Официант выглядел серьезным.

18. Разрушающиеся док и волнорез на станции Байкал

"Жук!" - воскликнул обедающий.

"Жук", - повторил официант.

"В супе!" с каким-то остервенением добавил иностранец. Он достаточно понимал по-русски, чтобы знать, что в супе, который за пределами Китая состоит из самых разнообразных компонентов, его быть не должно.

"Но это же летающий жук", - ответил официант, удовлетворенный найденным объяснением. Он аккуратно устроил насекомое на ладони и поспешил к повару. Обедающий доел свой денатурированный "Крестьянский" без дальнейших открытий.

Следующим сюрпризом в этом приеме пищи стал салат. Вместо того чтобы отталкивать пышногрудую посудомойку, ему следовало бы проявить к ней больше почтения, когда он проследовал мимо нее по служебному проходу перед кухней. Он был надменным норвежцем, а не представителем пролетариата. Мстительный повар может пережарить стейк, но оскорбленная посудомойка режет салат. В тусклом вагонном свете предстало прекрасное

сочетание помидоров и салата-латука. Мужчина ловко подцепил вилкой помидор, но он не проткнулся. Сверху лежал твердый толстый ломтик розового мыла.

Обедающий взревел. Официант закричал, что инстранец пытается его разорить. Толстый грузин-концессионер бросился по проходу от своей стойки, предвидя протокол и потерю своей концессии, предложил пострадавшему вознаграждение в 100 рублей. Мыло вернули на кухню, салат съели. В советском вагоне-ресторане есть многое, чего нет в меню.

ГЛАВА XVIII. ШЕСТЬ ЛЕТ ПРОГРЕССА

Даже в Сибири, где ресторан со скатертью - новинка, салфетка - потрепанный сувенир из давно ушедшего прошлого, а обедать в шляпе или без нее - дело исключительно индивидуальных предпочтений. Существуют определенные правила маркиза Куинсберри для состязаний на арене общепита. Сибиряк ловко подцепляет вилкой кусок мяса, который лежит в каждой русской супнице, кладет его в суповую тарелку, намазывает мясо горчицей, а затем заливает все это супом. Русский же накладывает все сразу в суповую тарелку и, в конце концов, ножом и вилкой расправляется с куском мяса.

Это всего лишь местные обычаи. В Обине орехи подаются первыми, а суп - последним, в то время как по другую сторону Тихого океана порядок обратный. В Японии воспитанный гость за обедом поглощает суп или чай с упоением, причем количество шума указывает на степень его признательности. Всегда осторожный англичанин разрезает пончик вилкой, а свободный сын Монтаны презирает технику ради куска пирога. Такие вариации не оцениваются как социальные ошибки, как это случилось на

железнодорожной станции в Верхнеудинске. Поезд прибыл с трехчасовым опозданием. Было темно, но всепоглощающая вонь была такой же, как и 6 лет назад, когда я был в Верхнеудинске. Я знал, где мы находимся.

Все бросились к маленькому привокзальному буфету. Там ждала толпа. В центре прилавка стояли четыре маленькие тарелочки с ассорти из нарезанных помидоров, ветчины, копченой селедки и картофельного салата. Я взял тарелку с помидорами, опередил китайского пассажира и занял место за столиком, взял тарелку супа с подноса проходящей мимо официантки и заказал гуляш из баранины. Почтенный бурят в аляповатом красном халате и высоком черном тюрбане мягко запротестовал на непонятном мне языке, печально покачал головой и вернулся к своим обязанностям - следить за стойкой. У него были и другие заботы, главная из которых заключалась в том, чтобы найти немецкого коммерсанта, который вышел из поезда в Верхнеудинске и, вместо того чтобы зайти в буфет, как полагается всем путешественникам, скрылся в толпе.

На перроне вокзала раздались два звонка. Официантка начала собирать деньги за еду. Мой чек был на 30 центов, хлеб бесплатно.

"Но она забыла салат из помидоров", - сказал я.

"Не обращайте внимания на салат", - посоветовал мой сосед. "За это не берут денег. Это же закуска. Она ваша".

В итоге оказалось, что дело обстоит именно так. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что посудина с нарезанными овощами, в которых я заподозрил салат, была лишь форпостом для соприкосновения с шеренгой пустых бокалов, размеры которых варьировались от обычного винного бокала до стакана для воды. Дальше в глубине, но вне досягаемости клиентов, находились главные силы наступления - ряд графинов с водкой. Процедура заключалась в том, чтобы взять закуску, выбрать стакан, емкость которого соответствовала тому насколько путешественник хочет согреться, и съесть несколько ломтиков закуски, предварительно одним глотком поглотив водку. Неудивительно, что почтенный Бурят был удивлен и огорчен тем, что я

закуску взял, а водку не выпил. Однако я обрадовался именно салату, это был единственный салат, который я нашел в Сибири. Я не знал, что это закуска. Овощи, особенно в сыром виде, в России не очень ценятся как еда.

Когда я шесть лет назад был в Верхнеудинске, его железнодорожные дворы были забиты вагонами, в которых проживало несколько тысяч человек. Остатки китайской армии, которую безумный барон Унгерн фон Штернберг изгнал из Урги, отходили на восток, а сотни мирных жителей ждали разрешения перейти границу на запад, в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. Верхне-Удинск тогда был самой западной станцией недолго просуществовавшей Дальневосточной республики.

Эмигранты, приехавшие из многих стран, в том числе сотни из Соединенных Штатов, возвращались на родину после падения царизма. Другие были чужеземцами, рабочими из США и Канады, которых манила надежда на новую рабочую утопию, громко обличли капиталистические страны, которые они покинули, и щедро расхваливали условия, которые они собирались найти в новой советской республике.

Те, кто вернулся в Россию после долгих лет жизни в Соединенных Штатах (один из 70 человек был там с юных лет), не испытывали ожесточения молодых энтузиастов по отношению к Америке, а только надеялись, что Россия будет такой же хорошей страной для рабочего человека, какой были Соединенные Штаты. Ночью все разъехались, и время покажет, сбылись ли их мечты.

Железнодорожные дворы снова были заполнены вагонами, новыми из мастерских и груженными зерном. Все это и запах были знакомы. Добродушный старый китаец с молодой рыжеволосой русской женой, его шаткие кровати в комнатах с незакрывающимися дверями, представлявшие собой единственную гостиницу, канули в Лету то ли от возросшей зажиточности жителей и гостоей города, то ли от конкуренции. Верхне-Удинск оживился как столица Бурят-Монгольской автономной республики. Шесть лет назад, он был своего рода границей, последней остановкой перед Советской Россией, в то время страной во многом иллюзорной, его улицы были заполнены красной пехотой и казачьей кавалерией, наступающих на Юг, через китайскую

границу, чтобы уничтожить барона Унгерна и его бандитов.

Верхнеудинск стал базой для новой политической политики СССР на китайском направлении. Некоторые говорят, что это всего лишь продолжение традиционной имперской политики России, которая все время расширяется на восток и юг, проникая все дальше в Азию. Воздушное сообщение связывает Верхнеудинск с Ургой, ныне переименованной в Улан-Батор, который является столицей монгольской республики со своим послом в Москве, ее покровитель, Союз Советских Социалистических Республик, - единственное государство, которое ее признает.

Еще дальше на запад, также к югу от границы, находится Танну-Тува, еще одна советская республика на китайской земле, дипломатическому корпусу кочевников которой некуда податься, кроме как в Москву. Это, если не самая маленькая, то уж точно самая малоизвестная республика в мире, площадью около 60 квадратных миль, с постоянной армией в 160 человек, обмундирование и вооружение которой

подарено Москвой. Надежная армия, пока обмундирование не износится.

"Просто праздник", - сказал извозчик, который вез меня с читинского вокзала по улице, где все магазины были наглухо заперты.

"Но какой праздник?"

"Не знаю, просто праздник", - повторил он.

"День защиты детей", - объяснил официант в ресторане при горсовете, заметив полдюжины маленьких девочек в воскресных нарядах.

"День рождения Сталина", - настаивал хозяин ресторана в саду, предлагая выпить водки.

"Какой-то церковный день", - пояснил секретарь местного комитета. "В любом случае, он был перенесен еще две недели назад, и я не помню, какой тогда был праздник".

Я так и не выяснил, кого следует благодарить за этот праздник - за его рождение, политические деяния

или что-то еще. В любом случае, поскольку на следующий день начиналась учеба в школе, этот день можно было бы назвать днем детей, потому что они выходили на улицу, чтобы в последний раз порезвиться. Все взрослые платили по одному центу за вход в общественный парк, почтенный учитель в кавказской вышитой тюбетейке и со слабыми легкими руководил играми малышей в манеже, а в старом деревянном театре для них бесплатно показывали спектакль "Красная шапочка и медведь", русский вариант "Красной шапочки".

Вспомнился другой "День защиты детей", когда я был в Чите 6 лет назад. В тот день у них был парад, один из самых печальных парадов, которые я когда-либо видел. Его возглавлял солдатский оркестр в рваной форме разных фасонов, их потрепанные со вмятинами медные трубы духовых инструментов поддерживали бодрый ритм, и это была единственная веселая нота в той колонне. За оркестром шли дети; мало кто из них был в обуви, да и та пестрела заплатами всех цветов, одежда была чистой, но старой, свидетельствующей о том, что она прослужила несколько лет, пока росли молодые ноги и руки, на худых лицах детей читались тревога и лишения, ведь в

те дни в Сибири не было изобилия еды. Мало кто из учителей и матерей, шедших в колонне, носил чулки. Все, что они могли спасти, было продано в барахолке, чтобы купить еду.

Семенов, приняв от царя титул атамана всех казаков, жил в Чите, пока его солдаты опустошали страну, а его бронепоезда сновали туда-сюда, похищая женщин и девушек и расстреливая американские фактории. Семенов дарил мужчинам бриллианты, а женщинам-членам Американского Красного Креста шелка и драгоценности, отобранные у его жертв, и настолько контролировал работу этой организации по оказанию помощи в Сибири, что ею руководила его любовница, бывшая харбинская артистка кабаре Маша. После того как Семенов завладел золотом Каппеля, он поручил одному американскому врачу, особо крупному получателю бриллиантов, вывезти Машу и все награбленное в Китай, в безопасное место, на поезде Американского Красного Креста. Врач получил медаль от Семенова за храбрость и три дюйма орденской ленты в качестве стандартной платы полковнику Красного Креста или нижестоящему чину за каждый вагон с гуманитарной помощью, доставленный атаману для реализации на рынке.

19. Большой проспект в Чите - это дорога из зыбучего песка

Семенов с его казаками, выгребавшими у населения все ценное, подчинялся приказам только Японии и союзников, Семенов жирел в Чите до того момента, пока не бежал на аэроплане от наступающих большевиков и крестьян.

Шрамы от его злодеяний остались. В большом колодце на заднем дворе его штаба лежали тела мужчин, женщин и детей, которых бросали туда живыми, а сверху на них бросали трупы лошадей. На окраинах города выкапывали и с почестями предавали земле тела расстрелянных и наспех присыпанных песком жертв.

Читинские развлечения не были легкомысленными. Тогда это была столица Дальневосточной республики, которая в течение года жила в тщетной надежде на признание со стороны внешних держав, пока не была присоединена к России. Это были опасные дни. Унгерн, Семенов и другие безжалостные налетчики угрожали ее границам, а деревни были разорены, железные дороги и заводы разрушены многолетними боями. В Чите общественный питательный пункт с его ежедневной порцией супа и куском черного хлеба спас от голодной смерти 5 000 человек. В тот "детский

день" рабочие, которых было немного, пожертвовали несколько копеек на помощь малышам. Работала только железная дорога. Министром путей сообщения был Билл Шатов, некогда организатор I.W.W. в США.

"День защиты детей" в этом году был другим. Старый общественный питательный пункт теперь стал муниципальным рестораном, чистым и в полуденное время особенно многолюдным, на столах лежали горки свежего белого хлеба, первого вкусного хорошего хлеба, который я ел за более чем год пребывания в России. Дети не участвовали в парадах, но они были на улицах, здоровые, оживленные, хорошо накормленные и аккуратно одетые, с отцами и матерями, которые не выказывали никаких признаков нужды. Шелковые чулки обтягивали многие ножки, которые 6 лет назад были абсолютно голыми.

Улицы Читы все еще представляют собой моря песка, но уже начато асфальтирование одной из улиц. Четырехэтажный отель, магазин и театр Самсоновича, который когда-то был самым большим зданием к востоку от Иркутска, до сих пор представляет собой руины с почерневшими от времени стенами. Администрация железной дороги продолжает занимать некогда прекрасное здание "Победы",

которое сегодня разваливается на куски, стоит обшарпанное, грязное и некрашеное, с неровно заколоченными грубыми досками входными дверьми. На главной улице Читы можно увидеть маленький чистенький магазинчик с вывеской, сообщающей, что он "принадлежит бывшим работникам "Второва" - это все, что осталось от некогда престижного торгового заведения, напоминание о тех временах, когда "Второв" был самым большим магазином в каждом городе Сибири.

На этот вечер был объявлен концерт в рабочем зале, названном Луначарским - Луначарский - в переводе означает "лунная магия" , что наводит на мысль о некоем магическом танце - но зал был назван в честь ученого Луначарского, который является министром образования в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике. После концерта начались танцы, которые продолжались и в три часа ночи. Приезжим из Москвы, где танцы не одобряются, а то и вовсе запрещены, такое легкомыслие показалось необычным. В Чите всегда любили танцы. Даже в самые голодные времена стойкий оркестрик из четырех человек ни на один вечер не покидал

потрескавшуюся и осыпающуюся цементную танцплощадку в городском парке, переполненную вальсирующими парами, которые еще больше разбивали свои и без того хорошо разношенные туфли.

"Танцы каждый вечер до трех часов, только сегодня вечером мы не участвуем в концерте", - объявила толстая девушка, продающая билеты в городской парк.

"Но в Москве это запрещено", - сообщил я ей, полагая, что информация непосредственно из резиденции правительства может произвести впечатление.

"Здесь только холодная погода может остановить танцы", - ответила она, и пара солдат от души рассмеялась.

В Чите действительно бывает холодно - 60 градусов ниже нуля, что может помешать танцам на открытом воздухе. Город находится далеко от столицы с ее партийными мероприятиями и ораторами, выдающими слова, как автомат-фонограф. Частный

бизнес платит налоги и процветает. Частные рестораны дешевле, а еда там лучше. Государственный отель занимает самое большое здание и почти не платит за аренду. Опытные путешественники предпочитают частные отели, которые чище, дешевле и предназначены для размещения гостей, а не для обслуживания политических функционеров. Государственный бизнес вынужден бороться с конкурентами, даже несмотря на огромные налоги на частников и постоянное вмешательство чиновников в их работу.

ГЛАВА XIX ПЕТР ПЛАТИТ ПАВЛУ

Команда "АВАУДЕВИЛЬ", которая, возможно, смирилась с постоянным пребыванием в Сибири, показывала сценку под названием "Госторг", что означает "Государственная торговля". Это было смешное представление, когда я видел его несколько вечеров назад, но оно настолько не соответствовало священным принципам советской экономики, что некоторые чувствительные критики могли бы назвать его контрреволюционным. Один мужчина выходит на сцену из кулис, неся в руках бутылку. В разгар его монолога с противоположной стороны появляется его партнер по сценке, тоже с бутылкой, и начинается разговор:

"Что у тебя в этой бутылке?"

"Квас [популярный безалкогольный напиток в России], а что у тебя в бутылке?".

"Лимонад. Я его продаю по 5 копеек за стакан".

"Мой квас тоже стоит 5 копеек за стакан. Я ищу покупателей".

"У меня есть 5 копеек. Вот возьми и дай мне стакан твоего кваса".

Продавец лимонада выпивает стакан кваса и причмокивает губами от удовольствия. Распространитель кваса с завистью смотрит на него и кладет 5 копеек в свой карман.

Далее следует еще один диалог.

"Вот тебе 5 копеек и дай мне стакан твоего лимонада", - наконец говорит торговец квасом.

Сделка совершена, и продавец лимонада кладет 5 копеек обратно в карман. Еще один обмен репликами, и он покупает очередной стакан кваса. За 5 копеек приобретается еще один стакан лимонада и так далее, пока обе бутылки не опустеют, а из рук в руки не перейдут только 5 копеек.

"Я продал весь свой квас, но у меня нет денег", - протестует один из них.

"Мой лимонад закончился, и у меня осталось только 5 копеек, с которыми я начинал бизнес. А мои

штаны износились от того, что я пятак то в карман, то из кармана достаю".

"И мои тоже. У кого мы возьмем еще одну пару брюк? Не знаю, а ты?"

Примером двух продавцов прохладительных напитков может служить государственная транспортная система. Около 25 процентов пассажиров поездов платят за свои билеты, остальные ездят по проездным, которые выдаются по требованию какого-либо ведомства и оплачиваются этим ведомством. Еженедельный экспресс Москва-Владивосток, проходящий 5 831 милю за 10 дней и 2 часа, часто не приносит более 500 долларов наличными выручки за билеты.

Большинство проездных пропусков выдается сотрудникам Народного комиссариата транспорта. Каждый работник, который относится к более низкой категории, чем служащий, имеет право на два проездных в год для себя и каждого члена своей семьи. Если он живет во Владивостоке, он может поехать сам или отправить кого-либо из членов своей семьи или всю семью целиком, два раза в год, в Батум

через Ленинград и обратно, расстояние в 17 600 миль, более 30 дней непрерывной дороги. Немногие предаются столь длительному путешествию; тем не менее, жены, дочери, кузины и возлюбленные, преодолевающие 5 831 милю между Владивостоком и Москвой, практически целиком заполняют "жесткие" вагоны.

И хотя бесплатные проездные неограниченны, возможно, это не такая уж большая потеря, как может показаться на первый взгляд. Зарплата железнодорожника невелика, многие получают 17,50 долларов в месяц в дополнение к четвертакам чаевых. Предоставление семье нескольких бесплатных поездок в год и возможность увидеть страну - это часть компенсации. Взимаемые с других ветвей власти суммы за проезд, составляют внушительную сумму в общей годовой выручке транспортного комиссариата и увеличивают фокус с извлечением денег из одного кармана и перекладыванием их в другой, но эта практика имеет косвенное преимущество для путешествующей публики. Если бы поезда не заполнялись владельцами проездных пропусков, очевидно, что для пассажиров за наличные требовалось бы или было бы доступно только одна

четвертая часть поездов. Поезд, который сейчас ходит еженедельно, смог бы курсировать лишь раз в месяц и при этом удовлетворять потребности пассажиров.

Платежеспособный пассажир обычно не ценит систему, в которой поезда и пароходы движутся не ради прибыли. В Москве пассажир может заказать билет за неделю вперед, но получит его только в день отправления поезда, и неизвестно, сколько мест в поезде останется после того, как все "мертвые головы" будут удовлетворены. Возможно, их не останется вовсе, и ему придется ждать еще неделю. Сесть на экспресс на промежуточных станциях - это больше похоже на лотерею. Не только владельцы льготных проездных билетов, но и начальник станции не знает, сколько мест освободится, пока не получит телеграмму от проводника поезда за несколько часов до его прибытия. За полчаса до прибытия поезда открывается билетная касса, обычно это круглое отверстие в стене размером не больше блюдца, и начинается бунт.

Толпа ожидающих, некоторые из которых, возможно, уже несколько дней живут, едят и спят на полу вокзала, бросается к окну. Измученный

начальник, которого до сих пор осаждают просьбами о билетах, облегченно вздыхает, надевает свою красную шапочку и выходит на платформу, чтобы принять поезд, его проблемы закончились до следующего поезда. Желающих уехать может быть человек 200, а свободных мест в поезде - 40, и 3 из них уступают место тем, у кого есть пропуск или "тяни-толкай". Первые пять человек, терпеливо простоявшие в очереди несколько часов, получают оставшиеся места, а кассир захлопывает окошко и отказывает остальным так же холодно, как таксист объезжает бродягу на обочине. Они могут сесть на местный поезд, который не так переполнен и более нетороплив, очень нетороплив, движется с множеством остановок и с пересадками.

Как ни странно, но добрый самаритянин, готовый на каждой станции помочь незнакомцу в чужой стране, является агентом "гей-пей-оо", политической полиции Советской России, которую часто боятся. За 10946 миль моего путешествия я не встретил ни одного, из тех к кому я обращался на множестве станций, кто не был бы вежлив, внимателен и готов терпеливо выслушать рассказ путешественника о его горе. В ответ я слышал неизменное " Предъявите,

пожалуйста, ваши документы", и мое имя попадало в список тех, у кого наверняка будут билеты на ближайший поезд.

ГЛАВА XX. АМУРСКИЕ СИЛУЭТЫ

У нас на корабле всего семь ножей, и одному из вас придется подождать, - звонко объяснила Галя восьми пассажирам, расположившимся за столом в столовой солидного судна "Комиссар", курсирующего по Шилке и Амуру в определенные сезоны года. В дни крещения Галя, возможно, подавала надежды стать голубкой, как указывало ее имя. Но в 16 лет, будучи уже советской "соломенной вдовой", она была больше похожа на упитанную утку: курносый носик, блестящие голубые глаза и соломенного цвета волосы в коклюшках. Для торжественного случая она смахнула грязь с голых ног и обула две широкие ступни в сандалии. Часом раньше, когда пароход отчалил от Стретинска, она приняла у каждого пассажира заказ из внушительного меню с бараньими отбивными, бифштексом и котлетами.

"Сегодня на обед у вас будет суп и голубцы", - объявила она. Семь ножей объяснили ситуацию. Голубцы - это фарш, приготовленный в капустных листьях. В последующие дни меню состояло из биточков, говядины по-строгановски, китайского гуляша и других "изысканных" блюд - и все это был

говяжий фарш, маскирующийся под разными названиями. Для супа и фарша не требуется целых семь ножей.

"Вы должны дождаться своего чая", - сообщила Галя, когда с фаршем было покончено. "Команда еще ест, а самовар я поставить не могу. Это грузовое судно".

"Наши пароходы - самые новые и самые лучшие на всех реках Сибири, чистые, с большими одноместными каютами, прекрасными буфетами и отличной едой", - уверял меня агент в Чите, когда продавал билет двумя днями раньше. "Поезд отсюда прибывает в Стретинск в два часа вечера и останавливается прямо у пристани, всего несколько шагов от поезда до парохода".

Возможно, этот агент видел только красочные литографии Амурского государственного пароходства, но более вероятно, что он был умышленным выдумщиком, как и другие агенты государственного пароходства. В любом случае пассажиры, когда они наконец найдут пароход, будут слишком далеко от

Читы, чтобы вернуться и учинить над ним расправу или попытаться вернуть свои деньги.

Отправившийся в 10:20 утра поезд из Читы прибыл в 18:35 в Куэнгу - узловую железнодорожную станцию для дальнейшего отправления в речной порт Стретинск. Состав в Стретинск должен был отбыть в полночь и мог прибыть в пункт назначения в 2 часа ночи. Начальник вокзала сказал, что пассажиры могут сесть в поезд только при наличии билетов, а билеты будут продаваться только за полчаса до отправления поезда. Куэнга - это деревня с разбросанными бревенчатыми домишками, одним фонографом, одной железнодорожной станцией и большим количеством природы. Деревня погрузилась в сон, и на улице было холодно и тоскливо. Терпеливые пассажиры сидели прямо на ступеньках станции и дрожали или спали рядом со своим багажом.

Прошел еще один поезд, оставив два "жестких" вагона, которые должны были быть прицеплены к пригородному поезду на Стретинск, когда он наконец соизволит прибыть. Осторожная разведка, не вызывая любопытства других озябших наблюдателей, выявила несколько свободных мест в этих двух вагонах. Я не

теряя оптимизма высказал предположение, что можно занять одно из свободных мест, так как самым интересным из всех развлечений, которые предлагала Куэнга, был сон.

"Это против правил", - ответил начальник станции. "У вас еще нет билета".

Мрачный вагонный проводник выразил свою полную поддержку этому замечанию. До торжественного открытия билетной кассы оставалось четыре часа. Солдат в тяжелом походном обмундировании с винтовкой на штыке напротив вокзала был более благосклонен. Убедившись, что у я не испытываю угрызений совести, беспокоя столь высокопоставленного чиновника, он с радостью согласился вызвать местного агента "гей-пей-у". Он рысью спустился по рельсам и поднялся на холм к рядам домов железнодорожников, его арсенал грохотал, как металлическая посуда на тележке, несущейся по колдобинам.

"Есть ли свободное место в вагоне?" - спросил молодой агент после того, как ему доложили ситуацию. Он не выказал никакого раздражения по

поводу того, что ему пришлось прервать трапезу и прибыть на станцию.

"У вас есть билет?" - был следующий вопрос. У меня его не было, но я собирался купить его позже.

"Ничево, посмотрим", - сказал он и направился к вагону. Я пошел следом с чемоданом. Два проводника, столько, видимо, нужно для маленького вагона, заваривали чай. Агент "гей-пей-у" спокойно предложил мне занять одно из свободных мест. Один из проводников недовольно заворчал. Агент ему все терпеливо объяснил. Ворчание продолжалось. Это, похоже, стало раздражать.

"Когда я вам говорю что-то, одно, что вы должны сделать, то вы это исполняете и никаких разговоров", - объявил агент.

Разговор резко прекратился. Оба проводника вскочили с такой поспешностью, что опрокинули чайник. Они нервно опустили верхнюю полку и подняли мой чемодан на подушку.

"Большое спасибо", - сказал я агенту.

"Пожалуйста", - ответил он, повернулся и ушел без дальнейших комментариев. Это еще одна сторона "гей-пей-у" - вежливый, здравомыслящий и услужливый - и, насколько я знаю по своему опыту путешествий, я всегда находил их таковыми. Час спустя галопирующая пешая артиллерия снова вызвала агента ""гей-пей-у"". Если я прямо сейчас не куплю билет, то, так крепко засну на своей жесткой полке, что даже не почувствую, когда отправится поезд. Агент " гей-пей-у" послал за начальником станции, а тот неохотно отправил за кассиром. Я купил билет и завалился спать.

Стретинск в 3 часа ночи. Поезд, опоздавший на час, был окутан дождем и темнотой. Мой читинский агент забыл гарантировать наличие солнца и отсутствие осадков. В четверти мили от станции, вниз по грязной дороге и по шаткому настилу из досок, в 20 ярдах от берега стояла баржа парома. Пароходная пристань находилась на противоположном берегу, а от парома до нее была еще целая миля по грязи и дождю. Двух помощников капитана разбудила собачка, которая заливалась лаем и пыталась укусить меня за пятки, когда я вскарабкался на борт судна.

"Конечно, располагайтесь, но мы не знаем, сколько пассажиров сможем принять, пока завтра не откроется контора", - сказал один из них. "У нас всего шесть кают, нет ресторана, нет постельных принадлежностей, мы не обслуживаем пассажиров, кроме золотодобытчиков и крестьян, у которых все свое".

Возможно, у разрекламированного парохода и есть недостатки, но его экипаж оказался сговорчивым. 2-й помощник одолжил подушку из своей каюты. Первый помощник предоставил одеяло из оленьей кожи, которое было теплым, хотя и очень куцым, позволяя укрыть либо колени, либо плечи. Матрос принес скатерть со стола в столовой в качестве простыни. Она была единственной. Во время этого рейса пассажиры ели на клеенке, так как я пришел раньше всех.

Ночью меня мучили сны о том, что я то ли регулировщик дорожного движения в Риме времен Нерона, то ли артист балета в методистской церкви. Мы плыли по холодному Амуру, но в каюте было душно. Молодой человек, занимавший третью койку, закрыл оба иллюминатора и включил паровое

отопление. Иллюминаторы открывали, и сладкая дремота возвращалась, пока зябнущему юноше не снилось, что он опоздал на последний дирижабль на Северном полюсе, и иллюминатор снова закрывали. Ночные кошмары не давали покоя подвижному окну, пока разгневанный пассажир, превосходящий нас по массе числом два к одному, не удалился в машинное отделение. Это был работник транспортного комиссариата из Москвы, взявший отпуск по безлимитному проездному. На следующую ночь было проявлено гораздо больше сотрудничества. Палубная вахта, из соображений безопасности, открывала окно каждый раз, когда высокопоставленный пассажир проходил мимо.

"Я умру в Сибири и никогда не вернусь в Москву", - приглушенно жаловался он в обеденном салоне.

В тот день после обеда мы причалили носом к берегу у маленькой деревушки. Веселый скупщик пушнины средних лет купил в единственном магазине "Магнум" - бутыль водки в 3,25 кварты (3 с небольшим литра). Он и его жена направлялись на очередную зимовку к тунгусам, и он полагал, что нужно отпраздновать, это событие прежде чем доберёшься

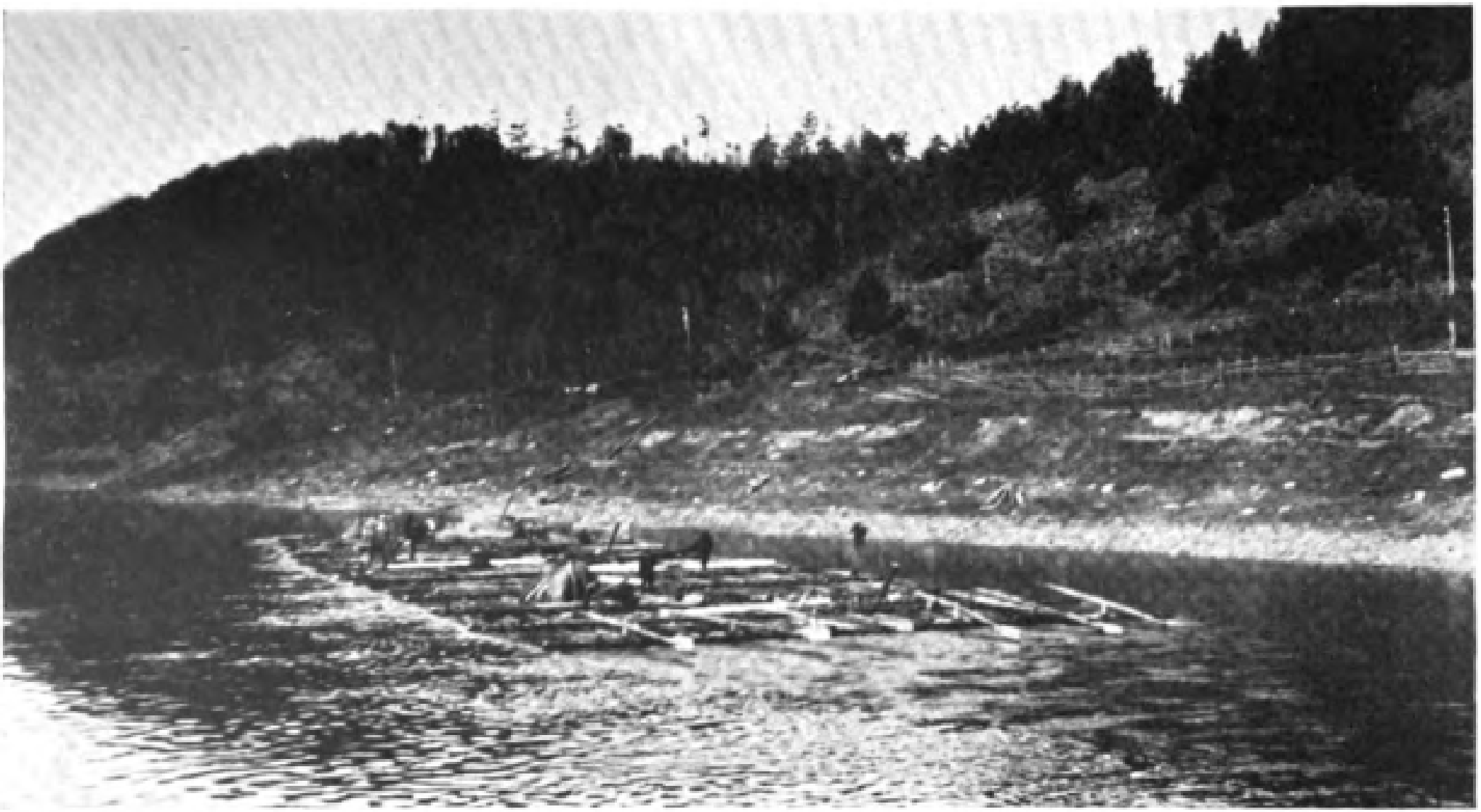
до угрюмого холодного севера. Они оставили дома своих одиннадцать детей. Каждый год жена сопровождала его, являя собой поразительный образец супружеской верности.

В тот вечер, по мере того как опускался уровень в огромной бутылке, серьезный молодой человек становился все более радушным. Для семи человек запас водки в ёмкости был более чем достаточным. Все пели, гармонь была нестройной, но приятной. Затем последовали танцы. Заиграли фокстрот. Много было отбито рук и ног. Кавказская девушка, возвращавшаяся по реке к своему мужу, солдату, исполнила плывуший национальный танец. Присоединился и вечно мёрзнущий юноша. Три кварты водки

золотопромышленника подошли к концу, и появилась бутылка китайского "бутлега".

"Оставьте все окна открытыми, мои легкие в порядке, я больше никогда не буду мерзнуть", - объявил юноша, когда рассвело.

Весь первый день пути между живописными извилистыми берегами Шилки, холмами и деревнями, уютно приютившимися в долинах, шел дождь.

20. Плот из брёвен и плавучий дом на Амуре

Приветливый агент одного из сибирских кооперативов и его жена уговорили двух молодых людей поменяться каютами. Вскоре они обнаружили, что агент заманил их в дырявую каюту. Началась ссора, и один из мокрых и разгневанных молодых людей назвал хитрого коммерсанта евреем. Называть еврея евреем в России запрещено законом, и еврейская пара (юридическое обозначение) громко заявила, что на ближайшей пристани молодые люди будут переданы " гей-пей-уу". Один из молодых людей тут же объявил себя агентом "гей-пей-уу", и капитана позвали, чтобы унять шум.

"Не обращайте внимания, через полчаса они все протекут", - утешил он их, имея в виду каюты.

На верхней палубе можно было бы настелить новый жестяной пол, но этого не было сделано. До революции, находясь в частной собственности, пароходная линия была прибыльной. Теперь, когда пароходство принадлежит государству, при более высоких тарифах, чем раньше, они показывают прибыль, но она только в бухгалтерских книгах, а не в реальных деньгах. Пароходы по-прежнему курсируют, с каждым месяцем становясь все более ветхими,

более дряхлыми, все больше не подлежащими ремонту, с меньшим вниманием к расписанию и обслуживанию пассажиров.

Сейчас капитану платят $36 в течение лета, пока пароход работает. До революции 1-й офицер получал 87,50 долларов в месяц в течение всего года. Экипаж небольшого пароходика теперь состоит из сорока восьми человек, включая четырех помощников капитана и четырех лоцманов, что в два раза больше, чем раньше, и все они выполняют гораздо меньшую работу. Экипаж, меняющийся почти каждый рейс по реке, имеет право голоса в управлении пароходом, что повышает их мнимую значимость, но не эффективность или экономичность работы.

Во время этого рейса вода была низкой, и капитан преодолевал мели, беря на каждой остановке как можно меньше дров для судовых двигателей. Во время обеда в каюту вошел матрос, представитель команды, в меховой шапке, засаленном брезентовом бушлате и грязных сапогах, и без каких-либо формальностей уселся рядом с капитаном, который обедал с пассажирами.

"Люди не хотят так часто грузить дрова, вы должны брать больше на каждой остановке", - сообщил он капитану. Капитан проворчал.

"Некоторые люди на этом судне знают свое дело, а многие другие - нет", - ответил он. Матрос достал карандаш и бумагу и написал протокол, в котором доложил о капитане вышестоящему начальству.

Капитан приказал матросу, стоявшему на вахте в носовой части, взять промеры глубин над илистыми отмелями.

"Ничево, не бери в голову, воды много", - ответил матрос, даже не взглянув на промерный шест.

Пароход сел на мель, и понадобилось полдня, чтобы снять его, но это ничего не изменило. В другое время пароход пришвартовали, чтобы погрузить на него дрова из многочисленных куч вдоль берега. Большинство пассажиров также сошли на берег. Две девушки ради забавы захотели помочь носить груз. Матросы сидели на берегу, пока девушки складывали дрова в кучу и переносили их на борт, 15 минут были потрачены впустую. После трех часов неторопливой

21. Юное поколение музыкантов играет на аккордеоне в Чепоше

погрузки капитан был готов к отплытию, раздался свисток, два матроса укладывали последний груз.

"Быстрее!" - крикнул капитан с мостика.

"Времени предостаточно", - ответил матрос, прерывая работу, чтобы посовещаться с товарищами на тему необходимости спешки.

Капитан хранил молчание. Со временем разбросанные в беспорядке поленья были собраны в одну кучу. В довершение всего и для поддержания веселья на груз водрузили еще одного матроса и подняли его на борт.

"Это не такой хороший капитан, как тот, что на другом пароходе", - сказал Николай Константинович, мой спутник.

Поскольку Николай Константинович до этого путешествовал в основном пешком или на четырех колесах, его стандарты мореходства могут быть интересны.

"Он страшно ругал матросов, обзывал их ужасными словами", - объяснил он квалификацию хорошего капитана, а русский лексикон необычайно богат словами, обозначающими умелое мореплавание. Советское мореплавание - это веселая забава для моряков, но нешуточная история для государственных судоходных трестов. Пока суда не износятся, все будут наслаждаться этим и оставаться счастливыми.

ГЛАВА XXI. СРАЖАЮЩАЯСЯ ГРАНИЦА

Вода в ведрах на палубе покрылась льдом, а склоны холмов побелели от инея, когда наш пароход пристал к берегу реки у маленькой деревушки Валинда, и две доски были переброшены на берег. Из одного из бревенчатых домов шесть солдат выносили на носилках товарища, что послужило причиной необычной остановки. Он был ранен три ночи назад и все это время лежал без медицинской помощи, пока не подоспело попутное судно, чтобы отвезти его вниз по реке, а потом еще два дня предстояло добираться до госпиталя в Благовещенске.

"Просто очередная стычка с контрабандистами - такое случается почти каждую ночь", - объяснил офицер, поднявшийся на борт.

Амур, граница между Советской Россией и Китаем, - протяженная, пустынная и ее трудно охранять. Сахар стоит 19 центов за фунт в Сибири и всего 7 центов через реку в Китае. Текстиль, шелк, пудру для лица, табак, кокаин и спиртное перевозить еще легче, а прибыль выше. Напротив каждой деревни на русском берегу находится деревня поменьше на китайской

стороне, "два дома и три склада", как описал их один пассажир.

Многие магазины на северном берегу являются таковыми только по названию. В одной деревне весь товар в единственном магазине состоял из шести 3,25 квартовых (3-х литровых) бутылок водки, двух дюжин брусков хозяйственного мыла, целой полки "махорки", крестьянского заменителя табака, и дюжины упаковок спичек. На китайской стороне магазины хорошо укомплектованы, и торговля течет через реку и далее по ее тайным каналам далеко за пределы прибрежных крестьянских деревень, вплоть до Москвы.

По словам охранников, пасмурными летними ночами гребная лодка бесшумно переплывает реку в уединенном месте, где кто-то ждет ее с контрабандным грузом. Одного могут схватить, другого застрелить, но на их место всегда приходят другие, и торговля никогда не замирает. Зимой, когда Амур покрывается льдом, через него тянутся тропы, по которым днем никто не ходит. Переправляются через реку Хунг-Хутзы, рыжебородые бандиты, которых маршал Чанг Цзолин, сам когда-то бывший в их рядах, а теперь, устав от набегов на своих собратьев-монголов, не может их подавить. Прошлой зимой они

прошли на север до железной дороги. Одна банда из сорока семи человек была взята в плен красноармейцами, главарей судили и расстреляли, а остальные сейчас сидят в тюрьме.

Американский хай-джекер находит своего собрата в сибирском "стоппортчике", который процветает, охотясь на контрабандистов, более отчаянный, чем даже сами бандиты, его винтовка готова застрелить каждого кто окажется на его пути.

На южном берегу Амура, напротив Благовещенска (день Благовещения пресвятой Богородицы), находится китайский город Сахалин, обозначенный практически на всех картах как Айгун (Айгунь). Айгун - старый, заброшенный город в восьми милях дальше на юг, но именно он фигурирует в рассказах о событиях в северной Маньчжурии.

Сахалин - молодой и процветающий город, живое свидетельство прибылей от контрабанды.

В настоящее время это единственное оправдание его существования, но в будущем, когда медленный ход событий вновь приблизит неизбежную борьбу между Японией и Россией за господство в восточной

Азии, город может приобрести большое и важное значение.

Китайские посредники в Сахалине обычно ежедневно принимают российских рублей на сумму 10 000 долларов.

Рубли поступают из-за реки.

Деньги, уплаченные китайскому посреднику в Благовещенске, в течение нескольких дней поступают на депозит в любой банк Китая.

Комиссия составляет всего 1 процент. Депозит будет в американских долларах, а рубли вернутся в Россию; ввоз денег разрешен. Советская милиция арестовывает посредников на своей стороне, а китайцы в ответ обещают расстрелять любого, у кого найдут российские рубли. Незаконная банковская деятельность на некоторое время затихает, но затем снова набирает обороты.

В сахалинских магазинах хранятся запасы, которых никогда не найти в монгольской деревне. За день между двумя городами открыто проезжает не более

десятка человек. Но шелковые чулки, шелковые платья, шинели, английский табак, все, что имеет сбыт, попадает с полок Сахалина в Благовещенск и далее по всей России.

Контрабанда не является большим секретом или грехом. Она никогда не является таковой в своем родном районе. Контрабанда вызывает смех и приносит огорчения. Так три сестры, каждая из которых имела своего рода официальные знакомства, процветающий бизнес по продаже изысканной женской одежды. И вот одна из них снизила цену на шелковые чулки, а две другие после этого потеряли покупателей, и началась семейная ссора, о которой сплетничали все в Благовещенске - все, кроме таможенников.

Небольшой катер совершает рейсы через реку, когда есть пассажир. Для переправы на нем необходимо официальное разрешение (стоимость 6 долларов). Чтобы получить разрешение, иностранцы должны доказать, что поездка необходима для лечения, встречи с родственниками или для научных исследований. Почти все иностранцы и многие россияне, хотя для них разрешение получить сложнее,

проводят "научные исследования" на китайской стороне. Пересечение границы, однако, занимает время, не менее 15 минут, и мало кто утруждает себя такой поездкой.

"Скажите китайцу, чего вы хотите, и не задавайте вопросов", - советуют незнакомцам. "Он принесет вам это на следующий день. Зимой, когда река замерзает, товар привозят на телегах".

В настоящее время есть только политическое недовольство. Отношения между Москвой и маршалом Чан Цзолинем, военачальником Маньчжурии, далеки от сердечных, и пограничные города еженедельно сотрясаются от указов с обеих сторон. Иногда граница открыта, на следующий день она закрыта. Советская государственная монополия внешней торговли запрещает ввоз товаров с противоположного берега или вывоз денег. Местная китайская торговая палата в ответ угрожает расстрелять любого человека, пойманного за провозом товаров с российской стороны. Контрабанда затрудняется, но не прекращается.

На деревнях вдоль Амура видны следы времени,

бревенчатые срубы обветшали и посерели, среди них редко встречаются новые.

"Довольно большое село", - заметил бородатый крестьянин.

"Да, у нас есть церковь и один дом с железной крышей", - похвастался он.

С китайской стороны равнина простирается на несколько миль до предгорий. С российской стороны река огибает крутые гранитные скалы, изредка встречается поросший соснами холм или небольшой участок ровной земли с поселением. На склонах холмов, как шрамы, видны широкие тропы, по которым скатывались бревна, чтобы связать их в плоты и сплавить по реке. По стремительному течению движутся плоты, оснащенные с обоих концов длинными веслами, раскачивая которые взад и вперед, сплавщики управляют движением бревен по реке и могут делать при этом до 10 миль в час.

Некоторые из плотов русские, другие китайские, они держатся каждый у своего берега, так как Чан Цзолинь теперь не разрешает русским получать

древесину с китайской стороны. Некоторые из этих сооружений огромны, с пятью гребцами на каждом конце и целыми семьями на борту, живущими в домах из коры. На других только по два человека на борту.

Река подобно змее огибает горы. Корсаков - это горлышко петли, полмили в поперечнике и 27 миль в окружности по реке. Рядом с Бососовой находится знаменитый дымящийся холм, или Священная Ночью сквозь дым, который покрывает ее и днем, пробивается тусклое свечение. Тускло-красный цвет расположен слоями, как будто между пластами песка горит уголь или торф. Время от времени отламывается кусок и скатывается вниз по склону, оставляя за собой шлейф искр и огня. Говорят, что холм горит уже сотни лет, не гасимый ни дождями, ни снегопадами.

На протяжении веков Амур был границей, не более дикой и одинокой, чем сегодня. В Албазине ров и толстые стены глинобитного острога, построенного Хабаровым в 1651 году, до сих пор возвышаются над осыпающимся берегом реки. Неукротимый казак, сделавший так много для того, чтобы Сибирь оказалась под черным двуглавым орлом, предпринимал свою последнюю попытку отвоевать

Амур у Китая, в то время как был построен этот острог. Свиньи теперь роются во рву вокруг острога, а его имя носит город Хабаровск, столица Восточной Сибири, и Ерофей Павлович, маленькая станция на Амурской железной дороге. Казак, острог и царь исчезли, а медленное проникновение России на восток продолжается.

Благовещенск - точка соприкосновения между Россией и Монголией - при вращении колес летят искры. Город захватывали и отвоевывали. Кровь лилась по обе стороны реки и в значительном количестве между ними. Однажды русские дали китайскому населению несколько часов на то, чтобы уйти, загнали их в реку - тонуть или плыть, и лишь немногие добрались до противоположного берега. Китайцы совершали вылазки на русскую сторону, и стычки продолжались годами, но теперь над рекой нависла тень более сильной державы.

Казаки, неуклонно продвигаясь на восток к границам императорской России, они первыми подошли к Благовещенску. Возведенный на месте впадения Зеи в Амур, город процветал за счет речного сообщения. Теперь построена Амурская железная дорога - местные мудрецы говорят, что она прошла бы

через Благовещенск, а не в 68 милях к северу, если бы город сделал подарок инженерам в размере 100 000 долларов, - и речная торговля сократилась. Золото, которое доставляется вниз по реке с приисков на Зее, и запасы, которые идут вверх, лес, сплавляемый по Амуру, и богатая сельскохозяйственная территория - вот его видимые источники жизни. Новая железная дорога к золотым приискам снова оставит Благовещенск на обочине.

Китайская железная дорога, но построенная и управляемая японской Южно-Маньчжурской железной дорогой, ответвляется от Южно-Маньчжурской между Мукденом и Чанчунгом, и рельсы уже пересекают Монголию до Китайской Восточной железной дороги в 30 милях к югу от Цицикара. К северу от нее ведется грейдирование полотна. Она закончится в Сахалине, напротив Благовещенска. Если начнутся осложнения, японские войска можно будет перебросить в Сахалин еще до того, как красноармейцы преодолеют четвертую часть расстояния по Сибири. Японские военные корабли будут патрулировать Амур со стороны Охотского моря, а Приморский край, включая Владивосток,

единственный тихоокеанский порт России, будет отрезан и по праву станет частью Японии.

Сейчас на крутых берегах сидят красноармейцы и смотрят на Китай, лесозаготовки и контрабанда - вот жизнь Амура, но это граница, которая через несколько лет может быть нарушена и зазвучать эхом других винтовочных выстрелов, нежели те, которые делают тайные контрабандисты и заносчивые "стопорщики".

ГЛАВА XXII. БОЛЬШЕ НИКАКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

"Это государственная гостиница", - объяснила босоногая горничная, когда я попросил две простыни на мою маленькую железную кровать. Ответ был привычным. Он может означать либо то, что государство ничего не должно предоставлять, либо то, что какой-то чиновник издал указ по этому поводу. В данном случае это было последнее: правительство решило, что одна простыня - достаточная роскошь для любой кровати. Через несколько часов девушка вернулась с веником, чтобы вымести скопившуюся на полу грязь и мусор. Это была последняя встреча с ней, до того момента, как я уезжал четыре дня спустя.

"Это государственная гостиница", - объяснил директор, когда я высказал предположение, что полы не пострадают от выметания грязи с грязных улиц. Здесь не нужно подметать, это государственная гостиница, все должно быть по правилам". Тот же рефрен прозвучал, когда был представлен законопроект.

Однажды я приехал в 8 часов утра, а уезжал в 10 часов следующего утра. Два часа засчитали как полдня.

"Это государственная гостиница", - объяснил кассир. "Менее шести часов - это полдня, а шесть часов - это полный день, есть такой декрет".

Советская Россия - это страна, где все решают правительственные декреты. Например, декрет гласит, что два часа - это половина двадцати четырех или что шесть часов равны двадцати четырем, и это так. Постановление гласит, что холодная погода начинается с 1 октября, и хотя бассейны покрыты льдом, а снег лежит на земле в сентябре, поезда не отапливаются. Пассажиры могут дрожать, не переставая стучать зубами, но им не холодно, потому что в указе сказано, что холодно только в октябре.

Однажды в декрете было сказано, что Ленинградский порт может быть открыт всю зиму. Финский залив замерзает каждый год уже столько тысяч лет, сколько известно человеку, но в этом году все должно было быть иначе, ибо вышел соответствующий декрет. Корабли с грузами и пассажирами, которые обязаны соблюдать постановления правительства, взяли курс на Ленинград. Возможно, вершители судеб, управляющие временами года, не читали этот декрет, опубликованный в газетах, потому что залив замерз,

как обычно, в результате чего от тридцати до сорока судов на несколько недель оказались скованными льдом.

Декрет предписывает повышать или понижать цены. Нет никакого сопоставления относительных размеров прибыли на тот или иной товар, указ просто и категорично предписывает снизить все цены на 10 процентов. Прибыль государства должна быть чрезвычайно высокой, чтобы позволить такое ненаучное снижение. Издержки производства, цены производителей, спрос населения или другие факторы торговли, которые имеют значение в других странах, не учитываются - достаточно декрета.

Декреты предписывают правила поведение для человечества, торговли, наций и природы. Одним из серьезных препятствий на пути их действия является то, что природа, нации и торговля, даже хрупкое человечество, имеют определенные правила поведения и мышления, которые вырабатывались веками и их трудно изменить простым декретом на бумаге. Указ, подкрепленный властью, должен соблюдаться, пока власть находится "у локтя" гражданина, но переделка человеческой природы -

процесс более медленный, в чем убедились США и другие страны, а также Советская Россия.

В Благовещенске когда-то был государственный ресторан, как должно быть в каждом городе Советской России.

Частные рестораны платили налоги, затем налоги увеличились, появились новые правила, пока, наконец, владельцы не были арестованы, а самые крупные заведения закрыты. Государственный ресторан со всеми его преимуществами в налогах, аренде декретах и недостатками в управлении - каждый человек занят на максимум управлением и на минимум работой - продолжал терять деньги, потому что даже декреты не могут заставить граждан есть там, где им не нравится. Государственный ресторан теперь закрыт, частные рестораны снова открыты, платят свои высокие налоги, платят высокую арендную плату, платят те же профсоюзные зарплаты и подают лучшую еду по более низким ценам, чем это мог делать государственный ресторан. По мнению теоретиков политической экономии, так быть не должно, но для человека, который ест и оплачивает счет, это так.

В Благовещенске, как и в других городах Сибири, в конкуренции с государственными и кооперативными магазинами процветает частный бизнес. С его недостатками и продажей " с рук" по тем же ценам, это не должно быть правдой в теории. Крупные кооперативы существуют давно, ведь кооперативы процветали в Сибири еще до революции.

У многих из них был такой же опыт, как у компании, которая занимается добычей золота на приисках. Управляющий хотел воспользоваться государственными магазинами и посетил их со своим списком необходимого. Ни один из них не мог предоставить все, что он хотел. В одних были определенные товары, в других - другие, но несколько необходимых вещей не нашлось ни в одном магазине.

"У меня его нет", - последовал небрежный ответ.

"Вы можете его достать?"

"Нет".

"Где я могу его достать?"

"Не знаю, возможно, в другом месте".

Руководителей государственных магазинов не проявляли особого интереса. Для них было всё равно, продают они что-нибудь или нет, а отправляться на улицу за чем-то для покупателя, определенно, требовало слишком много усилий. Тогда управляющий отправился в один из частных магазинов.

"Оставьте свой список, и мы проследим, чтобы он был исполнен и товар отгружен", - сказал заведующий. "Все, чего у нас нет на складе, мы достанем для вас".

Бизнес золотодобывающей компании по-прежнему остается за этим магазином - опыт, который может объяснить, почему государственные магазины не всегда процветают.

"Ваши документы, пожалуйста", - попросил банковский служащий, ловко прикуривая при этом сигарету.

Перед отъездом из Москвы я случайно поинтересовался в Государственном банке Союза Советских Социалистических Республик, более

известном как Госбанк, можно ли оформить аккредитив чикагского банка в его филиалах в Сибири. Банк выдает внушительный список почти всех городов России, где его филиалы проводят операции "внутри страны и за рубежом". Немногие приходят непосредственно в Госбанк, чтобы выяснить так ли это на самом деле. Повезло, что я поинтересовалась. В Сибири только Новосибирск и Владивосток знают, что делать с иностранными аккредитивами, и в каждый из них нужно было отправить специальное письмо с уведомлением о моем приезде. Банк выпустил собственный аккредитив на другие отделения в десятке городов с дополнительными письмами, чтобы уведомить каждое из них о существовании документа. Аккредитив был предъявлен только сейчас.

"Разве этого документа недостаточно?" спросил я. Он покачал головой.

"Также у вас есть письмо из главного банка в Москве с моей подписью", - добавил я. "Я подпишу свое имя еще раз, и вы сможете сравнить их".

Этого должно быть достаточно, но у него должен быть документ, настолько укоренилась привычка к

документам в России. Я достал распечатанную визитную карточку. Это не был документ, и, поскольку он был напечатан римским шрифтом, он не мог его прочитать, но это был лист бумаги со словами на нём, и этого клерку было вполне достаточно.

"Касса закрыта", - добавил он.

"А когда она откроется?" поинтересовался я, посмотрев на часы. Он тоже посмотрел.

"Десять минут назад, - ответил он, - но кассир еще не пришел. Он будет здесь с минуты на минуту", - это прозвучало так же знакомо, как "когда-нибудь".

"Хорошо, оформите чек, это займет полчаса, и к тому времени он может быть уже здесь появится", - предложил я. Молодой человек оказался услужливым, хотя и медлительным, закурил еще одну сигарету и принялся за работу.

Прибежал мой секретарь, запыхавшийся от волнения или от беготни. Он был на телеграфе.

"Для вас есть телеграмма, но мне ее не дали", - пыхтел он.

"Вы предъявили свой документ?" спросил я с упреком, помня о бумаге, которую я дал ему четыре недели назад, где на двух языках говорилось, что он работает на меня.

"О, да, но они сказали, что она старая", - объяснил он. Возможно, месяц - слишком долгий срок для любого русского, чтобы оставаться на одной и той же работе, или же этот чиновник мог слышать об ответе Генри Ирвинга девушке, которая предъявила свидетельство о хорошем моральном облике, чтобы пройти отбор на сцену.:

"Но это датировано вчерашним днем!"

Я сам отправился на телеграф. Мои документы были на английском языке, который клерк не мог ни прочитать, ни понять, и телеграмма была доставлена.

Лучшая комедия с документами была разыграна однажды, когда я зашел в офис Третьего Интернационала в Москве. Чтобы войти в это здание и увидеть кого-либо в этой святая святых коммунизма,

необходимо предъявить на стойке регистрации документ, после чего клерк заносит ваши личные данные в корешок, отрывает красный талон, который вы предъявляете лифтеру, который в свою очередь отрывает талон, который оставляет себе. При выходе из здания процесс обратный, и документ возвращается. Возможно, это отпугивает страховых агентов и людей с карманами, набитыми бомбами. Мой документ не прошел проверку и был отклонен. Мой секретарь предъявил написанное мной письмо, подтверждающее, что он работает на меня. Это было приемлемо для нас обоих. Хотя мне сказали, что у меня нет никаких полномочий, но личное письмо от меня было достаточным подтверждением для меня и еще одного человека.

"Но это же запечатано", - запротестовала однажды утром молодая сотрудница почтового отделения в Благовещенске, когда я предъявил письмо для отправки.

"Конечно, это же письмо".

"Письма, отправляемые за границу, должны быть проверены", - объяснила она. "Ни одно из них не

22. Из клуба "Водочный завод" все, кроме одного, умерли насильственной смертью (Унгерн фон Штернберг почёсывает собаку)

может быть зарегистрировано, пока мы не увидим, что в них находится".

"Предположим, я брошу его в почтовый ящик на улице".

"Его отправят в Москву и там вскроют".

Женщина достала книгу, в которой были записаны все официальные распоряжения, - их было так много, что потребовалось минут пятнадцать, чтобы найти нужное. Там было написано, что все письма за границу должны быть отправлены в Москву, если они были посланы запечатанными. Иногда проще узнать о работе бдительной московской цензуры, находясь за 5000 миль от Москвы. Хотя практически все письма из США вскрываются, проверяются и запечатываются перед доставкой, а из газет часто вырезаются статьи и заметки, московские власти настаивают на отсутствии цензуры. Если цензором работа выполнена слишком неуклюже, на конверте ставится штамп "Получено в поврежденном виде".

Молодая женщина достала старый перочинный ножик, и я отклеил край конверта. Она отнесла мои

бумаги в другой кабинет и через минуту вернулась с ними, но уже пребывавшими в совершеннейшем беспорядке.

"Все нормально", - объявила она. "Можете отправлять".

Благовещенск - это место, где Унгерн фон Штернберг, прибалтийский барон, в бытность свою младшим офицером, был черной овцой в семье, но протеже царицы. В те дни, помимо того, что он был горьким пьяницей, он не подавал никаких признаков безумного садизма, которым была отмечена его финальная сумасшедшая карьера. Старушки до сих пор вспоминают, что когда неопрятный молодой офицер заходил к ним на послеобеденный чай, он всегда настаивал на стакане воды, и хорошо обученная горничная приносила ему полный стакан огненной, бесцветной водки.

"Сегодня очень хочется пить, никогда не пью чай", - замечал он, глотая рюмку и часто наливая вторую.

Он сторонился женщин, но любил лошадей. Свои денежные переводы и даже одежду он отдавал всем,

кто просил об этом, сам живя в нищете. Зимними утрами, а зимы в Сибири холодные, он совершенно голый выезжал из офицерских казарм верхом на лошади и бросался в Амур, пока оба не погружались под воду. Самой известной его выходкой был случай, когда опьяневший сослуживец затеял драку и был арестован в Сахалине.

Собрав роту добровольцев, Унгерн фон Штернберг переправился через реку, совершил налет на китайский гарнизон, освободил своего товарища и привел его обратно. Китайцы протестовали против враждебного вторжения, но царица спасла вспыльчивого офицера от дисциплинарного взыскания.

После революции он отличился тем, что однажды во время смотра своего полка приказал Мишке-атаманше, печально известной любовнице своего командира Семенова, убраться с плац-парада в тот момент когда атаман инспектировал полк. Когда Семенов бежал, Унгерн фон Штернберг отправился в самостоятельное плавание, возглавив быстро растущую банду отчаянных головорезов. Он повел их на запад через Монголию, убивая и грабя по пути, и нанес удар через границу по Бергии, почти в 1000 миль

от Благовещенска, разрушив город. Он захватил в плен богатую маньчжурскую принцессу из Пекина и женился на ней, научив ее по-русски одной фразе: "Я люблю барина", что она и повторяла как попугай в ответ на любое замечание на чужом языке.

В Урге он захватил одного из полудюжины подлинных Живых Будд и, подобно другим безжалостным бандитам, пронесшимся через всю историю России, учинял варварский суд, без разбора убивая евреев, русских и китайцев. Он двинулся к озеру Байкал через долину реки Сленга, стремясь отрезать Восточную Сибирь от России. Крестьяне, сражаясь за свои жизни, удерживали фланги, пока оборванные, но решительные солдаты Дальневосточной республики, прибывшие из Верхне-Удинска, не разбили эту свору разбойников. Барон спасся, бежал с небольшим отрядом через Монголию, возможно, надеясь добраться до Латвии и родовых поместий, но был схвачен, доставлен в Иркутск, предан суду и расстрелян.

В Благовещенске по-прежнему тревожно. В тюрьме на окраине города, по данным властей, содержится 3 000 человек. За несколько недель до

моего приезда на улицах появились листовки, призывающие к возведению великого князя Николая Николаевича на царский престол. Арестов было много, несколько человек было расстреляно. Притязания Николая Николаевича могут быть серьезно восприняты в Париже, но не в Сибири. Эти циркуляры новоявленного самодержца, написанные в новой большевистской орфографии, наводили скорее на мысль о чекистской ловушке. Один священник был замечен за чтением одного из циркуляров, и все священники были арестованы. Службы возобновились как раз в то воскресенье, когда я уезжал.

Одним погожим днем я проходил мимо большого двухэтажного дома в Благовещенске с фасадом, выходящим на реку Амур, где на скамейках сидела дюжина стариков и женщин. Большая вывеска над дверью гласила, что это "Дом для престарелых инвалидов-рабочих", содержащийся местным комитетом. Все они достигли той осени жизни, когда отдых желанен, если «волка удается удержать подальше от своих дверей» (идиома: если удастся при этом не впасть в нищету).

Благовещенск заботится как о молодежи, так и о стариках. Насколько мне известно, это единственный город во всей России и Сибири, на улицах которого нет нищих и бездомных детей - класса, для которого так много делается на словах в программах и декларациях и так мало делается на самом деле. Повсюду звучит космополитический вопль нищих-попрошаек: "Дай копеечку, хлеба нет, голодный, без отца, без матери", это уже похоже на национальный гимн. Благовещенск заботится о тех, кто заслуживает этого, и избавляется от других.

"Я работаю пятьдесят лет, с 12 лет", - объясняет опрятно одетый старик, попыхивая трубкой.

"Я могу расколоть дрова быстрее, чем вон тот китаец", - продолжал он, указывая трубкой. Судя по аромату табака, который он курил на открытом воздухе, он все еще был крепким мужчиной.

Внизу на берегу реки два китайца перекатывали бревна на берег с одного из больших плотов, которые были спущены по Амуру. На его дальнем краю виднелись связки рыбы от "безрыбных любительских уловов" Айзека Уолтона (автор книги «Искусный

рыболов, или Досуг Созерцателя» (The Compleat Angler, or Contemplative Man’s Recreaction) — беседа о Рыбе и Рыбалке). Два других китайца поперечной двуручной пилой разрезали бревна на трехфутовые поленья так уверенно, как будто их приводил в движение паровой двигатель. Другой китаец колол каждое большое полено диаметром в полтора фута - 1-2-3-4-5-6 взмахами топора, ни больше, ни меньше. Один удар - и оно расколото пополам. Еще три взмаха - и каждая половина превращалась в четверть.

"У меня был дом и сын, но его убили во время революции", - сказала согбенная беловолосая женщина, остановившись на вязании. "Нам здесь удобно, но я бы предпочла быть со своим сыном. Мы не хотим больше революций".

Революция дала что-то многим, без нее не было бы, например, "Дома престарелых инвалидов", но у других она отняла больше. Даже те, кто что-то приобрел, высокое служебное положение, материальные блага и удобства, не хотят больше революций. Это единственное, чего боится русский, живущий в России, где он должен с этим столкнуться. Многие требуют принятия более справедливых

законов, смены чиновников, снижения налогов и сокращения количества политических проповедей, но они не хотят смены правительства или чиновников, если для этого придется воевать, разрушать и проливать кровь. Они заплатили достаточно жизнями и деньгами за войны и революции, и воспоминания об этом еще свежи.

ГЛАВА XXIII. ПОТЕРЯННЫЙ МАСТОДОНТ

Перед отъездом в Москву Благовещенск моё внимание привлекли две достопримечательности - вид на железную дорогу протяжённостью 2000 миль, которую строят до Якутска, и мамонт, которого откопали совершенно нетронутым, замороженным с доисторических времён. Обе эти диковинки, согласно официальным, всегда точным, а на самом деле иногда достоверным московским газетам, находились именно здесь. Жареный стейк из мамонта, если он не будет вкусным, будет в новинку. Двухмесячная задержка с прибытием не должна была иметь большого значения. В сравнении с несколькими тысячами лет во льдах месяц-другой не имеет значения.

Председатель Благовещенского райисполкома быстро разобрался с железной дорогой. Фактическое строительство находилось на стадии проекта. На этом основании Москва объявила о строительстве железной дороги, как и о многих других вещах, которые являются только проектами. Кроме того, дорога не должна была подойти к Благовещенску

ближе, чем на 500 верст - мелочь для тех, кто не в Сибири, а в столице, где тысяча верст - всего лишь дюйм на карте. Тем не менее, началась прокладка дороги через лес, и уже сейчас стоимость перевозки грузов на Алданские золотые прииски снизилась с 6,25 до 2,25 доллара за 1 пуд (36 амер. фунтов). Золотые прииски, которые раньше были доступны по тропе через горы только зимой, теперь будут доступны в течение всего года, а дорога будет стоить 1 750 000 долларов, по словам председателя, что является значительным достижением.

Мамонта, который находился в холодильнике с тех пор, как его добыли во время последней снежной бури, найти оказалось сложнее. В местном музее есть зуб мамонта, достаточно большой, чтобы раздавить дерево в кашицу, а его директор знаком с местной фауной, как и приезжие ленинградские исследователи, которые всегда сообщают о каком-нибудь открытии, чтобы оправдать свои расходы на командировку или экспедицию.

"Мамонта нашли не здесь, но его скелет хранится в Хабаровске", - говорит он.

"Нет, там скелет кита", - пояснил его научный коллега.

"Последний замороженный мамонт был найден в 1806 году и находится в Ленинграде. Кроме него еще был найден только один, в 1799 году".

Они начали спорить, принадлежат ли хабаровские кости мамонту или киту. Я ушел. Хабаровск находился в 500 милях вниз по реке. Стейков из мамонта на местном рынке не было, я нашел ресторан и заказал " бефстроганов", который прекрасно сочетается с окрошкой.

"Да, я знаю все об этом мамонте, но я не знаю, где он находится", - сообщил мне один знакомый из местной газеты. "Вокруг Читы почва песчаная, а лето такое короткое, что она никогда не оттаивает больше чем на четыре фута под поверхностью. Когда там выкапывают мамонтов (как будто там каждый сезон выкапывают мамонтов, как картошку по осени), они всегда замороженные".

Я вышел под дождь и встретил торговца кожей, который дрожал и сказал, что у него ломит все кости

Мы вернулись в дом. Он взял маленькую рюмку водки, всыпал туда четверть дюйма черного перца, размешал, и рюмка исчезла одним глотком. Он объяснил, что это согревает.

"Ах, да, тот мамонт", - задумчиво произнес он. "Они нашли его примерно в 500 милях отсюда вверх по Амуру. Только это был не мамонт, а череп. Он весил 800 фунтов. Тогда рабочие заспорили, стоит ли им доплачивать за научную работу - за раскопки".

Он снова задрожал.

"Все еще немного лихорадит", - сказал он. Я уехал, пока его зрение не стало настолько же хорошим, как у ленинградских профессоров и московских газетчиков. Сейчас он мог бы увидеть целое стадо мамонтов.

В гостинице жил московский банкир. Это был еще один любитель мамонтов. Он только что вернулся из Якутии, где был по делам своего банка, но при этом предавался и своему хобби.

"Если спуститься по реке недалеко от Якутска, то можно увидеть кости мамонтов, торчащие из берегов,

как белые корни деревьев", - начал он. "Якуты находят их в своем районе в любом количестве, и пока мужчины охотятся, женщины собирают кости мамонтов. Зуб такой большой, как эта ягода, - он указал на здоровый арбуз размером с Джорджию, - а бивень, вот такой, - и изобразил руками диаметр футбольного мяча.

"Один из островов в устье Лены покрыт костями мамонтов", - продолжал он. Они лежат там уже много веков, их беспокоят только дикие северные олени".

"Зимой эти дикие олени десятками тысяч переходят по льду, совершают набеги на якутские деревни и уводят с собой всех прирученных оленей", - пояснил он. Между похищениями со стороны диких оленей и правительственной милицией, которая реквизирует прирученных оленей на еду, когда госслужащим становится есть нечего, так что якутским оленеводам приходится нелегко".

Мужчина расстегнул корзину и достал три обоюдоострые гребенки, похожие на старомодные расчески с мелкими зубьями.

"Якуты делают их из бивней мамонта и очень почитают", - сказал он. Так пали могучие владыки первобытной эпохи, их гордые бивни будут вычесывать комаров с грязных якутских голов. Цена расчесок варьировалась от 20 до 75 центов, длина зубьев увеличивала их способность к вычесыванию комаров. Гребни были неполированными и тускло-желтыми, а не белыми, как бивни слона или зубы моржа.

"Если за границей есть рынок сбыта мамонтовой кости, я готов поставлять ее в неограниченном количестве", - продолжал он, переходя к делу. "Можно создать акционерное общество, скажем, 50 000 долларов на первое время для поездок и исследований, а затем миллион, возможно, два или три, по мере развития".

Мамонты и миллионы, воздушные замки и легковесные разговоры, которые так завораживают и опьяняют, большие мечты и большие цифры, которые парят над Советской Россией.

"В Алданском районе старатель за день может намыть три-четыре фунта золота", - объяснял

председатель местного экономического совета. "Район богаче, чем Клондайк, богаче, чем все когда-либо открытые золотоносные районы".

Председатель процитировал американского горного инженера, назвав его имя, в качестве аргумента для такого оптимистичного прогноза. Поскольку я знал этого авторитета, старого, гениального торговца "горячим воздухом", который не был ни американцем, ни инженером, мне стало интересно, какой контракт он заключил, убедив всех чиновников, что они являются миллионерами.

Поскольку русский фунт золота составляет девять десятых американского фунта и стоит около 225 долларов в Лондоне и столько же в Благовещенске, несколько часов земляных работ и промывки могут принести 900 долларов - необычайно хорошая плата за день работы. Также и в лотерее человек может выиграть целое состояние, но больше тех, кто ничего не выигрывает. Заветный горшочек с золотом на другом конце радуги так и манит людей на золотые прииски Сибири, как это было на протяжении веков, притягивает горожан, крестьян, продавших все, горных инженеров и искателей приключений.

Рассказы о богатстве, которое можно поднять с земли, мало чем отличаются друг от друга. Одни говорят о четырех фунтах в день, другие - "всего" об одном фунте, но одинаково сказочном. Но истории тех, кто возвращается по этой изматывающей душу тропе, совсем другие, а многие так и не возвращаются вовсе, и не могут ничего поведать о своем путешествии.

Один из трех маршрутов на Алдан, самое новое и самое богатое из сибирских золотых месторождений, начинается из Благовещенска, хотя на самом деле дорога берет начало в Балшой-Невере, в 500 милях к западу. Это зимний маршрут, по которому сейчас прокладывается дорога через горы, чтобы ее можно было использовать и летом.

"Каждая весенняя оттепель добавляет к побелевшим костям людей, лошадей и верблюдов, которые идут по этой 675-мильной тропе", - сказал один из тех, кто ее пересек.

"Некоторые падали и умирали в одиночестве на обочине, одолеваемые холодом или голодом. Другие

были убиты, потому что закон тайги таков: выживает только тот, кто стреляет первым.

Тот, кто стреляет первым, сохраняет свое золото, если у чужака его нет, получает чужое, если его собственный мешок пуст. Из-за нехватки продовольствия и депрессии правительство дает разрешение на въезд в район лишь немногим. Сотни других уклоняются от караула, преодолевают опасности и пытаются пробиться незаконно. Обычно группа формируется из 25-40 мужчин и одной женщины для готовки. Говорят, что в этом районе с 7 000 мужчин находятся 40 женщин. Рассказывают жуткие истории. Из одной партии в двадцать пять человек выжили только трое. Женщину, которая была меньше всего нужна, съели первой. Цивилизация меркнет перед жаждой золота".

Два других маршрута на Алдан начинаются из Иркутска. Лучший из них, доступный в течение нескольких недель летом, - на пароходе по Лене до Лебедея, а затем вверх по реке Алдан - 2400 миль. Другой вариант - на лошадях - 900 миль. В любом случае дорога занимает месяц. Алданские месторождения расположены вдоль двух ручьев, это холодная и болотистая местность, где нет ни сельского

хозяйства, ни дичи. Добыча велась самым грубым ручным способом, многое было растрачено впустую, а инженерных исследований для определения фактического запаса полезных ископаемых на месторождениях было проведено недостаточно. Концессии компании "Лена Голдфилдс Компани, Лтд." находятся в этом районе, и будущая разработка должна быть более научной.

Ближе к Благовещенску находятся Зейский, Амурский и Хинганский районы. По данным местных властей, в этом году здесь было добыто от 18 до 19 тонн золота. В последние два года частным старателям было разрешено работать, продавая золото государственным компаниям по фиксированной цене, если они работают по заявкам последних, или реализовывать государственным банкам по рыночной цене, если старатели ведут разведку. Иностранные компании также могут получить концессии в этих старых районах. Одна американская компания после проведения поисковых работ отказалась от предоставленной концессии. Другие иностранные компании только что заключили контракты с Москвой на проведение новых исследований в том же районе.

Государственная добыча даже золота не принесла той прибыли, которая ожидалась, когда все рудники были национализированы. Как хороший урожай крестьян не говорит о том, сколько зерна правительство сможет выгодно экспортировать, так и руда в земле не означает, что правительство может добывать и продавать ее с прибылью, несмотря на тонны бумажных отчетов, которые утверждают, что так должно быть.

Хотя государство получило технику, а также шахты старых компаний безвозмездно, оно тратит на разработку месторождений и добычу драгоценного металла больше, чем он стоит на рынке, утверждают инженеры. Золото может использоваться для кредитования за рубежом и в качестве обеспечения бумажной валюты, что компенсирует убытки, но если вернуть шахты частным компаниям, эти потери будут полностью сведены на нет. По мнению одних, добыча золотника золота обходится государству в 13 рублей, который стоит на максимумах рыночной конъектуры не больше 4,73 рубля.

Другие считают, что потери государства составляют от 17 до 13 процентов на каждую унцию

золота, которую оно производит, оценки разные, но все сходятся в том, что государство несет убытки.

Высокие накладные расходы на содержание штата охранников и инспекторов, офисных работников, заполняющих страницы отчетов и статистики, надзирающих чиновников с громкими титулами и званиями вместо опыта, в совокупности с нерациональной, убыточной добычей и вечно ремонтируемым оборудованием приводят к росту издержек. Недавно сорок китайцев были переправлены через реку для работы за один рубль в день, хотя профсоюзная ставка на шахтах составляет 2,50, что может свидетельствовать о том, что прибыль не присваивается рабочими. Дальзолото, большевистская аббревиатура Дальневосточного золотодобывающего треста, является государственной горнодобывающей организацией в Восточной Сибири.

Оборудование бывших частных владельцев было отремонтировано, и "Дальзолото" добывает золото, но государству дешевле покупать его у частных старателей по рыночным ценам. Поэтому частным старателям предлагается вернуться, и некоторые из них возвращаются, потому что золото там есть.

ГЛАВА XXIV. КРЕСТЬЯНЕ И КНЯЗЬЯ

Самая большая и единственная в Бочкарево гостиница - семь номеров, каждый размером 6 на 12 футов - гудела, как радиостанция с шестью передатчиками, вещающими на одной длине волны. Хозяин отпер дверь и с поклоном ввел меня в прохладную каморку, единственную пустую. Вместо обычного замка в двери каждая комната имела снаружи засов и навесной замок.

Главной обязанностью горничной, официантки и камердинера было напоминать уходящим гостям, чтобы те по рассеянности не уносили в кармане двухфунтовый замок.

До того как экономный армянин-владелец приехал на морозный север со своими дедом, отцом, дядей, братом и любимым сынишкой, Grand Hotel de la Gare был однокомнатным бревенчатым домом. С одной стороны были сделаны четыре ступеньки и крыльцо, достаточно большое, чтобы вся сибирская грязь счищалась и оставалась перед входом в дверь.

Второй старый сруб перенесли на другой конец, сделав из него ресторан и бар. По обе стороны старого дома был построен проход, соединяющий главную и единственную входную дверь, с кафе. Под кухню был пристроен сарай, где работал повар-китаец, а китайская кухня - это "все одна и та же еда", будь меню на английском, французском, русском или армянском языках, patchwork-отель процветал (лоскутная гостиница).

Первоначальный дом был разделен на семь комнат с коридором по центру, жестяной таз и ведро, в котором иногда появлялась вода, поставили на ящик у входа, и гостиница была готова для немногих временных и многочисленных постоянных постояльцев, ни одного из которых не было на моей железной койке с разбитыми спинками. Этим вечером из-за тонкой перегородки справа доносились голоса - кошки, младенца, трех детей и двух женщин - беспокойных сардин в одной из маленьких комнатушек-консерв. Из динамика глубокий бас провозгласил: "Товарисч, мы должны бороться, капиталистические нации-война, государство рабочих" - знакомый рефрен.

23. Деревенская "Скорая медицинская помощь" пересекает нам дорогу в Бочкарево

В другом конце коридора заскрипела дверь, и голоса стали громче.

"У меня есть 10 000 червонцев, и я собираюсь потратить их все на тебя сегодня вечером", - прозвучало в восторженных тонах. Червонец эквивалентен 5 долларам, и таким образом была обещана шикарная ночь в маленьком городке. Я выглянул в коридор. На такого сибирского кутилу стоило посмотреть. Трое бородатых, нетвердо держащихся на ногах путешественников, прибывших на предыдущем поезде, обняв друг друга за плечи, исчезали в направлении ресторана. В три часа ночи, когда другой поезд гудками разбудил деревню и гостиницу, они все еще были в ресторане, тихо и негромко напевая, а позже, в восьмом часу, главный гуляка, который грозил потратить тысячи и тысячи, задумчиво потягивал горячий чай, пока прохладный осенний ветер из открытого окна охлаждал его разгоряченный водкой лоб.

"Дрожки на вокзал", - призывал владелец транспортного средства. Он стоял перед гостиницей. Было 8 часов, поезд должен был прибыть в 9, однако информативный кучер сообщил мне, что прибытие

задерживается на пять часов. Прибытие поезда было главным событием недели. Все в деревне знали, когда он придет. Станция находилась в ста ярдах от гостиницы, и единственные в деревне дрожки казались ненужной роскошью. Его польза была вскоре продемонстрирована, когда я отправился в парикмахерскую. По этим улицам мог передвигаться только моряк на дрожках, в лодке или сапогах.

Станция, а также почта и телеграф находились под навесом, предназначенном для обедов на свежем воздухе. Там находились мужчина в шинели и почтальонша.

"Да, мы отправляем сообщения на английском языке", - сказал мужчина.

Озябшими пальцами он аккуратно вывел на бланке. Он задумчиво смотрел на листок, римские буквы были четкими, как китайские иероглифы.

"Но оно должно быть написано на международном языке".

"Эсперанто?"

"Нет, на английском, но у меня нет этих букв на клавиатуре, только Р и Н".

Поскольку по-русски Р - это R, а Н - это N, на клавиатуру было мало надежды. Телеграмма была переписана на русском языке.

"Он не настоящий телеграфист", - защищала мужчину почтальонша. Сотрудник почты согрел онемевшие пальцы у печки и отсчитал сдачу. Однако телеграмма дошла до Москвы, что было намного лучше, чем то, чего пытались добиться более лингвистически продвинутые почтовые отделения.

Волнение в деревне нарастало с ежечасными сообщениями о том, что поезд неумолимо приближается. В гостинице было больше неразберихи, чем в штабе армии, готовящей дивизию к передислокации. Два японца, один норвежец и семь русских, последние были все из одной комнаты, уезжали. Администратор собрала навесные замки и заперла их в своей комнате. В дополнение к 10-центовым чаевым я подарил ей соломенную шляпу.

Это была хорошая шляпа, когда я купил ее в Бухаресте за два года до этого, но в Сибири она мне больше не понадобилась. Ей шляпа тоже не особо была нужна, но это была новинка.

Бочкарево находится в 68 милях от Благовещенска, и, делая всего две остановки, поезд преодолевает это расстояние за шесть часов. Затем он отдыхает еще шесть часов и отправляется обратно. Его расписание составлено таким образом, что короткая 68-мильная поездка вынуждает путешественников выезжать из Благовещенска на целый день раньше, чтобы успеть на экспресс Владивосток-Москва, который ходит раз в неделю.

Экспресс должен пройти 5 831 милю за 242 часа 40 минут, из которых 24 часа 56 минут - это плановые остановки на 139 станциях, продолжительностью от 1 до 35 минут каждая. Еще столько же внеплановых остановок, так что поезд обычно опаздывает, что вполне ожидаемо для такого пробега - самого длинного не только в России, но и в мире. Мой поезд опоздал на три часа и сорок минут, пройдя 891 милю от Владивостока до Бочкарево, на что было отведено всего 42 часа.

В Вятке, неделю спустя, он шел по расписанию, а этой ночью снова вышел из графика, потому что товарный вагон впереди проделал свой любимый трюк - "сошел с рельсов".

"Мой локомотив сошел с рельсов", - возмущался, сопровождая эту фразу яркими потоками ругательств, начальник станции адресуясь к восхищенному кругу носильщиков, это было в тот момент когда я покупал билет.

Начальник одолжил один из двух своих локомотивов городской бригаде для каких-то работ на дороге. Как и большинство станций в Сибири, она находилась в пяти милях от города. Возможно, городские достопримечательности были слишком тяжелы для деревенской "клячи". В любом случае, паровоз "сошел с рельсов" и не мог вернуться обратно. Будут приняты меры. Такова железная дорога в Сибири.

Но дороги работают, и это немалое достижение, учитывая возраст подвижного состава и урон, нанесенный революцией. Восстановлено 60 миль разрушенных мостов, и любой железнодорожник знает, что это значит. Но то, что выпускают советские

цеха, едва поспевает за износом, особенно пассажирского оборудования, не говоря уже о том, чтобы удовлетворить возросший спрос, поскольку кажется, что все в стране куда-то едут или борются за место в переполненных поездах. Оборудование для грузовых перевозок поставляется, но бизнес в этой потенциально очень прибыльной сфере железнодорожных перевозок, к сожалению, невелик и в значительной степени является "бумажным доходом" - перевозкой грузов для других государственных ведомств.

Подвижной состав, который когда-то отправили на свалку как изношенный или поврежденный, был отремонтирован. У железных дорог больше нет даже такого подержанного резерва. Необходимо приобретать новое оборудование для замены локомотивов и вагонов, которые уже невозможно отремонтировать. Российские цеха могут производить и грузовые вагоны, и "жесткие" пассажирские, похожие на будки, для пассажиров третьего и четвертого классов, но их возможности по производству локомотивов или пассажирских вагонов с мягкой обивкой крайне ограничены. Они должны поставляться из-за рубежа.

Аналогичная ситуация складывается и в других отраслях промышленности; старый национализированный капитал уже израсходован, и требуется новый капитал извне.

Советская Россия закупила в Швеции 120 локомотивов. Некоторые из них стоят под Ленинградом, считаясь резервными.

Другое объяснение заключается в том, что паровозы слишком тяжелы для нынешнего состояния дорожного полотна - упущение, которое, возможно, было кому-то выгодно. После революции сохранилось 320 национализированных вагонов "Интернационал-Вагон-Литс" - число вполне достаточное для обеспечения пассажирских перевозок в стране.

Вагоны несколько обветшали, звонки не работают, мыло и полотенца давно исчезли, окна потрескались, а простыни и наволочки стоят по 1 доллару за ночь, но цены не проявляют тенденций к снижению.

Чиновники и члены коммунистической партии подразделяются на категории, имеют ли они право на проезд в вагонах-лит, "мягких" вагонах или "жестких", но русский, который платит за проезд из своего

кармана, едет в "жестком", возможно, неудобном, но чистом и таком же быстром.

В отличие от простонародья, некоторые чиновники пользуются личными вагонами.

Другие презирают роскошь и ездят вместе с простыми гражданами.

Когда Троцкий проводил свой последний "отпуск" в Крыму, тщательно охраняемый тайной полицией, его личный вагон из одного из бывших царских поездов шесть недель стоял на запасном пути, ожидая, когда хозяин вернется в Москву.

Иметь только один личный вагон, может быть, и тяжело для Троцкого, который ранее монополизировал целый золотой поезд покойного царя, но за те недели, что вагон простаивал, он мог бы послужить желанным транспортом для нескольких сотен менее влиятельных граждан, которые довольствуются лишь местом в поезде.

Товарный вагон, который привез автомобиль Каменева, его невестку и компаньонку по "отпуску", также мог быть занят перевозкой зерна. Чиновники в пролетарском государстве, как и во многих других, должны жить в роскоши.

Корова, прогуливавшаяся по неогороженному пути, стала единственным несчастным случаем за всю мою долгую поездку - роковым для коровы и для динамо-машины под вагоном Литса.

Провода были протянуты от другого вагона, и в ту ночь был свет, пока не порвался еще один ремень. Еще одна поломка, и свет появился откуда-то еще.

Несколько горевших букс, треснувшее колесо, которое нужно было заменить, воздушные тормоза, которые иногда блокировались, просевший грузовой вагон, который превращал каждую ночь в азартную игру; но поезд, как и другие, продвигался медленно и без происшествий.

Русский рабочий может быть медлительным и ему еще многому предстоит научиться, но он терпелив и настойчив, и колеса транспорта, сломанные и изношенные, не единственное, что он поддерживает в движении. При надлежащем обучении, при должной организации, если он это получит, русский рабочий не уступит любому иностранному.

ГЛАВА XXV. МОСКВА ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ КУПОЛОВ

Судья был одет в жилет и белый воротничок, коротко стриженная блондинка, которая хвасталась, что она агент "гей-пей-у", взявшая своего мужа в увлекательную поездку длиной в 12 000 миль, сменила свой гардероб, а двадцать китайцев в ""жестком" вагоне обрели дар речи. Москва была уже в поле зрения. Первый из 10 000 куполов и 1 600 церквей прорезали линию горизонта. Москва для русского - это как Париж для француза или старый провинциальный город для сына любой другой страны. Москва была желанной после долгих одиннадцати дней в поезде. Все знали всех вокруг, если не разговаривали, то хотя бы в лицо, и, как настоящие русские, знали имена, фамилии, родителей, профессию, политические взгляды и другие подробности, которые можно было выведать с помощью косвенных или прямых вопросов.

Судья ехал из Владивостока. Ему было 62 года, жене 20, и приближающееся пополнение в семье убедило его, что ему суждено стать судьей в более высокой инстанции. Он был газетчиком,

революционером, министром в кабинете министров одной из небольших республик, рабочим в Соединенных Штатах и судьей, но ребенок был его самым большим достижением. Походный костюм судьи представлял собой синий джинсовый комбинезон и джемпер, распахнутый на шее и демонстрирующий волосатую грудь, независимо от того, снег или дождь шёл на тех станциях, где все выходили подышать воздухом. В суете, вызванной празднованием отъезда и рождения сына, несимпатичный карманник вытащил у него бумажник - что было бы весьма неосмотрительно с его стороны, если бы судья вернулся. Сегодня судья развеял сомнения в том, что и его одежда тоже была похищена.

Прекрасная сыщица, которая иногда выходила со своим кротким мужем на платформу, была одета в новые модные чулки, которые этим летом распространились по Европе, как потница (тепловая сыпь). Телесного цвета на икрах и более темного оттенка в полоску над лодыжкой - на расстоянии они создавали впечатление юбки длиной до колена и голых ног в носках.

24. Сухарёвская башня, построенная Петром I в 1689 году, - одни из многих, так называемых, ворот в Москве.

Такие чулки были частью пейзажа Владивостока. В Чите, когда позади уже оставалось 2 000 миль, один опрометчивый японец заключил пари, что ансамбль сменится в Новосибирске, до которого еще было почти 1 500 миль. Француз, более осторожный, поставил на Свердловск, на 1 000 миль дальше, где Сибирь уже останется позади. Русский, зная свою страну и свой народ, выбрал Москву, до которой 6 000 миль, и русский выиграл.

Потом был профессор железнодорожного института, весьма методичный человек. Помимо 40 центов, проигранных в карты, что строго запрещено законом, у профессора было еще две проблемы - ежедневно проходить 3 версты (2 мили) и не проспать первую лекцию, которая должна была состояться через несколько недель. На каждой остановке поезда он был первым на платформе, ходил взад и вперед со страшной скоростью, так как поезд не может ждать даже профессорскую ежедневную дюжину. Владивосток опережает Москву на 8 часов. Когда в "Вратах Востока" 9 часов утра, в столице коммунизма уже 3 часа дня.

Профессор боялся, что, добравшись до Москвы, он проснется в 5 часов пополудни и обнаружит, что опоздал на утреннюю лекцию. Пока поезд катился на запад, каждый день длился двадцать пять часов. Каждый вечер профессор ставил будильник на то время, когда в Москве было бы 8 часов утра, и после этого, не давал ни себе, ни другим заснуть, читая вслух.

Русская натура терпелива. Даже кокетливая вдова цвета колорадо-мадуро (темно-коричневый оттенок), занимавшая одну из полок в купе с профессором, его женой и машинистом паровоза, не протестовала против потери сна. Она похвасталась, что ее дед был сириец, тоже довольно смуглым. В Свердловске, где платформа уставлена стендами с полудрагоценными уральскими камнями, обработанными в булавки и безделушки, она прошла мимо них ради блестящего черного свинцового чертенка, тоже местного производства. С особым сентиментальным чувством она объяснила, что у нее уже есть восемь чертей, каждый из которых символизирует вдовство или расставание. Девятого ей подарил один красавец-шейх из "Вагон-Литс" перед отъездом в Москву - брачный опыт, хотя и многочисленный, был скоротечен.

Китайские молодые люди были будущими студентами Московского университета имени Сунь Ятсена. Половина из них была из Шанхая, остальные - из Кантона. Советское правительство, по их словам, выдавало каждому по 15 рублей в день на дорожные расходы. Они были не из рабочих и не из крестьянских семей, просто хороший материал для будущих агитаторов и политиков.

У китайских парней был свой особый "гей-пей-у" сопровождающий, который, наевшись конфет, накурившись американских сигарет и выпив последний шотландский виски, предавался другому любимому русскому занятию - крепко спал.

Другие пассажиры были слишком восхищены этими протеже коммунистической партии, чтобы протестовать, когда будущие студенты совершали смертный грех - открывали окно, или когда они вводили в смущение женщин, раздеваясь в переполненном вагоне "а ля Адам" и растягиваясь в таком виде на полках.

Пока их личный сопровождающий храпел, другие "детективы", приписанные к каждому вагону, подглядывали. В Хабаровске один из китайцев

рискнул выйти на платформу станции с маленькой фотокамерой под мышкой. Его быстро схватили и отвели в офис "гей-пей-у" на станции, его товарищи следовали за ним, как хвост китайской кометы. Они кричали по-китайски. Милиционеры орали по-русски. Никто ничего не понимал. Был предъявлен какой-то документ, и начинающего фотографа посадили обратно в поезд.

В Иркутске, три дня спустя, шум повторился. Неуемный китаец сделал фотографию внутри вагона. Бдительный сыщик телеграфировал об этом с вокзала, а когда добрались до Иркутска, там уже ждала чрезвычайная комиссия из секретных агентов. Студента-нарушителя снова срочно доставили в отделение милиции в депо, а затем отпустили, в обнимку со злополучным фотоаппаратом. Это было удивительно, ведь меня никто не останавливал и даже не задавал вопросов, когда я фотографировал.

"Возможно, он японский шпион", - объяснил один из детективов, выдавая тем самым страшную тайну.

Пока на небе лишь небольшое облачко, но ожидается, что гроза разразится вновь. Амурская железная дорога, которая связывает Россия с

Владивостоком полностью на всем своем протяжении, становится двухпутной, ведутся работы по строительству мостов и водопропускных труб. Вокруг каждого моста - новые заграждения из колючей проволоки. Пять тщательно замаскированных броневиков с пятидюймовыми орудиями в башнях стоят под Читой, вдоль железной дороги - склады боеприпасов, а в Каримской проследовал воинский эшелон, направляющийся в Маньчжурию. Советская Россия провозглашает себя самой миролюбивой нацией, но она хочет быть готовой к войне, а маршал Чан Цзолин, ее враг в Мукдене, может в любой момент высечь искру, которая приведет к взрыву.

Россия всегда была загадочной, трепетной, пугающей страной. Опасности возрастают с расстоянием, и исчезают тоже вместе. Московский крестьянин предупреждает путешественника, что в Сибири он непременно замерзнет или будет съеден волками, амурский крестьянин красочно рассказывает об упитанных русских, уведенных в рабство лихими туркестанскими джигитами, а занесенный песком мусульманин на этих равнинах уверен, что любой, кто рискнет сунуться в Москву, будет либо убит автомобилем, либо арестован. Даже в беспокойной

Европе поездка в Россию считается авантюрой, а с другой стороны океана, если бы отважный Даниил жил сегодня, он бы непременно отправился именно в Москву, а не в логово львов.

К сожалению, для любителей острых ощущений в правдивых историях о путешествиях, Советская Россия не представляется ни опасной, ни недружелюбной. Острые ощущения всегда присутствуют за 1 000 или 5 000 миль о рассказчика. Здесь нет тех удобств и развлечений, к которым привыкли те, кто ежегодно подписывается на туристические туры, но путешественник может здесь ехать, куда пожелает, и всегда найдет тех, кто готов и хочет ему помочь, будь то простые граждане или чиновники. Всё здесь происходит медленно и бестолково, много разговоров и мало организации, так зачем же беспокоиться? В России есть многое от Востока. На склоне холма в Китае есть надгробие, на котором написано: "Он пришел сюда, чтобы поторопить Восток. Теперь он покоится с миром". Россию нельзя торопить.

"Откройте, пожалуйста, багаж", - сказал таможенный инспектор после того, как я купил билет в Благовещенске.

25. Храм Василия Блаженного на Красной площади Москвы

"Но зачем? Я ведь не пересекаю границу России".

"Ладно, ничево", - согласился он, и я прошел дальше.

"Они будут проверять его в поезде, много раз - в Чите, Иркутске, Омске, и снова в Москве, что хуже всего", - объяснил один из тех всезнающих путешественников, которые есть в каждой группе.

"Зачем волноваться заранее?"

Ни досмотра, ни каких-либо других неприятностей не было, да и вообще, досмотр багажа - пустяк для путешественника в Европе, который может пересечь шесть границ за один день. Мы были в Москве, и переполненный поезд опустел с такой скоростью, как дети разбегаются из школы. Возглавляли этот стремительный исход проводник и директор школы.

"Давайте выпьем чашку чая и перекусим", - предложил я.

"Нет времени, я должен написать отчет о поездке. Это займет два дня", - извинился проводник.

У российских железных дорог могут быть недостатки как у любой железной дороги мира, но их коллекция отчетов превосходит все остальные.

„НЕВЕРОЯТНАЯ СИБИРЬ"

"Советская Сибирь", № 256, от 2 ноября 1928 года

„НЕВЕРОЯТНАЯ СИБИРЬ". Под таким заглавием вышла недавно в Нью-Йорке большая, хорошо изданная книга бывшего московского корреспондента крупной чикагской газеты «Чикаго Дейли Ньюс», г. Джуниус Вуда ("Incredible Siberia" by Junius B. Wood, издание L. MacVeagh, The Dial Press, New York, 1928.).
Автор в течение нескольких лет прожил в Москве и в 1926 году совершил путешествие по Сибири и советскому Дальнему Востоку. Результатом этой поездки и является рассматриваемая книга.

О Сибири вообще пишут мало, иностранцы же почти совершенно не знают Сибири и на иностранных языках новых книг о Сибири, о Сибири советской нет, за исключением разве отдельных, в газетах и журналах разбросанных, статей случайно попавших в Сибирь иностранцев, наблюдающих ее большей частью из окна манчжурского экспресса. Поэтому, книга специально посвященная Сибири, да еще автора не ограничившего свои впечатления и наблюдения исключительно по линии магистрали, но забравшегося в разные сибирские города: Барнаул, Бийск, Иркутск, Благовещенск, посетившего много сибирских деревень и проникшего даже в далёкую Ойротию, такая книга невольно привлекает внимание не только лиц, живших и знающих Сибирь, но и иностранцев.
Тем большее разочарованно ждет читателя. Книга написана поверхностно, и наблюдения автора также поверхностны, хотя он гордится тем, что проделал много вёрст по сибирским дорогам, на сибирских лошадях, с сибирскими старыми ямщиками, в доказательство чего приводит даже фотографический снимок и этого ямщика и себя, и сибирского пейзажа, и сибирской коляски, и лошадей.

Автор целиком находится во власти обывательщины и мещанства и насыщает свою книгу тысячами мещанских и обывательских сплетен, которым никто в Сибири не поверит. Тут неизбежно фигурируют и чекисты, проверяющие в поезде перед Новосибирском билеты и документы у всех пассажиров, причем проделывают это с особой тщательностью и по несколько раз. Кондуктора также занимаются проверкой документов, но ГП не доверяет этому и вслед за кондукторами проверяет их вновь. В книге неизбежные опоздания поездов и пароходов; до того часто эти опоздания происходят; что приходится лишь удивляться, как вообще автор умудриться совершить свое путешествие в десять тысяч миль. Он говорит, что в Сибири никто не знает, когда придет поезд, когда уйдет, сколько будет стоять на станции; хотя по расписанию пароход должен уйти в 5 часов, не может случиться, и часто это случается, что он отходит через день-два. Поезда и пароходы часто в пути останавливаются лишь для того, чтобы кондуктор или машинист смог купить дичь или пирожки.

С удивлением переворачиваешь прекословие автора. Да, он твердо заявляет, что путешествие совершено в августе и сентябре 1926 года, и дивишься не опечатка ли это, не путешествовал ли наш автор в 1922, 2 году, когда и опоздания и неуверенность, и остановки имели место. Вряд ли кто-нибудь из ездивших по сибирским дорогам осенью 1926 года поверит автору.
Вся книга полна описаниями отдельных вагонов, пароходных кают, железнодорожных станций и пристаней. С тщательностью и точностью описывает он на каких станциях какие продаются пирожки и сколько они стоят и, так как американский читатель не знает, что такое пирожок, то он в популярной форме просвещает американцев на этот счет. Вообще у автора за все время его путешествия был отличный, даже завидный аппетит.

Принятием пищи, и на станциях, и на пароходах, и на базарах при станции, и в крестьянских избах, и в вагон-ресторане, этим делом наш автор занимается чуть ли не через каждые две-три страницы. От этого читатель, несомненно, может получить представление о качестве сибирского масла и яиц, о стоимости сибирских кур и поросят. Еще одна страсть заметна у нашего автора, из той же приблизительно области. В каждом городе он с особой охотой посещает все возможные пивные, биллиардные, казино и другие «игорные притоны». Таким образом, нашему новосибирскому казино, что недалеко от Красного проспекта, автор посвящает несколько страниц подробно описывая и внутренний и внешний вид этого учреждения, его оркестр, его посетителей и т. д. С такой же тщательностью автор описывает и барнаульское казино, «единственное место в Барнауле, где кипит ночная жизнь», и «Палермо» в Иркутске, и пивные в Бийске, и медуху в какой-то деревне на Катуни.
Много других фактов, рассказываемых нашим автором вызывают сомнение действительно ли его путешествие совершено в 1926 году. Он рассказывает, например о полнейшем отсутствии рабочей дисциплины среди сибирских водников и приводит такую сценку.

«Во время обеда в столовую (парохода) вошел матрос, представитель всей команды; в рабочем костюме и шапке на голове и без всяких формальностей сел рядом с капиталом, продолжавшим свой обед.

— Рабочие не хотят нагружать пароход так часто, поэтому распорядитесь, чтобы на остановках набирали больше запасов топлива и останавливались пореже».—сообщил он капитану. Капитан был недоволен.

— Некоторые на пароходе знают свое дело, а многие другие ничего не знают и только вмешиваются в дела других, — ответил капитал. Представитель команды достал карандаш и бумагу и составил протокол, жалуясь на капитана высшим чиновникам»...

Таких сценок автор приводит несколько, что заставляет нас думать, что автор или просто высосал их из пальца, во время обильных приемов сибирской медовухи или самогона, или передает эти сцены с чужих слов, или же был в Сибири в какое-либо другое время. В 1926 году подобных сцен ни на сибирских водных ни на сухопутных путях сообщения, ни в других отраслях промышленности быть не могло. И каждый, живший в это время в Сибири и знакомый с работой на производстве, или побывавший на транспорте, это подтвердит.

Нужно сказать, что сказка о протоколах и жалобах, в равных вариациях повторяется весьма часто. То наш автор описывает как кто-то арестован за ношение фотографического аппарата, при чем заявляет что никто не имеет права производить снимков, так как занимающегося этим делом примут за японского шпиона. Однако, противореча, сам себе, автор указывает, что ему никто не только не препятствовал производить снимки, но за все время пребывания в Сибири никто ни разу не остановил его и не спросил предъявить разрешение на производство снимков. И конечно, автор не может не упустить такой благодатной темы, как цензура. Не смотря, говорит он, на утверждения в Москве, я получил полнейшее доказательство существования цензуры на письма. Оказывается какая-то барышня в Благовещенске сказала ему об этом. Наш автор послал из Благовещенска телеграмму в Москву «и представьте себе, говорит он, она дошла до места назначения». Это пишет серьезный журналист о Сибири в 1926 году.

Посвящая специальную главу о «расписании поездов и пароходов», о чем мы уже вскользь указали, он пишет об убыточности дорог, главным образом, потому что только 25 проц. путешествующей публики оплачивают за свой проезд, а большинство едут или по бесплатным распоряжениям властей или зайцами.

Кроме того, почти все поезда отправляются пустыми. Думаю, что любой из миллионов граждан, совершавших поездку на сибирских дорогах в 26 году, сможет сказать нашему автору пару теплых, но далеко не лестных для него слов о его способностях наблюдать и правдиво описывать виденное. То же самое можно сказать и о той части книги, где автор «с ужасом» описывает миллионы беспризорных, стоящих тучами перед ресторанами, в ресторанах перед столиками и попадающихся вообще на каждом шагу с протянутой рукой и с жалобной просьбой «подайте копейку».

***

Знания нашего автора Сибири вообще замечательные. Оказывается сибирские крестьяне не курят в тех комнатах, где развешаны иконы. Эти же крестьяне глубоко убеждены, что Николай кровавый не казнен, а бежал за границу л ныне пребывает в Америке. В новосибирских газетах введена полностью система Форда и редактор получает за двенадцать статей в месяц 225 рублей, репортер за то же 12 статей 150 руб. Каждая газета» кроме того имеет секретаря, который обязательно должен быть членом компартии, следить за сотрудниками и за правильным ведением газеты, «его слово является решающим».

***

В таком духе вся эта книга. Конечно, как хороший американский журналист, вечно и всюду ищущий сенсаций, автор не мог не найти в одной из пивных Сибири бывшего царского камергера, ныне играющего в этой пивной не то на рояле, не то на флейте. Сосланная буржуазия и разорившееся дворянство также конечно занимаются в Сибири увеселением трактирной публики.

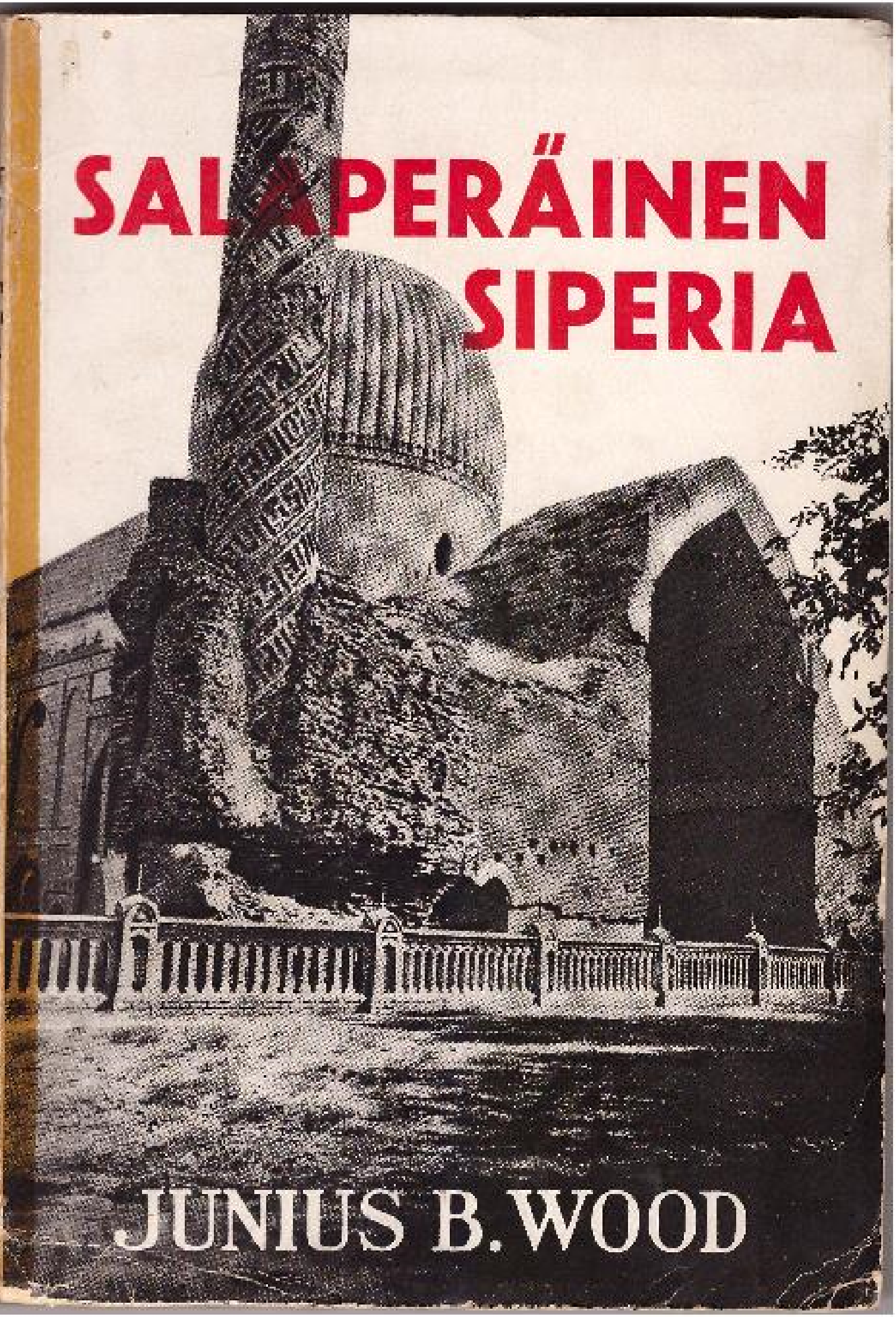
Право, книга американского журналиста была бы не полна без этих персонажей,для которых он, однако, не имеет никаких утешительных слов и про которых с большим раздражением заявляет: «Если это всё, что они способны делать теперь» когда случайности рождения не имеют значения, то приходится удивляться насколько неспособными они были в управлении страной». Приходится даже удивляться как это наш автор сумел познать это за своими обильными восприятиями пищи и пития, в ожидании «вечно опаздывающих» сибирских поездов и пароходов.

Новосибирску автор посвящает специальную главу, в которой, помимо уже упомянутого казино описывает свой разговор о строительство с тов. Щукиным, одним из тех «людей, которые не смотря на свою молодость, выплыли на поверхность жизни, из хаоса, в котором большевики начали свое дело», ведущим в Новосибирске «большое жилищное строительство и которого необходимо послать в Москву для превращения строительных «планов и проектов в действительность». Автор поражен строительством в Новосибирске, «ведущимся в большем размере нежели в Москве». Он рассказывает о новых домах Сибкрайисполкома, Госбанка, Текстильсиндиката, Дом Ленина об электрической станции, мосте через Каменку, Дворце Труда, намерениях мостить улицы и провести водопровод и т. д.

Интересна глава об Ойротии и о том, как посредством лампочки Ильича борются в Ойротии с шаманами и предрассудками старины.

Мы не «можем обвинять автора в злонамеренном искажении фактов, так как в общем книга, несмотря на вышеуказанные большие погрешности и оплошности, искажения и неправдоподобия, все же оставляет благоприятное впечатление. Это не серьезная и не научная книга. Это описание одного путешествия иностранца, обладающего средним умом и обывательским мещанским характером. Отсюда все его ошибки и впечатления. Отсюда и его погрешности.

SALAPERÄINEN SIPERIA

JUNIUS B. WOOD

Junius B. (Boyd) Wood Biography

Junius B. Wood, Class of 1896 - b. 5-27-1877 - d. 1957
Junius was the Class President of his Class of 1896

The geographic, social, and occupational mobility characteristic of American culture has often resulted in sons departing from the ways of their fathers. A local instance of this contrast between generations can be found in the lives of Samuel S. Wood and his son, Junius B. Wood.

Sam Wood, a farmer's son, was employed as a watch factory machinist for nearly forty years, 1881-1920. He also lived in the same house at 444 Prairie Street in Elgin for most of his working years. Sam believed in staying at home, content to enjoy familiar scenes and friends. While living in Elgin, he returned only twice to his former home in Pennsylvania to visit relatives. He allowed a day for the Chicago World''s Fair in 1893 and once went on an excursion to Clinton, Iowa. Another time his interest in land investment took him to the Dakotas. These were the only occasions he was known to be away from Elgin.

Because Sam hoped that every family would be able to settle down in a home of their own, he was a leader in organizing the Elgin Loan and Homestead Association (now Home Federal) in 1883. The pooled savings of its members provided the funds for low-interest home loans. Sam Wood served on the Association's board of directors for 38 years and was its president for the last 11. He volunteered his time to the Association, using evenings and Sundays to stride along the city's streets appraising property.

Sam was deeply rooted in his home, his job, and his community; his son turned out to be a world rover. After his graduation from Elgin High School in 1896 and the University of Michigan in 1900, Junius Wood became a newsman. As a foreign correspondent for the Chicago Daily News, (1907 - 1934) he covered General Pershing's campaign in Mexico - the American occupation of Vera Cruz, Mexico, in 1914 and a Cuban revolution in 1917. He was an accredited correspondent with the American Expeditionary Force in Europe and Siberia, 1917-1920 (WWI).

Junius Wood's assignments included the Balkans, Scandinavia, Central and South America, Japan, China, India, the Philippines, and Arabia. He reported more than a dozen national political party conventions, flew across the country in the airship Shenandoah, and was a passenger in a pioneering air mail flight from Argentina to the United States. The younger Wood was stationed in the Soviet Union, 1925-1928; observed the Japanese army in Manchuria, 1932-1933, and witnessed the rise of Adolph Hitler in Berlin, 1933-1934.

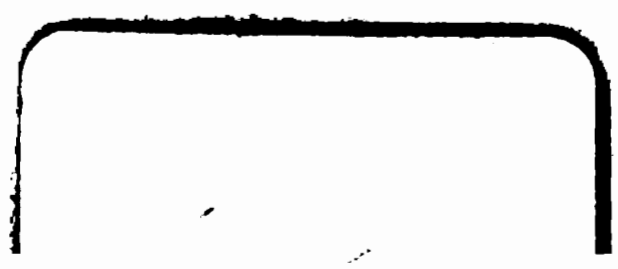
If today's youths follow different paths from the examples provided at home, you might remember the Woods. Theirs was a not uncommon pattern among fathers and sons, one which will occur more and more frequently in the lives of today's mothers and daughters.

E. C. "Mike" Alft, "**Elgin: Days Gone By"**

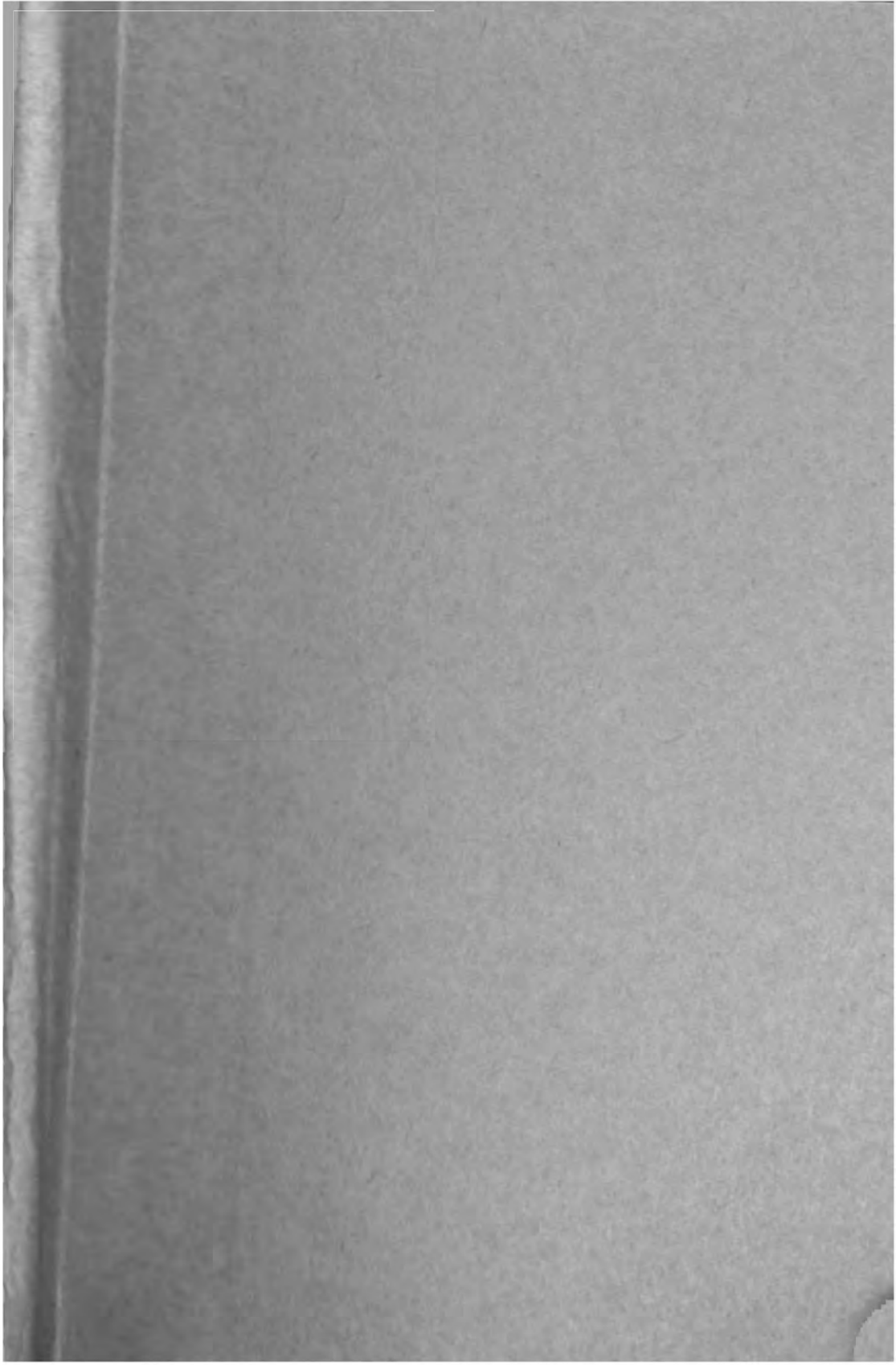
A 831,584

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-23 18:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-23 18:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

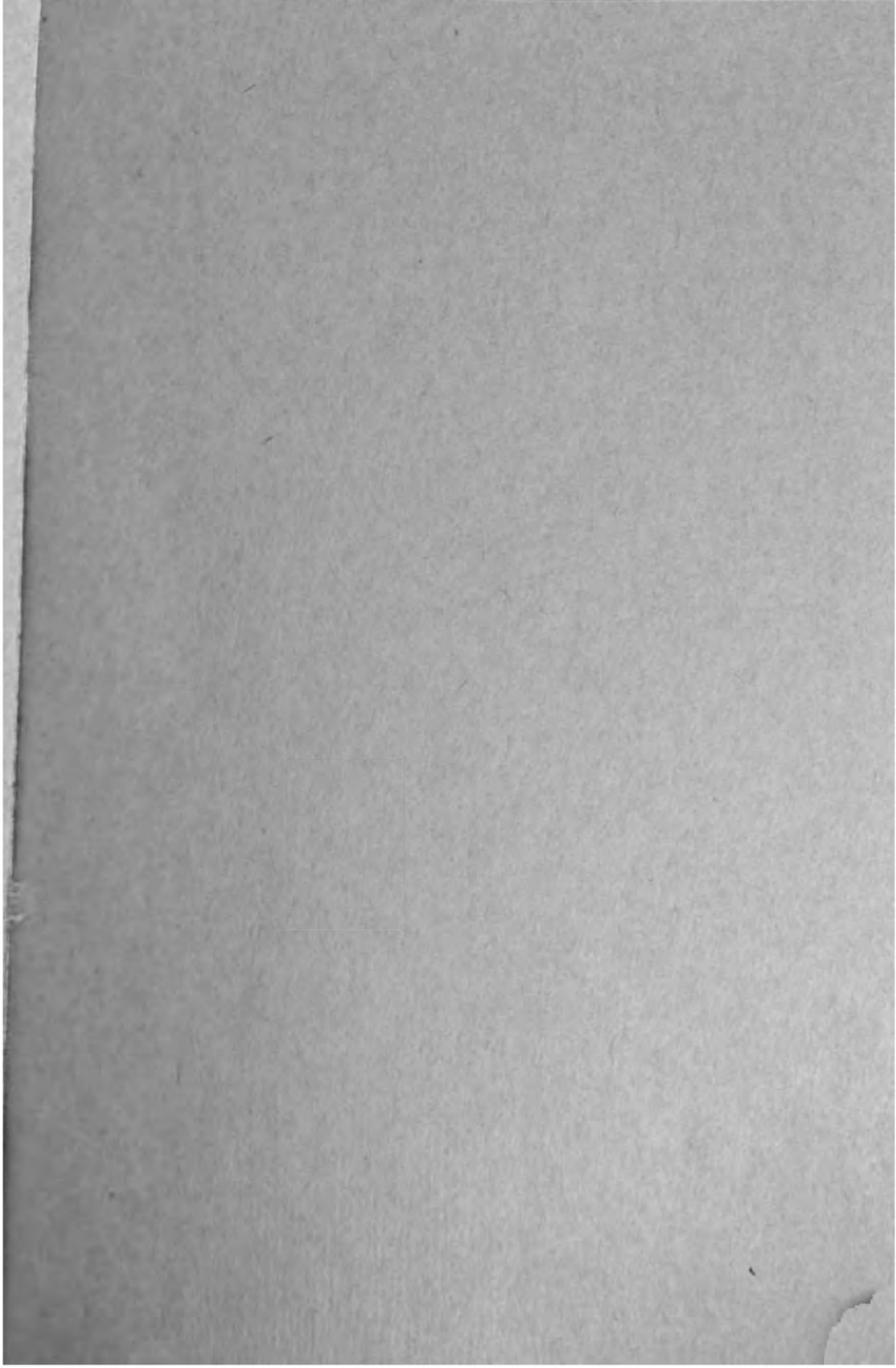
Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Generated on 2022-06-23 18:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

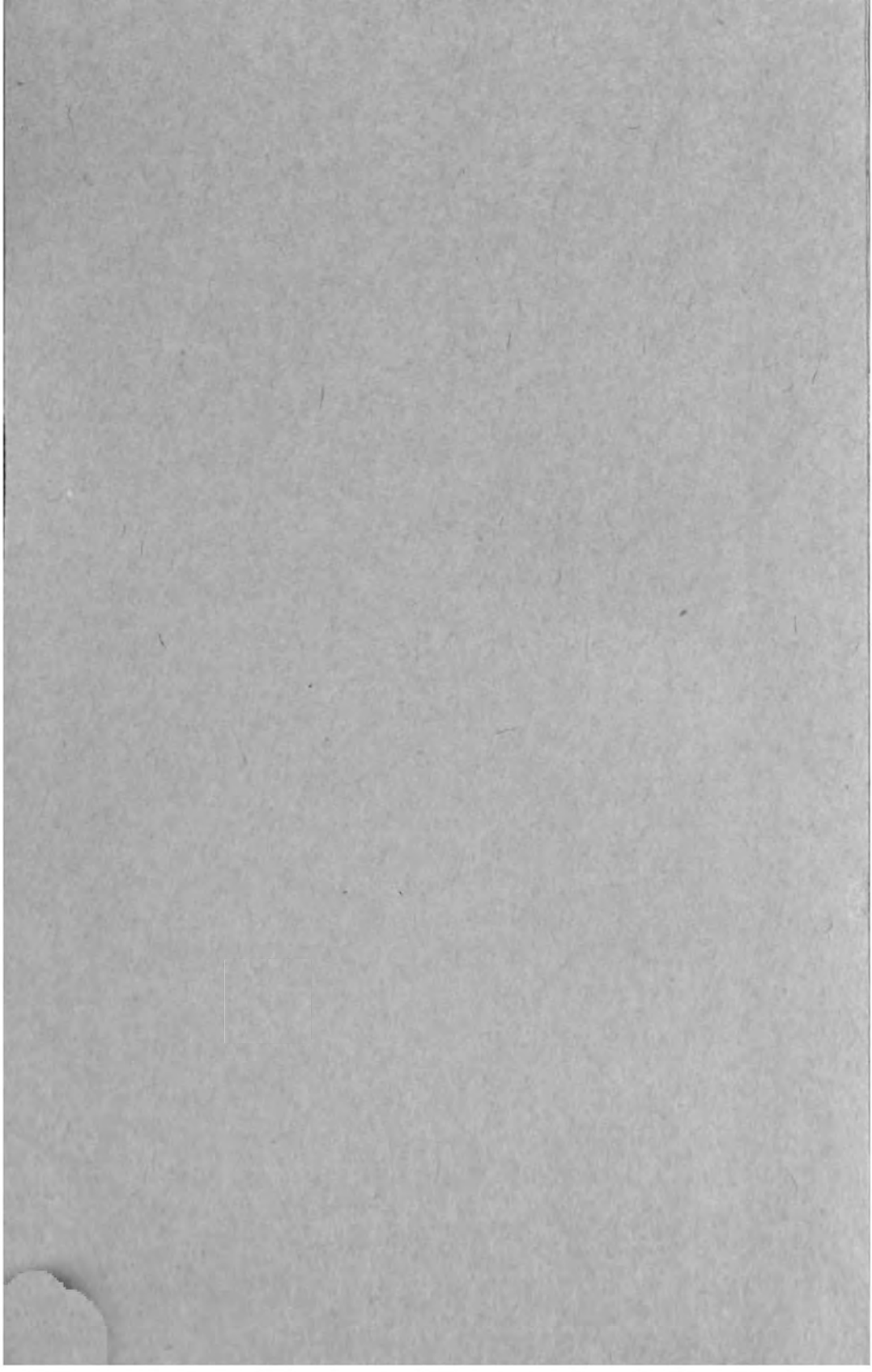
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:40 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

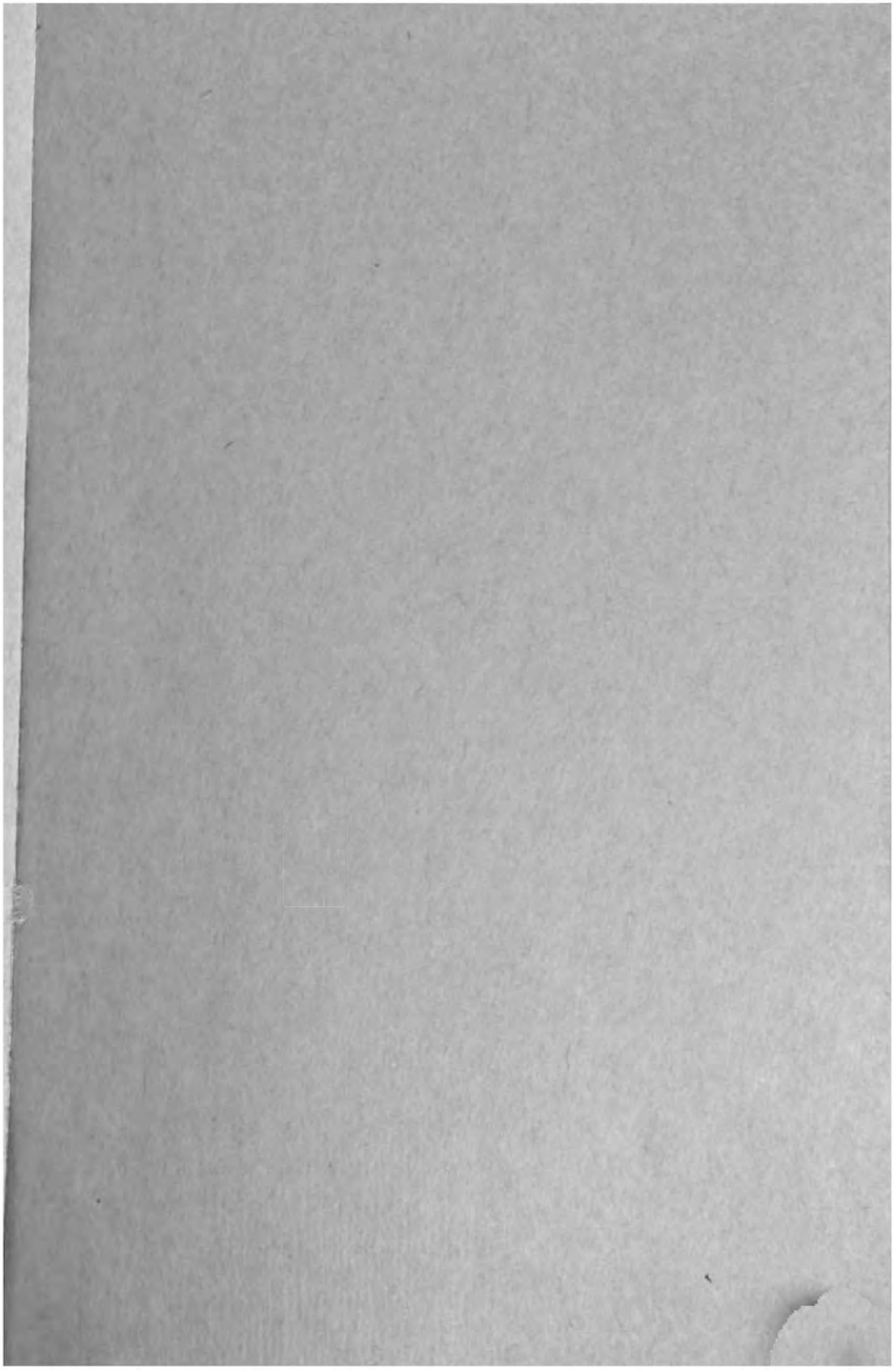
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:43 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

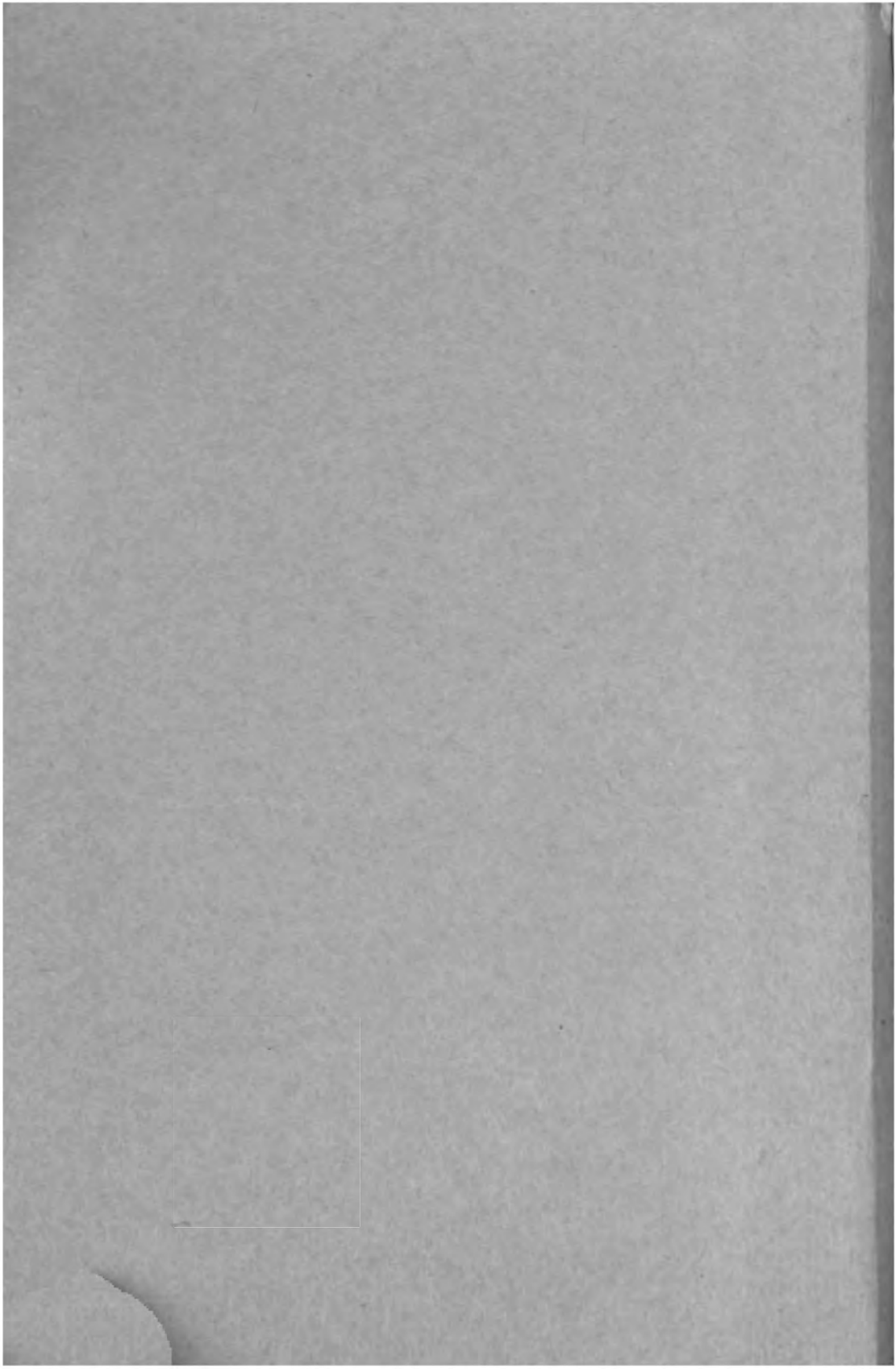
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

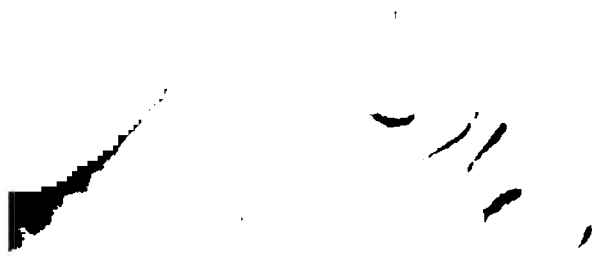
INCREDIBLE SIBERIA

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

INCREDIBLE SIBERIA

By JUNIUS B. WOOD

European Correspondent of the Chicago Daily News

NEW YORK

LINCOLN MAC VEAGH · THE DIAL PRESS

LONGMANS, GREEN & COMPANY

TORONTO

1928

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

COPYRIGHT, 1928, BY THE
DIAL PRESS INCORPORATED

DK
751
.V

Manufactured in the United States of America
By the Vail-Ballou Press, Binghamton, N. Y.

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Librarian
Wash
2-28-29
19020

CONTENTS

I.	Documents and Deadheads	13
II.	Novosibirsk	20
III.	A "Hard" Car Rattler	33
IV.	Over the Steppes in a Kerabok	44
V.	Oyrots of Oolala	52
VI.	Unknown America	66
VII.	Predatory Prejudices	79
VIII.	Homebrew Days	92
IX.	Workers and Windbags	108
X.	A Bath in Biisk	122
XI.	Bernaul's Casino	129
XII.	Social Struggle	135
XIII.	Time and Timetables	141
XIV.	Temperate Communism	151
XV.	Scientific Fables	159
XVI.	Irkutsk, the Fallen	167
XVII.	Baikal, Bunk and Bounders	172
XVIII.	Six Years of Progress	184
XIX.	Peter Pays Paul	196
XX.	Amur Silhouettes	201
XXI.	A Fighting Frontier	212
XXII.	No More Revolutions	221
XXIII.	Lost—One Mastodon	235
XXIV.	Peasants and Princes	245
XXV.	Moscow of Ten Thousand Domes	254

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

LIST OF ILLUSTRATIONS

Lake Baikal in the Moonlight . . . . *Frontispiece*
Yamshek, Kerabok and the Author 14
Boy Knife-Jugglers 26
The Lunch-Counter at a Siberian Railway Station . 38
The Main Street of Oolala is the Municipal Morass . . 46
Ivan Savelivitch Ala Guze 54
Oyrot Shaman and his Son 64
The Bench at the Gate is Siberia's Social Center . . 80
The Peasant Girl For Once has an Easy Job . . . 90
The Srostky Ferry Drifts Across 100
A Siberian One-Room House 112
Baby-Carriages are Vegetable Stands in Biisk . . . 122
Morning Shopping in Bernaul 130
A Trio of Village Flirts 142
The *Kommunist* Taking on Wood for Fuel 148
Fine Buildings at the Mouth of the Ob. 162
Church and Street in Irkutsk 170
Rotting Dock and Breakwater at Baikal Station . . 182
Bolshoy Prospekt, Chita, is a Boulevard of Shifting Sand 192
A Lumber Raft, and Floating Home, on the Amur . 206
The Younger Generation Plays the Accordion . . . 218
The Vodka Factory Club 230
Village Lifeboat Crossing the Street 246
Sukharev Tower 256
St. Basil's in the Red Square of Moscow 260

Generated on 2022-06-23 18:48 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:45 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

AUTHOR'S NOTE

These sketches may give a new and brighter picture of Siberia, that vast but little known stretch of Asia. They cover incidents of a trip in August and September, 1926, but in the Union of Soviet Socialist Republics where politics would dominate all activities of industry, mankind or nature, and a paternal government prescribes every action, word or thought for its citizens, the omnipresent official must have a place in the picture.

J. B. W.

Moscow, U. S. S. R.
March 30, 1927.

Generated on 2022-06-23 18:45 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:45 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

INCREDIBLE SIBERIA

Generated on 2022-06-23 13:35 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:45 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER I

DOCUMENTS AND DEADHEADS

THE young man in high boots and bushy hair which resembled the curly yellow sheaf of wheat on the Soviet coat of arms, banged the door as he entered the lurching car. We had just left Sverdlovsk, crossed the boundary which separates European Russia from Siberia. Formerly the city was Ekaterinburg, given a permanent place in history as the scene of the execution of the last of the Romanoffs. Sverdlov then was the first president of the Russian Soviet Republic and in the elimination of the municipal namesakes of former rulers, he drew the city which he had made famous by signing the writ of execution.

We were in Siberia. The youth carried all the dignity of too many glasses of vodka. "Document, tovarish!" he demanded, fixing the "comrade," a stolid-faced citizen seated on one of the hard benches, with a stern official stare. Strictly speaking, only members of the Communist party or Pro-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-23 13:41 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

fintern are to be addressed as "tovarish." However, it's a courtesy, like "colonel" in Kentucky. Other passengers stretched on the hard benches, unlimbered themselves and heads peered around the open partitions. The young man reciprocated by declaring that he must see all their documents, a duty with which he had become impressed as successive glasses of vodka brought the train nearer Siberia. The car immediately became vociferous. "I'm from the 'gay-pay-oo'!" the visitor announced. The claim of connection with the awesome political police did not silence the clamor. Secret police, travelling as ordinary passengers—and there are plenty—are not supposed to disclose their identity. Here was a grand chance for argument, welcome diversion in a hard car.

The stolid-faced man did not wilt under the official glare. He stared back with unblinking eyes, not a muscle twitching. Possibly there was more than appeared behind the incident; an elbowing contest in front of a peasant woman's roast chicken booth at a station, a rival flirtation on a previous journey or some affair of smuggling or contraband which neither cared to discuss. Most of the passengers in that car were regular trippers, deadheads

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:42 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-24 07:42 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Yamshek, Kerabok and the Author

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:43 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

at that, all knew each other by sight, and few persons shuttle back and forth from Vladivostok to Moscow along the Manchurian border, eleven days and nights on hard benches, for pleasure. Smuggling across the lonesome Manchurian frontier is hard to stop—silks, face powder, opium, lingerie and much more—and the prices in Moscow are many times the cost in China. The baggage of those habitual travellers would be interesting.

The others were doing the arguing, for this had become a collective problem. Half an hour of it before the conductor appeared. Though it was a pleasant interlude in the long journey, the conductor interrupted it to lead his noisy protégé to the "soft" car where he might cool off the zeal and vodka with a night's sleep. The conductor reappeared. Apparently he scented either duty or opportunity.

"Your document, please," he requested a buxom girl, alone but neither lonesome nor abashed.

"Are you another 'gay-pay-oo' man?" she chortled.

Everybody accepted his silence as assent and plunged into the debate.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:43 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

"I've a right to ask any passenger to show his documents," the conductor insisted.

"Show me your own papers first," the girl countered, belligerently.

So the argument continued, aimless and unending. The train rattled on through the moonlight, forests of birch and pines, white sentinels under the matted leaves; villages of log houses flanking a muddy road, roofs and straggling fences faintly silvered; occasionally a barking dog or a baying wolf, and between them all miles of tundra and plain. The twice-a-week Siberian express came to a gentle stop at a dimly lit station, two stories of squared logs painted brown. No passengers were waiting, for all seats on the train, from sleeping care to "hard," are taken weeks in advance before it leaves Moscow. The station crew and the food sellers—a Russian has the rare talent of eating and sleeping when and where he chooses—were bustling around. The conductor, temporarily vanquished but persistent, departed. He returned with two uniformed militiamen. The girl produced her document. It was in order. There was no reason to suspect it would not be. The debate was a draw. She had not shown it to the conductor but he had seen it.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

"Document, pajaluista" (please), is almost a greeting in Soviet Russia. Everybody has a document, except possibly the homeless children. If you do not have a document, you just don't exist. It may be a foreign passport, a local registration card, a red-covered union membership book or a letter signed by an official and always stamped or it will not be genuine. Merely telling who you are is quite casual. The document is necessary for serious discussions. Two kopeks' worth of dried sunflower seeds for nibbling, or purchases for cash, may be made without "the document" but that is about all. If a boat is rented for a few hours' rowing on a river; if a call is made to see a guest of the Luxe hotel in Moscow where only Communists, including "Big Bill" Haywood, live; if any other guarantee, serious or trivial, is required, the document must be deposited. If a photograph is taken, a room rented in a hotel, a railroad ticket purchased, or anything out of the drab routine attempted, the document must be shown on request.

Every person in Russia is documented, business for the printer and jobs for secretaries, but a futile formality for those who wish to evade it. It is a survival of czarism. Vladimir Illitch was exiled to

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Siberia, escaped and was documented as Nikolai Lenin and lived under that name ever afterwards. Stalin, Trotzky, Zinoviev, Kamenev, Litvinov, Radek, Ossinsky, Tobelson, and many others all gave up their original names and were documented anew when revolutionary needs forced them to evade the authorities. It goes on to-day. Hardly a week passes without the arrest of a former Okhrania spy, a former czarist prison official, a leader of a past counter revolution. They are all documented under new names and their identity has been only accidentally discovered after the lapse of years.

The question of the documents was settled. The stolid-faced man was stretched out on his bench snoring. The girl was mangling half a steaming fried chicken which an admirer, not the conductor, had presented. Other stragglers were coming back with handfuls of fried biscuits stuffed with meat, loaves of bread, dripping cucumbers, bottles of hot boiled milk, raspberries and strawberries in scraps of dirty paper and the other necessities for a midnight lunch. Somebody had left a crack of window open—much protest and it was closed. The car was hermetically sealed. Those troubled with insomnia

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:45 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

would be asphyxiated into a stupor. Air is dangerous in Russia. Temperature never.

The train was again rolling through the deserted moonlight as I jumped the gaps between the dark "hard" cars back to my sleeper. The compartment had a breath of air, for the window was open an inch. My companion was in his berth, the light shining down on his closed eyes, an open magazine clutched in one hand, a dead cigarette between his lips—sound asleep. It's a gift.

Generated on 2022-06-24 07:45 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER II

NOVOSIBIRSK

"IF our ideal is good, we can make our practice come up to it," said the young official with whom I was dining this afternoon, expressing an oft repeated Soviet principle. He had brought up the question of the government monopoly of trade and I had admitted it was good in theory. We were in a little restaurant, just off the muddy main street of Novosibirsk, called the Casino from the fact that the government gambling house, open twenty-four hours of the day, was in another log building in the same yard.

Every few minutes one of the ragged, homeless children which are omnipresent in Soviet Russia would slip furtively through the doorway, beg a chunk of bread from one of the diners and dash out again, pursued by a waiter with a waving towel. Around the corner, on the main street, an asphalt caldron smoked through the day. Its remnants of warm wood ashes furnished a sleeping place for

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

the ragamuffins through the chilly nights. But the gambling house in the rear where a motley group of men and women sat around the shabby chemin de fer table was operated by the government, ostensibly for the charitable purpose of caring for homeless children. Such is the difference between ideals and practice.

The young man's theory was correct, provided human nature and machinery which put the ideals into practice can be found 100 per cent perfect. Novosibirsk has grown from 60,000 to 120,000 in population in the two years since its name was changed from Novonikolaievsk, and its growth is characteristic of the new era in Russia. In the old days—"peace time," as the Russians call it—churches were built. The most imposing structure in every log village was the many-steepled church. Now they put up public buildings and Novosibirsk, capital of the vast western district of Siberia, larger than all Europe, exemplifies the new practice. It differs from the American theory where homes come first in a growing city. Russian psychology is different—a city is appreciated by its imposing public structures, though its inhabitants live without comforts, conveniences or cleanliness.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

The night before when I walked to the city from the railroad station in the frosty moonlight, the new buildings and the scaffolding of others had stood out against the skyline, the program of a city in the making taking form. On the iron grating outside the broken basement windows of the telegraph office, three little huddled forms absorbing the heat from the engine room were sleeping—homeless boys. They are not in the program. Progress in Soviet Russia seems a coping or veneer, starting at the top and leaving the bottom to take care of itself.

"Time is money," Tovarish Schukin had said. "That's an American expression and we're trying to put American hustle and methods into Siberia. We call Novosibirsk the Chicago of Siberia."

Tovarish Schukin is head of the state building department whose structures, some completed and others in a fair way to be, are the most conspicuous features of the new capital of western Siberia. He is a hustler and a Russian, possibly a rare specimen, one of those who, though young, have emerged from the chaos with which the Bolshevik government started. He had a minor office in Biisk. Though he had lived there all his life, he could see

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

that the creeks of muddy soup which are called streets would be improved by paving. He started, the local citizens greatly surprised at the extravagance. Next he took the former Vtorov store, one of which was in every large city of Siberia, and converted it into a hotel with one bathroom.

His fame reached to Novosibirsk and he was brought there with a wider field for his activity. The building season always closes on account of the cold on Oct. 15, but he gets results in the summer months, and the novel creations of Siberian architects are actually completed. They should send him to Moscow and the pretentious building program which heralds each year might be put into brick and stone instead of merely filling reams of paper.

"We now pay the Gosbank [State Bank of U.S.S.R.] 12 per cent on building loans while before the war the state bank charged only 6 per cent," another official explained, practically all the loans being to other state institutions which are building. "Novosibirsk would welcome an American construction firm which would form a joint stock company with the state, bring in modern machinery and experience. It would be profitable. A reinforced concrete building which we are erecting

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

on the new square, the first of its kind in Siberia, for offices, theater and residences will cost $700,000. All the space in it has already been rented for $125,000 a year. Construction costs are high now, because everything must be done by hand."

That brought up the invariable subject of resumption of diplomatic relations between the two countries. The Russian firmly believes that once diplomatic relations are resumed, unlimited credits from the United States will follow. He has absorbed certain fixed theories, taught officially, in regard to the old Russian debts. Not paying debts also strikes a popular chord in Russia.

"If you are committed to the principle of not paying debts, how can you expect further loans?" was asked.

"France will not pay its debt to the United States, so why should Russia?"

"You would not accept a capitalistic country as a model for your proletarian state?"

"No, but those debts were contracted for war purposes and the Socialist party at the time of the Russo-Japanese war issued a statement that they would not be paid. The Soviet state has not defaulted on any of its own debts. If we pay those

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

old debts, we'll be a colony of capitalistic Europe or America."

The argument is always the same. Naturally the Soviet state has not defaulted on any of its debts as there has not been any necessity or opportunity to do so. Among the masses, the repudiation of the old debts seems to be accepted as the cleverest piece of diplomacy which the Soviet leaders have to their credit. The leaders have reason in their argument that even though they are willing to modify the blanket repudiation of all debts, their public would accuse them of renouncing a principle which is extremely popular.

Novosibirsk which 30 years ago was a few log houses in a pine forest on the east bank of the Ob, shows more building activity than Moscow. The main street, which stretches from the river out into the country with a park in the center where lovers and loafers sit and dream, is paved. The straggling shacks in what formerly was the market in the center of the city have been torn down for a park and parade ground around which will be grouped the new buildings. Those for a post and telegraph office, the All-Siberian Executive Committee, Gostorg (state trading corporation), Gosbank, and

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

the House of Living Leninism have been completed. Back of the latter, where victims of the Kolchak expedition are buried, is a monument, merely a hand holding aloft the torch of liberty, emerging from a cloven rock. The government building program in 1926 was $3,000,000, and private individuals invested $500,000.

Siberian architects designed the structures and they have given free scope to revolutionary fancy. Designs are weird. As one emerges from the muddy twenty minutes' jolting ride from the railroad station into the center of the city, the impression is of arriving in a cubist dream city. Buildings are painted steel-grey with immense squares and stripes of dark blue. Outwardly they look like fortresses or mausoleums, though they are built of brick to withstand the 55 degrees below zero in winter and faced with cement. A concrete bridge, 455 feet long and 95 feet high, has been completed over the Kamenka river, hitherto forded through the mud.

A workers' palace with strange cubist towers and panels for the offices of the unions, a big building for the textile syndicate's offices and another bank building are under construction. An electric power station, all machinery of Russian construc-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Boy Knife-Jugglers

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-29 07:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

tion, with two 500-watt dynamos, which operates at night at a cost of 8½ cents a kilowatt, was completed last year and its capacity is to be quadrupled. A water pumping station (the filters have been ordered from the United States) is to be added. After the pipes have been laid, trolleys will follow. At present, carts haul the water up the steep hill from the dubious Ob, flowing north to the Arctic Ocean.

Novosibirsk calls itself the Chicago of Siberia just as the Bernaul district calls itself the Canada of Siberia. Novosibirsk is rising out of the mud. So did Chicago.

The rain had stopped a few hours later, a full moon occasionally broke through the clouds, the worn plank sidewalks could be navigated without sliding off into unseen mudholes and everything was set for a gay night in the capital of western Siberia. The sunset shower had been a cloudburst and the moisture underfoot was both thick and deep. To movie theaters, a Norma Talmadge film whose release must have reached the 100's, an Italian hair raiser, and an operatic recital by an artist who advertised herself as fresh from a successful tour of Japan, China and Mongolia, made the Casino café preferable. Anyway it was 9 o'clock and time to eat.

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

The café advertised an orchestra until 2 A. M. if any patrons remained that late.

The Casino café serves a three-course lunch—soup, one of two meat dishes and a hard-baked cookie for 45 cents. The Business Men's café offers lunch for 35 cents. The first is privately owned and the latter a cooperative. One pays high taxes, the other practically none. Another frequent difference between private and state-owned institutions is that the former endeavor to attract patronage both by the quality of what is furnished and by the service while the latter are inclined to go on the principle of giving as little and as poor food as possible for the money while the waiters are either busy eating, themselves, or having a discussion. The establishment is run for their benefit, not for that of the patrons.

The orchestra—piano, violin and violoncello—was in the midst of the lively "Jewish Wedding March," an Odessa masterpiece, to the great delight of a table of citizens of Ukrainian cast of countenance. Business was chiefly a beer trade, a sad, flat, luke-warm brew. The café is a summery affair with trees growing through the roof and

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

cracks between roof and rough board walls. Winter diners when the mercury hardens around 55 below zero wear overcoats. This evening it was cool and comfortable, differing from the usual hermetically sealed Russian dining room. The élite was present. Lunch hour passed and only roisterers were abroad. A pork chop cost 50 cents, which is high for Siberia where pigs are more numerous than citizens in every village street.

A waiter in a blue smock came up, wiping his mouth on a corner of his apron. He had kindly consented to interrupt his meal. Shaving in Siberia seems to be a Saturday night event. This was Tuesday and his stubble was short. The menu was imposing. Most of the dishes were only on the menu—no fish, no chicken, no Siberian hazel grouse, no Turkish schashlik. Did they have pork? Of course, catch one by merely stepping out of almost any front door. So it was a pork chop, as usual.

A young man with a new fedora was at a side table. He turned his chair to face the room so all could have a full view. He kept the hat on. It was new. Also he wore one of the two white collars and neckties in the restaurant. A girl and youth

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ordered tea. A glass of tea and an orchestra are good for an hour of conversation. She pulled off a white canvas hat, uncovering a mop of frizzy blonde bobbed hair. Styles reach even Siberia.

A weather-beaten "tovarish" in a soiled canvas slicker, a faded Bolshevik army cap on his head, a fringe of red beard, entered unsteadily and made port at the nearest table. A close-cropped head emerged as he stuffed the cap into a bulging pocket. A waiter brought a bottle of the dismal beer. A comrade joined him, a hairy man, touselled beard and hair without sign of being combed since his mother tied it in ribbons. The close-cropped one swallowed his pale brown brew and ordered another but offered his friend none. The violin was in anguish, sobbing through a Russian classic. Tears fell into the beer and he wiped his eyes on the back of a hand gloved with soil. He could stand it no longer. The six feet of slicker lurched across the room and flopped on the orchestra platform as he pled, with a smile, for a tune.

The orchestra was merciless. It stuck through to the last doleful chord. Its music and its literature tell that melancholia of the Russian spirit. The

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

knight of the slicker returned to his beer and started an argument with his hairy friend. The latter, having no beer, had little to say.

The shirt-sleeved pianist finished eating an apple and the orchestra enthused with "Toreador." Two café matadors came to life. While one kept time with knife and fork, the other burst into song. A waiter vainly endeavored to curb the hilarity. The enthusiasts wanted another round. One dug out a crumpled paper rouble (50¢). The waiter sadly shook his head, as all knowing waiters do. A second rouble was forthcoming. That was befitting an orchestra of three pieces and the waiter made the presentation. "Toreador" got an encore.

The pork chop was long in coming. Perhaps they had to catch the pig first and home loving pigs are off the streets at that hour of the evening. Back of the restaurant, in a separate building, was the hotel and beyond that, in another log building, the government gambling house. While the chop was being mobilized with its garniture of potatoes and carrots, I picked my way into the gambling house —admission 25¢ and hats checked free.

A dozen men were around a greasy table play-

Digitized by Google Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ing chemin de fer. Back of the dealer, covering the entire wall, was an immense sign of twenty-nine rules, one of which was that no borrowed money can be staked—if broke, go home. Bets were small, in roubles and kopeks. A stout, prosperous-appearing Mongolian with walrus moustaches, the only one of the party who was not cheating the barber, won a modest pile, stretched and left. A man with sandals on his bare feet took his chair and bet 25 cents on the next cards.

"It's rained a lot this year, unusual weather," said the waiter as he cleared away the remains of the chop. It sounded familiar, like Los Angeles or Miami. The downpour had started again and the scraps of sidewalk had a habit of ending in mud-holes as I plodded back to the hotel. It was midnight. Silent couples were straggling home from the two movies. A cigarette vender was on the corner. A fringe of homeless boys huddled around the still warm asphalt furnace in the street. The park benches were deserted. Novosibirsk is a serious town.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:49 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER III

A "HARD" CAR RATTLER

SOMEWHERE around 2 o'clock this morning a persistent hammering started on my room door. The train for Biisk left at 3:40 A.M. and Russians believe in getting to the station early though a train is seldom on time, even in starting. A drosky was waiting outside in the muddy street. The skies were paling with the early daylight of Siberia in August. In Russia they also believe in building the towns far from the railroad. Novosibirsk is half an hour's ride from the station. Now and then another drosky sloshed through the ghostly light, piled with baggage and a bundled-up passenger. The train had arrived from Tomsk at 2 A.M. It would stop an hour and 40 minutes in Novosibirsk, providing it got away on time.

Sleepy passengers filled the station. Where they were going or where they had come from, and when, was a mystery. A through train from Leningrad to Irkutsk, windows dark and also waiting,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:50 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

was on the main track. A porter carried the suitcases around it, through the puddles of mud between the tracks, and after much shouting found the Biisk car. Yes, there was an empty place in it for whoever had the ticket. I had the ticket.

Since Russia has become a proletarian state, classes in railway travel have been abolished. Instead of classes, there are categories, merely a change in name as in many other things. First and second categories on sleeping cars differ in price and the size of the compartment. Not more than two persons will be in a compartment of the first category while four may be in one of the second. The next distinction is designated as "soft" and "hard" and after them comes "fourth," which is only in Siberia. "Hard" and "soft" refer to seats or bunks, and cars are furnished as their name implies.

This car was "hard," the train had no others. It was of ancient vintage, a partition dividing it in the center, each half having eighteen benches in double tiers, twelve crosswise and six lengthwise with a narrow aisle between, and six little square windows. My ticket called for an upper side board, near a window, which was an advantage—in daytime. If a breath of fresh air filtered in during the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:50 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

night it was because a window was cracked. The car had all the assorted odors of a fertile sleeping countryside.

Two candles faintly illuminated forms on the benches, men and women, some holding children, some in boots, others with bare feet sticking out from under blankets, others stretched fully dressed wrapped to their ears in sheepskin coats. On one bench a man and a girl were sitting, holding hands and whispering in the fetid lovers' lane. Through the open door of the other half of the car came a noisy argument.

"Yes, I read in a Paris newspaper that all our Soviet state is in revolution. That's how the capitalistic press is lying about us," one man was declaiming in train announcer tones.

"How could you read a Paris newspaper, you, who understand only Russian?" one sceptic demanded.

So the argument continued while the others slept, steady snores signalling that they were undisturbed. Formerly the bunks were three tiers deep, not more than 12 inches between the upper one and the roof of the car. Places are no longer sold for the top boards and they are used for bag-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:50 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

gage of which there is an abundance. To the accompaniment of a final burst of shouting, the train started.

My overcoat was doubled on the bench for a mattress, a metal camera case for a pillow, shoes tied together above my head so they would be there in the morning. The little wooden car swayed like a ship at sea and to the rhythmic click-click-click of a flat wheel, the strident voices and the snores faded into a dreamless slumber.

When I woke in the morning, a "tovarish" in a black shirt who had emerged from a bunk across the aisle was translating the labels on my suitcase for the benefit of a group of comrades to whom Roman letters were a mystery.

"Have you been in Vienna?" he inquired in German, proving that his black beard was racial. All Jews in Russia can speak German. I admitted that the label came from Vienna. My neighbor informed me that the train was late, which was to be expected. He agreed to watch the baggage. We were at a station. I took a towel from my overcoat pocket and went to the creek to wash.

Once Valerian Ossinsky, born Obolensky, returned from the United States to spill a lot of

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:51 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

chatter and publish a book proving that almost everything was wrong on that side of the ocean, trains especially never being on time. Ossinsky is head of the government statistical bureau and on his knowledge of facts the government bases its annual estimates. He says Russian trains are always on time. This one was due at Altaisk at 1:50 P.M., 34 miles from Novosibirsk, at an average speed of 13 miles an hour. It reached Biisk at 2 A.M., 226 miles from Novosibirsk, having averaged 10 miles an hour. Such trains ought to be on time—two Siberian ponies and a kerabok could go faster—but they are not. Ossinsky, being an official, probably does not travel in the U.S.S.R as the masses do. As in any bureaucracy, officials travel according to rank, not in accord with the official necessity for the trip. Some always rank a sleeper, others only a "hard" car, and that only if they can get it.

Every station has an open-air buffet. Lines of peasant women and children, occasionally a man, selling fruits, vegetables and warm food. Piroshki, a handful of hashed meat, or cabbage, in flour dough boiled in grease like a doughnut, is the staple diet where dining cars are lacking. Peasant women bring them in tin pails covered with a

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:51 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

cloth and hand them out in a piece of newspaper or a leaf torn from a book. Four piroshki cost 15 cents at most stations. A whole roast chicken costs the same; two quarts of boiled milk, 7 cents; an apple, 10 cents, for they are luxuries; a pint of raspberries, 7½ cents; an ice-cream wafer, 5 cents; a chunk of roast pork, 10 cents. Food is neither luxurious nor expensive.

"Why don't you train your children not to make so much noise?" the custodian of my baggage was grumbling to the neighboring bench when I returned. He had been trying to sleep. The mother flushed and protested that children must play, gathering the two youngsters to her side. The father rolled over on his side and grunted a reply. The children started to cry and the din was worse. The train rattled into motion again.

"Once I was on a train going to Semipalatinsk and stopped and the engineer got off and chased a cow off the track," the little weazen old man with straggly whiskers was explaining. A red sun was dropping towards the horizon and after four hours' wait at Altaisk, our little wooden car with its flat wheel was again clumping along. The old man had discovered that the lanky young man on

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:51 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-24 07:51 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

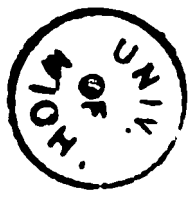
Digitized by Google

-- The Lunch-Counter at a Siberian Railway Station --

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:51 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

the adjoining bench was a railroad employee riding on a pass and the story was for his benefit. The train was late, unable to keep up its schedule of 10 miles an hour, and even the patient Russian passengers were fretful.

"Then we started again and it must have been an hour later when the train stopped and everybody got out and the engineer was chasing a cow—and it was the same cow!" the old man concluded, guffawing heartily. Everybody laughed except the lanky young man. He seemed to take it personally. It was a good story in the United States 40 years ago, now dressed up in an out-of-the-way corner of Siberia as a local masterpiece. However, it was not much older than some of the American movies being shown in the village log theaters, John Bunny still bringing laughs.

An apple core caught the annoyed young man square in the ear and his frayed temper boiled. He was returning from his vacation as amiable as a policeman without his morning coffee.

"Who threw that?" he demanded of another young man, lolling half dressed on an upper bench and grinning cheerfully. I was nearer but unsuspected. The grin persisted. The outraged youth

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:52 GMT / https://hdl.handle.net/2027/umn.31951002047404B
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

was on his feet and the remarks, though familiar, are not used in polite society. He made a pass at the upper bench, a comical combination of poke and slap, and fell short. The distance was too great. The aggressor tumbled out of his berth to the floor swinging his arms wildly. Another fight in a "hard" car was on. They are frequent, over places, missing boots, fancied and real insults, and from general annoyance at the accommodations. Striking a man is severely prohibited by law in Soviet Russia. Even a burglar or pickpocket must not be used roughly. A policeman must be called, by which time he is gone. However, this law is not observed any more than are most others.

The two young men were going to it in the narrow aisle like a "Follies of 1909" prizefight, too busy even to talk, which in Russia indicates the extreme in attention to the job in hand. The mother hastily herded her two children into a corner. The old man whose story had brought such an unexpected climax clambered onto a top-side bench. It was a great opportunity for the Nepman who had sat up all night talking to his girl, and an encircling arm was around her corsetless waist and her head was on his shoulder. Men crowded in from

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:52 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

the other half of the car, shouting advice or encouragement. A fat woman awoke, stuck her head out of the only open window, screaming "Con-dook-torr! Tovarish, Con-dook-torr!" Even the flat wheel could not be heard.

As a fight, from my upper ring-side seat, it was not worth 10 cents, except as a substitute for movies, radio and similar entertainment which other trains may provide to beguile the monotony of crossing the American continent. The arms waving like flails never got in far enough for even a hug. One wore the usual high leather boots. The other had relieved himself of those sweatboxes, not expecting any activity, as well as of the cloths which are wrapped around feet in place of socks, and was barefoot. A boot came down on the bare toes. A howl of pain followed. Just then the conductor arrived, brandishing a rusty ticket punch, his badge of authority, dressed in black Tolstoiva smock and booted like any passenger. Back of him was the train policeman in resplendent uniform.

The policeman was good-natured. Nobody was arrested for the flagrant violation of the law, but half an hour of discussion by everybody within hearing distance, and some beyond, was necessary.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:52 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

My Jew friend got out a worn deck of cards and, using the end of a wooden valise for a table, started a game of sixty-six with his neighbor. The Nepman and his girl were inveigled into a hand. The table was enlarged with a pillow. The girl was more interested in my ring than in her game. Perhaps the Nepman would buy her one. The game broke up. Later her father and mother were waiting at Biisk and she left with a non-committal "Do svee-danya" to her hand-holding friend. It's well to negotiate for jewelry in advance of the trip.

The two gladiators stretched out on the benches and dozed off. Others were munching food, tossing the scraps of rinds and papers out of the windows. The children were querulous, for it had been a hard ride. As the sun disappeared the air grew cold as on the desert. If love lasts only until the sands grow cold, it disappears with each moon. Here and there in the broad unfenced fields on either side of the track, a few belated peasants were swinging scythes. Once a mowing machine was seen. Most of them were walking home. A barefoot woman picked up a baby playing with a dog at the side of a shock of wheat, followed along the path by other women with rakes and

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:52 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

scythes over their shoulders. Men and boys were riding the horses. A wagon with its family load of harvest hands, the invariable dog trotting behind, was silhouetted in the distance.

The train makes another of the interminable stops which always mean half an hour for lunch. The piroshki are warm and savory. Tea kettles are filled at the hot-water tank, the most important part of a Russian railway station equipment. The train rattles on again. The conductor comes in with a pocketful of candle stubs and the lights are turned on. Every window is closed. With the aroma of tea, fried grease, bootless feet and the accompaniment of snores and grunts, the flat wheel again lulls the car to sleep.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:52 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER IV

OVER THE STEPPES IN A KERABOK

WHILE Oolala, the name of the capital of the Oyrot autonomous district, embracing the Russian portion of the Altai mountains, may suggest a Parisian café chantant, it does not mean that at all. It is probably the only world capital with such a musical-comedy name but to those who live in the district their name for the capital does not suggest anything amusing or musical. Nor is the fact that Oyrots live in yoorts caused by an economy of letters. It just happened so when their language, practically unknown, was transformed into English. Etymologists may be able to explain why.

In the native vernacular, it is quite a sober name, "oo-l-l" meaning "the horse drivers' stand," a place where the drivers waited in the old Mongol days to take officials through the mountains. The Oyrot district lies along the border of Mongolia. The used and much worn "Chouisky tract," or road along

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:53 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020477018
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

the Choui river, still stretches from Biisk in Siberia to Kobdo in Outer Mongolia, again a growing center of Muscovite political influence and trade.

The 95 versts of what is called road, about 64 miles, from Biisk to Oolala, are all that the latter name implies. It is not surprising that the old Oyrot horse drivers waited for the official to come instead of going after him. The road is a path winding across plains and skirting hills, deep in mud after rains and equally deep in dust a few days later. Our yamshek, an izvostchek in a Russian city or a cabby in any other land, said he could make it in 8 hours. He did not. Any other outfit than two Siberian ponies and a kerabok could not have made it in a day. The ponies seldom slackened their trot, galloping down every rock-strewn hill through the entire 64 miles.

The kerabok is indigenous to Siberia. Its center piece is a big, low-sided basket woven with willow twigs with the bark on. This is tied with birch thongs to two birch saplings connecting the two axles. The saplings give whatever spring there may be to the contrivance. The basket is filled with hay serving as cushion for the two passengers during the day and fodder for the ponies at night.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:53 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

It is replenished each morning from some peasant's field provided he is not in sight. The basket is higher in back than in front and baggage is lashed onto the axle over the rear wheels. The conveyance is light and with two ponies and a couple of jingling bells, or a troika of three ponies, covers an incredible amount of ground in a day. After the traveller becomes accustomed to scraping his back on the willow edge, to the bumps every few feet and to sitting with legs stretched straight in front, travel is endurable.

"Do you have such roads in America?" the yamshek inquired after a couple of hours of alternate bumping over rocks and pulling through mud. I admitted that there might be some but added that an automobile could go 3,000 miles across the United States on concrete roads.

"Why is America so far ahead of Russia which is so much older?" a yamshek's idea of a nation's culture and development being measured by the condition of its roads.

"Had a czar too long," I suggested. He shook his head doubtfully. Taxes are higher now than under the czar.

"Could an automobile go over this road?"

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:53 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-24 07:53 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

-- The Main Street of Oolala is the Municipal Morass --

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:54 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Even one with tree climbing ability could not.

"We've one automobile in Biisk," he continued, much above the usual quota for a Russian town of 60,000 population, "but only officials use it and it never has been to Oolala."

If it ever does there will not be enough left of it to run a sewing machine. Our yamshek had offered his services for the trip to Oolala for 30 roubles ($15).

"That's his price," said my interpreter, who has the Occidental idea that it is not becoming for a gentleman to haggle over money. I had no such scruples. We got him for 25 roubles; with every mile, from the streets of Biisk with soupy mud over the hubs to the equally sloppy ones of Oolala, it seemed more of a bargain.

After the Ob was crossed at Biisk on a barge ferry, towed by a tug, and the top of the hill on the opposite bank reached past a long series of waiting carts loaded with casks of butter, the crest of Bubudan mountain could be seen. Oolala was behind its farther base on the Maima. Boys were at the gates of the high fences gathering kopeks from drivers too lazy to get down. Some of the fences enclosing the grazing land of each village

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:54 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

are 5 miles from the houses, and the peasants' fields are beyond. When the spring planting is on, the peasant takes his family and camps on the field until the sowing is finished. It was harvest season and most of the villages were deserted, except for children and aged and the officials who reap without sowing.

The yamshek knew a woman at Srostki, the second of the log villages we passed. Within two hours after we stopped, she got the samovar going, which provided enough boiled eggs and tea for three for 50 cents. At least 5,000 flies shared the meal. She sat and grumbled as we ate and fought flies. She never swatted one. She had less land than in "peace times," as the days before the revolution are called, but taxes were higher. How many dessatines she had, she did not know, possibly 100, fairly large considering that 2½ is the amount allowed to an individual by the government in west Russia.

Loud and continuous shouting awoke the ferryman on the opposite shore and the Zartoonik was crossed. More bumping through the mud and holes and a youth on horseback was overtaken. After

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

silently riding abreast of us for a couple of miles, he found speech.

"What's the price of wheat in Biisk?" he asked.

"Don't know, my horses eat oats," the yamshek sprang a city joke.

"What's a horse worth here?"

"Forty-five dollars."

"They're worth more here, sold one last week, but a cow's worth only $17.50."

Shugunlok straggled along the river bank for a mile. The youth dug his heels into his horse and prepared to turn off on a muddy path.

"Can't get any sacks for our oats and everybody's worried," was his parting bit of world news.

Our yamshek spied a trotting farm wagon ahead and grunted to his still lively ponies. In Siberia a sound between a sigh and a grunt starts a horse and a clucking trill stops it. We lurched and plunged down the steep hill and clattered onto the ferry across the swift Katuna. Ferries are propelled by gravity, attached by a rope and pulley to a wire cable anchored across the river, the current driving them in either direction according to the angle of a long rudder. Four wagons were at

Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

different angles but we wedged in. The peasant we had just passed brought his horses up short on the bank.

"Move over and let me aboard," he shouted. The other peasants merely looked but made no move.

"I'll have to wait an hour," he protested.

"You've an empty wagon and have lots of time," one of them retorted. There was plenty of room on the ferry and moving the wagons would have been easy.

"You're an old man, so what's your hurry?" another of the younger peasants laughed.

Brotherly love, or cooperation, is not a national trait in Russia, least of all among the peasants. It is little better in the cities. Not that the Russian wants to impose on others but he believes in taking care of himself first. The new social order will have a difficult time changing that habit, cultivated for ages. The old peasant, his chances of getting aboard gone, changed his tone.

"You're a pretty boy, that's why they take you," he taunted our driver. The yamshek grinned, dipped a pail in the river, took a drink and gave the rest to his ponies. No beauty winners were aboard. The local Charon leisurely cast off. The

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

stretch of water widened between us and an angry peasant on the shore, standing legs apart, fists on his hips and bushy red beard glowing in the setting sun.

Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER V

OYROTS OF OOLALA

"PAJALUISTA! pajaluista!" the president of the Oyrot autonomous district insisted when I protested against taking his bed for the night. His persistent "Please! Please!" won the argument, for there was no other bed, nor vacant room, in Oolala that evening. He had just returned from a vain search for the family which was supposed to have the only extra room in the town. The village telephone would not work. The family was out in the mountains and this capital has no hotel, nor have any other towns or villages in the Altai part of the world. The president took a pillow and blanket and slept in the open wagon shed. I did not know he was going to do that or I would not have taken the only bed in the house even though Oyrots are proud of their hospitality. I was already broken in to sleeping on a board.

"An Oyrot is very hospitable," the president later explained, not referring to his own act. "When

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020747048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

a stranger comes, he greets him, squats on his heels and sings a song to him. Then the visitor sings a song and the yoort, or tent of birch barley, is his home for as long as he wants to stay. Every Oyrot has his own songs, which he composes himself. According to whether he is cheerful or sad, lazy or energetic, he has a different song, comparing himself to the clouds, sunshine, rain or thunder."

The president did not sing, nor did I, possibly because we were in a log house instead of in a yoort. However, we sat up until 2 o'clock in the morning, which after 12 hours' jolting ride in a kerabok and two nights of hectic sleep was fairly good evidence that Ivan Savelivitch Ala Guze, president of this almost unheard-of domain in the wild Altai mountains, was an interesting conversationalist.

Darkness had come as our willow-basket wagon lurched up the narrow valley towards Oolala. The yamshek insisted that the town was right ahead, but the yamshek's estimates of time and distance always are optimistic. He had promised to make the 12 hours' journey in 8.

"Ho! the lights!" he exclaimed, for Oolala is the pride of the Altai, the only town south of Biisk

Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

with electric lights. Also they run all night, while in Biisk they stop at 2 A.M., as I had learned in the muddy one-hour drive from station to hotel, trains always arriving when the night is worst.

The flicker of light was a window of an isolated log house with a kerosene lamp. But the road was getting muddier and the kerabok sinking deeper, sure sign that a settlement was approaching. Another mile of darkness and an incandescent bulb was discovered modestly glowing behind a pole. The kerabok was dropping into the Siberian soup up to the hubs and emerging with terrifying jerks. On the dim sides of the elongated municipal pond called a street, an occasional pedestrian was picking his way along a narrow plank. We were in town.

"How do they cross this street?" I inquired. It recalled Pontanezon, the notorious American embarcation camp at Brest.

"Oh, they fall in but they don't get drowned," was the reassuring explanation.

We zigzagged to the president's house as if the duty of presidents of republics always was to find lodgings for strangers. Citizens along the shores answered our hails and shouted directions. En-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:55 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Ivan Savelivitch Ala Guze, President of the Oyrot Autonomous District, at the Door of the Executive Mansion in Oolala.

Generated on 2022-06-24 07:56 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:56 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

trance was by the rear door. The days of palaces are gone. President Ala Guze was standing in the general utility dining and official reception room. Every available chair and much of the standing space were occupied by members of the family and mountain citizens who had come to consult him on the loss of a cow, the price of wheat, weddings and other affairs of state.

He was a short, stocky man with a curly, sandy moustache and close-cropped head. The high cheek bones and eyes showed the Mongol blood of the Oyrot but the white skin indicated a trace of Russian. He beamed all over as we entered. There was no doubt of a welcome. He was the first official who did not start the conversation by asking for documents. Could he find us a place to sleep? Surely, come right in and sit down, or perhaps we would rather go to the restaurant and eat and he would have the place when we returned.

He came out and opened the gate and the team was driven into the yard. Oolala has two restaurants. One was in the House of the Peasants where travellers who qualify as peasants can pass the night for 5 cents. It was closed. The yamshek slept there and the next morning reported that it was over-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:56 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

crowded with peasants and other livelier lodgers. The other was in the "Sad," or summer garden, reached by careful navigation of a string of planks. It was in the rear of a big, barnlike, whitewashed movie theater. A one-armed maître d'hôtel, muddy boots, belted smock and ragged cap, announced the menu as cutlets rublioni, potatoes and tea. Cutlets rublioni are the genus Hamburger steak. The summer garden was closing that night for the season and nothing was going to waste.

When we returned, President Ala Guze had not located a room but he had disposed of the waiting citizenry. An electric reading lamp was on the table. More tea was served.

Back in the fastnesses of the Altai where the superstitious mountain Oyrots still feared the incantations of the shaman, the electric lights of Oolala were the final straw which broke the power of these hereditary priests. Stories of lights in Oolala which burned through the night without fire, smoke or heat filtered into the mountains. The shaman, for a tithe would appease demons of mountain water and air, but he could not conjure a light which caused dead bare poles to make the night

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:56 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

as bright as day. The wise men poopooed the story and stuck to the mountains.

One aged chief, hoping to see the new wonder before he died, mounted his horse and came through the passes of the Altai, vowing to sacrifice fifty pure sorrel horses if it was true, or to disinherit the son who had brought the tale, of a herd of 1,000 if it proved false. He saw the miracle and returned to his village of yoorts. After that there were no doubts of the magic or might of the Soviet state. For at least a year, the mountaineers even were afraid to shoot at a tax collector.

"Before the revolution the 40,000 people in our Oyrot country had one hospital with a doctor and two nurses," said the president. "Now there are eleven hospitals with 91 doctors and nurses; most of the latter are Oyrot girls. They are badly needed, for the Oyrots, living in yoorts, are dirty and easy victims of epidemics, trachoma, rheumatism and disease. We spent $250,000 for health and $125,000 for education this year. The peasants paid only $57,000 taxes and private merchants paid $50,000. Our 70 per cent deficit is made up by the all-union government.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:56 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

"Before the revolution only one Oyrot had ever completed the university courses in St. Petersburg and Paris. He is a physician in Novosibirsk to-day. Now we have 140 children in high schools in west Russia, fifty Oyrot primary schools, and a high school in Oolala and a written language of our own. We started with only four men capable of teaching the Oyrot language, but by training teachers for a year and sending them to school in summer, we are getting a staff. Pupils come more than 100 miles to school and we furnish each one with a place to live, and with food, clothing and books. The cost of education for these reasons is higher here than in any other part of Siberia, but we are giving it to our children and in 5 years the results will show. Government employees and merchants in Oolala are personally supporting eight teachers."

Native life in the Altai is much like that in the mountain provinces of the Philippines without the balmy weather. President Ala Guze said that when he was a boy only sons of rich Oyrots could secure an education, then only in church schools and for the priesthood. He was educated to be a priest. Instead he became a Communist.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:57 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Ala Guze, talking and drawing imaginary figures with a stubby forefinger on the tablecloth as we sat in the modest bedroom and audience chamber of the presidential mansion, explained that he had worked for 15 years on a history of his people. He had entrusted the manuscript to a friend to read and now had forgotten to whom he had lent it. With a fine confidence, he expected the friend to return it, though the borrowing limit was long overdue. He would then complete his magnum opus.

The book borrowing pest is not numerous in the Altai mountains as only two books have ever been written about the Oyrots, and until after the revolution they did not have a written language of their own. Then four Roman letters, representing distinctively Oyrot sounds, were added to the present Russian alphabet of thirty-one letters and the Oyrots started to read and write. They now have fourteen books, mostly textbooks and books on Communist party politics, but there is only one copy of Ivan Savelivitch's history, which probably would be the most interesting of all. Budding civilization hopes it has not been used for cigarette paper.

The Oyrots, as their president explained, are

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:57 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Mongols who first arrived in Russia in 1300, apparently after wandering through Turkey and Persia, as traces of those languages are in their speech. They continued through the Caucasus to Finland, where some of them remained, and the others returned to their present abode in the Altai mountains. Part of them came under the power of Russia 200 years ago. Habits are little changed, though they have been adjusted to the rigorous winters and the high altitudes which are cool even in summer. Few other people have penetrated the Altai, much of it is unexplored and the undomesticated Oyrot is a seasonal nomad. Only this year the president discovered a village of 2,000 in his district whose existence was unknown. It had moved bodily across the frontier from Mongolia. Oyrots are not troubled with passports or visas.

The Oyrot family lives in a yoort. Even those who have come out of the mountains to the mixed Russian and Oyrot villages and learn habits of cleanliness, stick to their yoort back of the house in summer and keep the log house for winter. A yoort resembles an Indian tepee built of birch or pine bark. Straight trimmed saplings are stacked in a circle, covered with pieces of bark, and more

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:57 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

saplings placed on the outside to hold them in place. The top is open for smoke and rain. A fire burns in the center and the family sleeps in the smoke and vermin-filled interior.

A tribe will have four yoort villages, moving from one to the other each season. Marriage out of the tribe or even out of the family is forbidden. Families are almost as large as tribes and it is not difficult to find a bride of the same name. Marriages come early, frequently at 10 or 11 years, and a family is started when the mother is 12. They are a vivacious, amiable people, though with little worry about laws, young and old greeting strangers with a smile in striking contrast to the glum, sullen-faced Russians of the district who frequently will not even answer a question.

Wealth always was measured by livestock and even the Oyrot who has come to the borderland of civilization cares more for his horses and herds than for his fields. The czar government paid little attention to them and Communist laws have not done much more. Many Oyrots have from 1,000 to 2,500 cattle and hundreds of dessatines of grazing land, though 10½ dessatines is the legal limit. However, the livestock and acres of 50 per cent of

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:58 GMT / https://hdl.handle.net/2027/umn.31951002047048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

the Oyrots are limited to fleas and dirt. They dig gold, make honey, trap for furs and fish, but mostly raise cattle in the mountains.

An autonomous district has the right to modify state decrees to suit local customs. It does not have its own council and soviet as would an autonomous republic in one of the six constituent republics of the Union.

The word "oyrot" means "union" in the native language, coming from a treaty which four tribes signed in distant centuries against the Mongol empire. In reply, the Mongols practically destroyed them, but the name as well as the religion and customs remained to the survivors. Practically all are baptized Christians, most of them many times, as the church formerly presented a new shirt with each baptism. As the shirts wore out, and the supply is now entirely exhausted, they returned to the sacrifices and feasts of flesh, a shirt always being necessary for Oyrot Christianity.

Their native religion is Shamanism, with a modification which is known as Burkhanism, imported from Mongolia to cover their plottings against the Russian empire in 1904. In the first, the priest is a

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:58 GMT / https://hdl.handle.net/2027/umn.31951002047448
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Kam, and in the second, a Yarluk. One offers sacrifices of live animals—horses, cows and sheep—and the other only fruit, milk, butter and an occasional cow to the two gods: Ollgan for good and Erlich for bad. As a sacrifice means that the village eats the offering and a live duplicate is presented to the priest, the Burkhanists are largely vegetarians. The priest is also a medicine man and sacrifices are recommended, usually with success, whenever business is not good or an Oyrot is ill.

"What happens to the patient?" I asked the president.

"He usually dies; the shaman merely talks and eats, sings a song which he learned when a boy. They are a special tribe who are crazy, none of them able to read or write, and taught the incantations by their fathers or mothers who are shamans."

"What excuse does the shaman give?"

"That not enough has been sacrificed to the gods, that they still are hungry. Frequently a rich Oyrot will sacrifice fifty horses, giving as many to the shaman, and the village will stuff itself for days."

A horse is worth $17.50, before the war $10,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:59 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

and, being the most valuable livestock, is the preferred sacrifice. The sacrificial animal must be all of one color. The duplicate gift need not be. The ceremony is extremely brutal. A cord is wrapped around the animal's nose and drawn tight until it is weak from suffocation. At a signal from the shaman, the participants pull on ropes tied to the four feet until the legs break and the animal is flattened on the ground. It is then cooked and eaten.

In addition to the two gods of most religions, Shamanism also has a large assortment of the conventional spirits. They are more easily appeased and less expensive. A stone tossed on the growing pile on the top of a hill as a card of thanks to the mountain spirit for permitting the traveller to get that far, a piece of cloth tied to a twig and fluttering in the breeze, a trinket thrown in the river or mountain torrent, and similar slight attentions suffice for these spirits.

"The Oyrots are giving up these old customs without any pressure from the government," said the president. "Some months ago several young men accused a shaman of faking and in the argument which followed he was killed. They had been

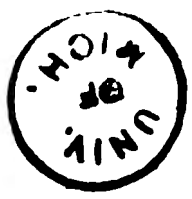
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:59 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

—Oyrot Shaman and His Son, Who Wears Anklets to Keep the Earth-Devils From Getting Any Higher—

Generated on 2022-06-24 08:00 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 08:00 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

drinking samagon, doubly violating the laws, but it shows a changed public opinion from the old belief that anybody who laughed at or touched a shaman would be struck dead."

Generated on 2022-06-24 00:01 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER VI

UNKNOWN AMERICA

MY yamshek was a cheerful citizen, never complaining about either his ponies or himself being tired, willing to stop or go at any time and always smiling, but he did not get a hearty laugh until after we left Oolala. He said it was the funniest thing he had ever seen on that road and he had been driving over it since he was 6 years old, except when he was in the army. As there was no road, merely a crisscross of tracks over fields and wheel-scraped boulders on the sides of hills, possibly he was truthful.

We were lurching down the side of a hill gathering speed with each boulder. Siberian ponies have a single rule for hills—run madly on the second half whether going up or down and regardless of the length. This was the second half of a long hill, going down, and the accumulated speed left no chance to stop before the bottom. Suddenly the kerabok lunged over a vicious boulder, the basket

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:01 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

sagged on the offside, my companion promptly rolled out and seemed to hang by an ear on the steep embankment, the rim of a wheel with a few spokes hurdled him, gathering momentum as it took the bumps until it jumped a creek and brought up flat against a tree on the opposite bank, a quarter of a mile below.

"Haw, haw, haw!" howled the yamshek, who had kept his seat, doubling up and down like a fat rubber doll. If the young man, ruefully trying to brush dust from his knees and rub his ear at the same time, had only followed the wheel, the joke would have been complete though he might not have rolled so far or broken into so many pieces.

"But your wheel," I protested, expecting a cabby's pangs of loss.

"Nietchevo, nietchevo! Haw, haw, haw!" he bellowed, starting to stand and then falling back on his seat to roar.

Why a man 40 miles from his destination and with only three wheels to his cart should shout "All right, all right!" and laugh uproariously, only a yamshek knows. He looked at the distant rim and had another spasm. The sun was setting and we were only halfway down a four-mile hill. He

Generated on 2022-06-24 08:01 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

slowly got down and looked at the hub with a few remaining spokes.

"Put a sapling under the axle and get to the next village," I suggested.

"Nietchevo, nietchevo!" with a careless wave of the hand. "I haven't any knife to cut a tree."

He gave the yamshek's grunt and the horses started, hub dragging and shedding another spoke with each bump. I walked to Perspektill, the next village. It was at the bottom of the hill. The yamshek still was laughing when he dragged in. I had stopped at the first house to talk with a fat Oyrot peasant who shouted loud enough to be heard at the other end of the village. He had a deaf son-in-law, and his voice was permanently adjusted to a one-mile radius. The Oyrot would loan his kerabok for 4 roubles ($2) and keep the three-wheeled one for security. Then he had a better business idea. He became afraid to loan his willow-basket wagon but he would take us to our destination for 8 roubles. Our yamshek could follow when he acquired his full quota of wheels. The yamshek left his kerabok and went to the village to look for a wheel.

"Where is your home?" the Oyrot asked.

Generated on 2022-06-24 08:02 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"America," I replied.

"Is that part of Russia?"

"No, farther than that, across the ocean." He had never been farther from home than Oolala or seen anything wetter than the Katuna river, and knew nothing about oceans. He repeated the name.

"America, oh, yes, that's where the czar is now," he suddenly recalled. Most of the Russians in the Altai, as well as the Oyrots, believe that Nicholas II is alive and in the United States. Others had asked if I had met him before I left.

"How many crops of wheat do you get there in a year?" he inquired, getting down to business.

"One."

"Humph, same's here," losing interest. "Will you have a drink of sour horse-milk?"

After walking 10 miles in the sun, I would. His wife, with a face of a thousand wrinkles, smoking a long brass-bound pipe, her hands covered with flour, had come out of the log house as I entered the yard. Smoke was rising from the peaked top of the yoort but she was baking on the house's brick oven. The house was clean inside, not the yoort. Following her was their 12-year-old son and after him his equally "aged" wife carrying a baby. A

Generated on 2022-06-24 08:03 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

clean little almond-eyed boy brought two glasses of the milk. In other places it has a fancy name but the taste is the same. The deaf son-in-law came in from the field with the horses and more women of the family with rakes and scythes.

"Did you find that pipe in the road?" the old lady inquired, referring to my American corncob.

"How'll you trade?" I proposed. She took it, chuckling heartily, her face crackling like cloisonné. It was passed around. Fortunately none attempted to smoke it. Such a pipe was new. Corn is not grown there.

"That's a man's pipe, mine's a woman's," was her verdict.

"You fill it to the top, that's the right way, the way a Tartar smokes," the old man commented. "Never smoke cigarettes, they give you consumption."

He took my snipper tobacco pouch, opened and closed it. So did each of the others.

"I don't understand, very mysterious," he said. "Get some more milk."

The old lady wanted to start the samovar for tea. The yamshek was back. He could not find a wheel or a store in the village. The tea was declined

Generated on 2022-06-24 08:03 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

and I took the old Oyrot's offer. The son-in-law drove through the dark. His eyes were good though his ears might be bad. He was a strong son-in-law on the front seat, even in the open air. Oyrots bathe by choice only when they get caught in the rain. It was a chill ride under the changing moonlight and shadows of the scudding clouds. Two singing travellers with a yamshek who added a vodka tenor, dropped behind at the first village. On one side, the Katuna was a silver sheet and on the other, hills and dark clouds met. Once a flicker of red in the distance where teamsters were camping, again a wolf slinking across the road, then the faint echo of a barking dog, but all else the lonesomeness of Siberia. Chamal was a scattering of black cubes, not a flicker of light showing. We pounded on a door and though after midnight a woman opened it. She lit a candle and took us to a bare room. An odor of carbolic acid from the last tenant stuck around, antidote to the youthful Oyrot daddy. I gave him his 8 roubles. He took my word for it, not able to read even a 3 or a 5, got a drink of water and was off on his long lonesome drive back. I opened the window and was asleep.

The next afternoon my yamshek arrived on

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:03 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

all four wheels. The old Oyrot and all the little Oyrots had entertained him through the night at a sour horse-milk party in the family yoort, only this had been distilled until it had a kick like a mustang. As daylight broke, the old Oyrot had traded him a second-hand wheel which originally cost 2 roubles, for 4 roubles cash, the two iron steps off his kerabok, a water bottle and a canvas slicker. He also lost his whip. An Oyrot can be a business-man without knowing geography or where America is.

"What's that?" the girl driving a Siberian cart into Chamal had shouted when she heard the click of my camera.

"It's a new kind of shooting machine," explained her more sophisticated father, her companion on the jolting cart. As it had been pointed right at her and nobody had been hit she may have doubted the explanation as Chamal citizens are familiar with the effect of firearms. Chamal is as far as the ways of civilization penetrate the Oyrot Autonomous District in the Altai mountains. Oolala, its capital, is 64 miles from Biisk, the nearest railroad station, and Chamal is 44 miles beyond Oolala. The last telegraph office, the last post office which is reached

Generated on 2022-06-24 08:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

by a daily kerabok drawn by two ponies, and the last store fairly well stocked with a few bolts of cotton goods, a barrel of axle grease and another of kerosene and a limited assortment of kitchen utensils, are here.

Rifles are numerous in the Altai. Every home of sufficient affluence has one, ostensibly either for hunting in the mountains or protection against wolves on the plains around their base. How many hundred are buried for future use is not said. Outlawry was not suppressed until 1924, when a general amnesty was proclaimed. Until then the mountains were full of armed bands, calling themselves revolutionaries and called bandits by the government. Six of them on a rocky pass of the Katuna river held the Red forces through one winter and in the spring 400 Red soldiers were drowned in the same turbulent river during a fight at Belobom, 100 versts from Chamal.

Fighting was expensive and uncertain and the government offered a pardon to all who would surrender their arms. Their leader, a former Russian officer, Kijorodov, had been accidentally killed and an Oyrot, now a yamshek driving travellers on the Chuisky road, was in command. He and a lieu-

Generated on 2022-06-24 08:05 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

tenant came to Oolala to talk things over with the authorities. When they found that they were not arrested, they returned and their followers came in. That is, about 600 rifles were surrendered, leaving to guess how many more rifles as well as machine guns are hidden away.

A professor from Tomsk University with his brother arrived in Chamal, the same day as I. He was returning from his tenth summer expedition to Beluka mountain, 15,990 feet high, the highest peak of the Russian Altai. He started in 1912. Each year he camps at the base and whenever the weather looks favorable makes the two days' climb to the top in the hope of getting a photograph of the range. Each time in all these years he has met with disappointment, the peak always becoming enveloped in a blizzard or fogs obscuring the neighboring range by the time he arrived. However, he is persisting and plans to return next year. He is only 30. That photograph will be valuable if taken.

"Just across Kristova, I travelled for two days without seeing a human being, only wild goats and sheep and less gentle animals," he said, referring to the undersized mountain with the imposing name of Holy Cross which overhangs Chamal.

Generated on 2022-06-24 08:05 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"One year on the Mongolia side of the Altai I travelled for two weeks without seeing a man. However, most of the valleys have villages of Oyrot yoorts, too full of dirt and vermin for anybody except an Oyrot to live in."

Trapping for ermine, squirrel and fox is the chief mountain industry. In October when the furs are best in the first month of winter, the buyers come to Biisk and the mountaineers bring in their pelts. Wools and sheepskins come from the Mongolian side, through the mountains to Biisk and Irkutsk.

Chamal is a straggling village, really two villages on the right bank of the Katuna, but separated by the Chamal river, old and new Chamal. The weather-beaten log houses do not give any indication of seniority. The two rivers join through gorges, and a big summer cottage which in "peace times" was a teachers' vacation resort now is a workers' rest house on a bluff looking across the river to the old city. They need a rest after 104 miles of rocky riding from the nearest railroad station.

The omnipresent official is even in Chamal. He was waiting when I returned from a morning in

Generated on 2022-06-24 08:05 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

the pine forest. His tactics were slightly more adroit than the usual blunt demand for documents. He explained that he was a Greek, probably preferring Chamal to a jail in sunny Athens.

"Can you give me the American address of Prof. Lichtman?" he inquired. I could not.

"But he is well known in Siberia as a botanist," the young man insisted.

"What is the condition of the toiling masses in America?" was his next question. That was easier to answer than the address of American villagers.

"Does the American government arrest the Communists?"

That it does not, at least for that reason alone, was another surprise.

"A citizen can belong to any party he wishes in America—it is not an affair of the government!" he exclaimed. "Why, in Greece the government forbids its citizens to belong to the Communist party." He did not mention his adopted country where they are arrested if they belong to any other party.

"What do the American workers think of the English coal miners' strike?" referring to the strug-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 00:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

gle for which the Russian unions had assumed responsibility, even in the distant Altai mountains.

Does the fact that these mountain peasants, apparently so out of touch with the busy outside world of to-day, have a greater interest in the labor situation in England than do the presumably well-informed American workmen, indicate a broader world consciousness in Russia? Or does it indicate that the American workman, more selfish or more sensible, is attending more carefully to his own affairs? Possibly it proves none of these—sympathy, world consciousness and all the vague philosophical slogans are the same in mankind the world over—but that in this particular instance as in others the leaders, for reasons of their own, have decided on a policy and the crowd enthusiastically follows, like the sheep of every country.

"Could I go to America?" the young man inquired. Probably he could if he did not intend to overthrow the government and could get within the immigration quota. He shook his head. The questions are always the same.

He explained the work of the local executive committee of which he was a member, mostly dis-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 00:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

cussions of starting new schools, collecting and assigning peasants' lands—problems with which these novices in government are hopefully grappling, struggling to do their best according to their ideas.

Generated on 2022-06-24 08:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER VII

PREDATORY PREJUDICES

THE start of the racking 104 miles' drive back to Biisk was to be made early the following morning. The yamshek came into the house as I was slaughtering the last cutlet, seated himself on the far side of the room and started a dissertation on the pleasures and prejudices of the wolves and bears who frequent the road. Learned scientists with alphabetical titles after their names and those who have delved into natural history may know about these pests of Siberia, but the yamshek, even at the risk of being a nature faker, insisted that he was a better authority on their predatory psychology, having driven for 30 years over that road where they, if not the most numerous, are the most noted inhabitants. My interest in either being limited to those who have reached the peanut eating stage of "comesticity," I take no sides with professors or yamsheks.

His data on wolves were extensive, they being

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

more numerous. Bears he considered somewhat of a joke. The approved formula for maintaining amicable relations with wolves was:

If a rope is dragged behind the sleigh, the wolves will run along looking at it but will not pass it.

However, if they are very hungry, which they usually are, they don't observe the rules but run ahead of the sleigh and drag down the horses, taking the passengers next and the yamshek last.

In summer, not more than two wolves are seen together and they usually avoid human beings, living on rabbits, other small game or dead animals which they find in the woods.

After they mate during the Christmas holidays, they become gregarious and in January, which is the worst month, run in packs of from ten to twenty.

The packs patrol the roads in the hope of finding a dead horse or cow or to wait for travellers.

When a pack is seen sitting along the road in the snow if it does not lope away at the sound of the bells, the traveller should quietly turn around and go in the other direction. If he does not, the horses will do so anyway as they are deathly afraid of wolves.

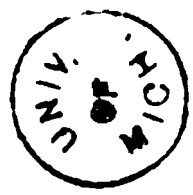
Generated on 2022-06-24 08:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 08:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

—The Bench at the Gate is the Center of Siberia's Social Life—

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIV. OF MICH.

Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

If the traveller shoots at them, the wolves will be annoyed and chase him. Last winter a policeman shot at a pack, the horses ran away, the yamshek and his team escaped but the policeman tumbled out. The wolves, disrespectful of the law, ate the policeman.

Wolves leave bears and pigs alone. They do not eat horses, cattle or sheep, or each other, unless very hungry, merely drinking the blood. A single wolf will kill ten sheep if the shepherd is not around and not eat one of them. A wolf with cubs, however—they always have two—kills a sheep and throws it over her back to carry home to the little ones and give them both lunch and a lesson in sheep killing.

In winter the packs jump the fences into the pasture land around the villages and dash on through the latter, climbing the inner fences into peasants' yards and killing livestock and people. When a pack raids a village, it sounds like a Chinese battle. Never having seen a Chinese battle, not even a Chinese citizen, the yamshek could think of nothing worse.

Wolves are both stupid and cowardly, professors' books to the contrary notwithstanding. They

Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

are afraid of anything that moves. Peasants make flags by tying pieces of cloth on sticks and stake out a circle, the flags 30 feet apart. A side is left open and several hundred peasants will drive a wolf pack through. They quickly close up the opening with flags and the wolves will stay inside, afraid to pass the flapping flags, until soldiers come and shoot them.

The flag traps are not Siberian fiction. Peasants around Moscow use the same method, only instead of inviting soldiers to come and do the shooting, sportsmen from foreign legations are notified that a pack has been rounded up which they may shoot at for a proper fee.

Bears are chiefly interested in stealing honey. There are two easy ways for catching bears.

If the bear is asleep, sneak up and give him a swift kick. At the same time make a big noise and the bear will run, possibly 100 yards, and drop dead, either from fright or excitement, or from overexertion, bears having fatty hearts.

However, the hunter must be sure that it is asleep. If the bear is awake when it is kicked, it will not be surprised but very much alive and annoyed and unreasonable.

Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Another method is to cut a sharp sapling and wait until the bear climbs a tree. Then climb after him poking him with a sharp point. The bear will be scared and keep on climbing straight up, too foolish to know that the tree is getting smaller, until it breaks and he falls. This is the approved method as he may not be dead, only have the wind knocked out, and he can be tied up and sold to a gypsy bear trainer.

"Will we see any of your trick wolves to-morrow?" I asked.

"Probably, because the shepherds say they are already killing sheep and the peasants have seen them hanging around the villages. They're hungry this year but they won't be in packs and are afraid when alone. We'll scare them off."

"Let's stop along the road, build a good fire and sleep in the woods to-morrow night," I suggested.

The yamshek was silent for a few minutes. He was thinking. "The horses would be nervous," he explained. Then he went out and could be heard greasing the wooden axles of the kerabok. He was going to make an early start to make sure that some village would be reached before dark.

Grazdanka Amirsana drew another cup of tea

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

from the samovar and after considerable urging said that she must charge $1 for the two days of hospitality in her Chamal home. As she had been routed out at midnight, provided a private room with a bench to sleep on, furnished abundant food with unlimited supplies of milk and honey, there was no complaint about the price. If only some of the government hotels, with their minimum of service and maximum of price, would do as well!

"This is a good night to gather up some of the dead wood, build a fire and sleep in the forest," I again suggested the next evening when the yamshek started grumbling that it was getting dark and he did not know where the next village was. The last peasant we had passed said it was 15 versts ahead. That was an hour ago and at the rate the two ponies had been humping the kerabok over roots, mud holes and rocks we should have been near it. Peasants' ideas of distance are poetic. One says it is 5 versts to the next village and after an hour of plodding ahead another is met who says it is 8.

"It's too cold to-night," the yamshek objected.

"It's been dry all day and anyway the ground is softer than a board floor. Perhaps we'll have a

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

chance to kick one of those bears you tell about."

I'd never kicked a bear in his native habitat and had no particular desire to, except as a proxy for several deserving acquaintances who were not present.

"We'll find a village," the yamshek declared, cracking his ponies with his latest birch whip. It was all right to talk bravely of kicking bears while inside a log cabin but building a fire and waiting for them, also for wolves who might be hungrier than they ought to be at this time of the year, was another thing.

The ponies started into a trot, down a hill as usual, and the kerabok stopped with a jolt that nearly tossed me over the back. In the dusk we had met a tree stump. Hitting an obstruction never breaks a kerabok. The harness, a medley of straps, strings and wire, comes apart instead. An elastic harness has advantages. The ponies stopped at a trill from the yamshek. He dug more string from under his seat, borrowed my knife and started patching. In half an hour it was dark. A long wail came from the distance. The ponies started but the yamshek jerked them back.

"A wolf," he cheerfully exclaimed.

Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Then came a louder wail. It was only a pickled peasant catching up, singing through the forest at the top of his lungs. We were off on a gallop, leaving stumps to luck, bouncing like a ball over the roots. The yamshek jumped down, opened a gate and closed it without stopping the ponies. We were in a village pasture. A few versts more and the first houses of Sulingen were in sight, all dark and everybody in bed though it was not yet 9 o'clock. The last house in the village had a light. A man was in the yard behind the high fence. The yamshek went in and talked to him.

"We'll stop here," he said, a moment later. "They have an extra room."

An extra room in this case, as in most, meant that the family had a two-room log house. Log houses are either built on the site or bought ready-made, something like a portable house. In the latter, or "sroub," the logs are fitted together in a river village near where they are cut, are marked so they can be fitted again and floated down to the purchaser. He gets a "sroub" without windows, doors or roof, puts it together calking the cracks with moss and mud, saws holes for windows and doors and puts in a floor, ceiling and roof. The big

Generated on 2022-06-24 08:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

brick oven is built inside, a sleeping platform placed under the ceiling and the one-room home is complete. As prosperity, or the family, increases, more houses are added, each meaning an additional room. Our host had reached the two-room stage of prosperity.

After the broiling day, it was cold as we stood muffled up in the yard. The wife had heard the kerabok drive in and knew that it meant strangers for the night. The samovar was steaming before we got into the house. A little girl was groping on the dark sleeping platform, tossing down blankets. The house seemed stifling from the big oven. All the windows were closed. They could not be opened summer or winter, except by being taken out of their frames.

She was a young but energetic housewife, barefooted and with a face prematurely aged by hard work. A red handkerchief had been hastily tied tightly around her sandy hair for visitors. As we entered she greeted her husband with a scolding because he had been late taking the wheat to the mill. He was a big, middle-aged man, a former war prisoner in Germany, and the old service rifle hung on a nail against the wall. Arguing about that flour

Generated on 2022-06-24 08:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

had broken the Sunday monotony. It was on again at 4 o'clock the next morning when the baking started.

They asked how far we had driven that day. The peasant is not unduly inquisitive, not so much as might be expected with the rare visitors who could gossip with him about the outside world. His interests, and his thoughts, are local. Crops were good this year but taxes were high. They were higher then ever before in Siberia. It was the usual plaint of the farmer, little variation from the story in every agricultural country. In Soviet Russia, collection of the new peasant taxes had started for the first time. What will develop is for the future. Every town in the district was filled with soldiers. Possibly there was a connection. This always was one of the richest grain districts of Russia. Taxing of peasants caused difficulties before. This particular peasant had no complaint.

If taxes are unpaid, property is seized and sold. It may be a horse, a cow, house or furniture, according to the delinquent's preferences, providing it is sufficient. One house which was sold for $125 satisfied $35 taxes and $55 court costs and left $35 for the owner. Peasants are reluctant to buy houses,

Generated on 2022-06-24 08:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

apprehensive that the old policy of nationalization which was applied to landlords and lands may ultimately be applied to them. Emigrants from west Russia are the chief purchasers in Siberia.

The little girl curled up on a wool coat in the corner and was asleep. The samovar had started boiling and with a muttered excuse that she was very tired, the wife was beside her and snoring. She did not have any shoes or stockings to bother with and was not worried about wrinkling her soiled cotton dress. We talked—about the war—and drank tea. The peasant looked at the rifle and said it was ready since the wolves were coming early this year, the shepherds had already seen them in the woods. I yawned. It had been a hard day. "Maria!" the peasant called, and she was awake and on her feet as quickly as she had fallen asleep.

She spread a homemade woollen blanket on the floor in the next room. In one corner was a high, fat bed, eight big pillows neatly piled on top. Two were tossed on the floor for me and my companion. Nobody slept in the bed, probably kept for the church patriarch or for Stalin, though they will never come to this village. Shelves covered with a curtain which made a cupboard for dishes and jars

Generated on 2022-06-24 08:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

of honey, green Siberian chests crisscrossed with brass, a table with faded photographs in broken frames, Communist posters, a picture of the Romanoff family and half a dozen ikons on the walls completed the furniture of the spare room. Peasants do not smoke in the room with the ikons. I shut the door between me and the oven, took off my shoes, blew out the little lamp and was asleep.

The busy housewife was taking the steaming round loaves out of the oven with a big wooden shovel when I came out at 6 A.M., looking for the creek to wash. Half a dozen peasants were seated on the floor, backs to the wall and feet straight out. She was telling how her husband was late in taking the wheat to the mill, that the mill was slow in grinding the flour, that the baking was late, etc., etc. They were attentive, for she controlled the samovar. He was in the yard watching the yamshek grease the wooden axles. His own cart was hitched up.

Ten minutes later the tea had been drunk, the meat, potatoes and jam eaten, and we were off. The door was closed, the house empty, the family and its friends who were to help in the field that

Generated on 2022-06-24 08:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 08:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

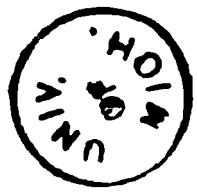
Digitized by Google

—The Peasant Girl for Once Has an Easy Job—

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 08:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

day came through the gate behind us, their legs a fringe over the side of the cart. They nodded a farewell, glum but hospitable. No foreigner had been in that village since the prisoners of war. A peasant's life is dull and full of hard work.

Generated on 2022-06-24 08:11 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER VIII

HOMEBREW DAYS

THE Russian peasant has two diversions—arguing with his wife and getting "nale-emonetzia," meaning "full of lemons" and the Russian equivalent of "pie-eyed." Both are entirely home diversions providing family entertainment. He also has ample time for both. Otherwise life is dull, as the village offers nothing. Sunday is the day for the village illuminations. The arguments fill in odd moments of week days. This was a Sunday.

Pastures were covered with dew and frost when we started at 8 o'clock, unusually early for our leisurely yamshek. Naturally he had forgotten something. We stopped at the first creek and he carried water to each of the ponies in his leather cap, explaining that they preferred a cup and drank too much if their noses got into a stream. We were taking a longer route back, along the Katuna, but that did not bother him.

Generated on 2022-06-24 08:11 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"Two places everybody must walk and one horse must be unhitched as the path along the edge of the mountain is too narrow for both," he explained.

He had been talking to the villagers. Their information on places and distances is toned to suit everybody. No two of them agree. Few of them have ever been 20 miles from their own log cabin. The yamshek had never been over that road before in his 30 years of driving. Neither had I, so I assured him it was a fine road.

"Nietchevo, it's all the same to me," he said.

He was in no hurry. We were at a little clearing, piled with pine logs. Puffing and grunting, he rolled one to the steep bank and sent it bounding into the river. It disappeared at the rate of 10 miles an hour. Forests now are state-owned and the logs are cut by the government. They are floated down the Katuna to be made into rafts or cut into firewood at Biisk or Bernaul and then barged to Novosibirsk or shunted off at local sawmills. Every peasant along the river also helps himself to all he needs, chops the state brand off the end of the log and builds himself a house, showing the utility of government ownership of natural resources.

When we stopped to inquire the way at Ost

Generated on 2022-06-24 08:11 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Moona, the first village, five young horsemen, one playing an accordion and the others singing lustily, dashed up, first signs of the Russian Sabbath. Chapaly, the next village, was sober. Girls in their clean Sunday dresses were playing on a big flat rock, the boys beneath, and the accordion, as usual, was furnishing harmony.

The roads were muddy, winding through swampy forest, mere paths, each driver picking his own way between the trees. Yamsheks consider muddy roads bad because they tire the ponies. Rocky roads and rockier hills which threaten to break the passenger's back are not bad. We passed a village gate and I walked 6 miles at least, from the gate to the first house, through an unending forest of ghostly white birch, graceful marble columns under the sunlit foliage. Birch is as useful to Russia as bamboo to the tropics, except that it does not provide food. Pegged to the side of every log house, braced against the jutting corners, were birch saplings, and ends being curved into sled runners for next winter.

A sign in front of the first log cabin told any travellers who might come that way that Kerjaly was a village of 10 houses. A woman inside, ap-

Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

parently the only person at home in the village, said she could give us something to eat. The house was dirty and the yard outside even more so, with pigs wallowing in the mud at the steps, a dog and several equally muddy children running in and out. The big brick oven was hot and she explained she would cook some meat and soon have the samovar going for tea and boiled eggs. The smell of the drying hops which covered the top of the oven filled the hot room. We sat on the front steps. In west Russia, peasant families sleep on the oven. In Siberia they have, at the side of the oven, not more than 18 inches from the ceiling, a sleeping platform onto which they crawl, stifling in summer or winter.

"Where's everybody?" I asked.

"That's them," she answered as echoes of song and laughter came from a cluster of trees on the hillside above the village. There lurched out of the lane from the grove into the main road, a middle-aged, barefoot woman in a short red skirt, swinging a pail, singing and shuffling a few unsteady dance steps in the dusty road. The samovar was steaming and required no further coaxing. Our hostess disappeared towards the barn.

Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"I made eight vedro [buckets] yesterday," she explained, returning with a washbasin of peasant beer, concocted from rye and hops. "One bucket is all that is left. The village helped in our fields this week and I furnished the beer for Sunday. I didn't go myself on account of the new baby. It'll be the fifth."

The brew was far from sparkling, but its taste was satisfying and its potency more so. The government liquor monopoly does not worry the peasant. He makes his own, cheaper and better than the government can. Needing the revenue, the government plasters the villages with posters telling that samogon, the homemade brew, is dangerous. The peasant only laughs and makes another barrel—Sunday comes every week.

Three other motherly sisters of the homebrew sorority emerged from the lane and joined the singer with the pail. Their arrival changed her pæan of joy into a wail of woe. They patted her on the back, shouted consolation and attempted to sing, but the pail was empty and she squatted on a smooth log in front of the house and yowled until the hillsides trembled.

Our barefoot hostess left her cooking and came

Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

out on the porch. She doubled her fists on her flat hips and watched the scene. As the wails of anguish increased—and a Russian peasant woman has no peer as a howler—the corners of her tired thin lips dropped into a smile. It did not seem sympathetic.

"That's my beer crying," she finally burst out. The smile was only that of a conscientious housewife's honest pride in the excellence of her brew. No cook could have a better tribute, no queen be prouder of her feast. She trudged to the barn again and brought us another brimming basin, a thumb inside washed by the floating hops of the cloudy brew. But she continued to smile, its merit had been proved.

Several bewhiskered husbands emerged from the lane and the party disappeared into a house down the road. The wailing ceased and yodeling started. Still one more pail to go. We ate our eggs and meat —she had canvassed the village and collected one spoon and three forks—sweetened the tea with honey, as peasants do not have sugar, and noticed neither flies nor dirt.

Until he goes abroad or south of the Rio Grande, an American never realizes the germ craze of our

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

otherwise sane and practical country. He has been stampeded by the jargon of sanitary advertisers until in every handclasp, towel, loaf of bread, bottle of milk, drinking cup or other prosaic thing he sees a nightmare of germs attacking him, the only germ-free man in a wicked world. The germ complex has affected the national mentality until the American trembles with fear that he may be contaminated by new ideas, naughty art, world politics or even nature.

Our hostess was satisfied with 50 cents, beer and flies free. The little girl who had directed us to the house was waiting in the road. Would I take a photograph of her and her friend? They were snapped and all the village, only the very young being able to navigate, ran up to assist and offer advice. The little girl carefully spelled out her name, proudly picking each letter.

"I'll go to the post office every day until our picture comes," she promised.

The photograph was sent but there are doubts whether it arrived. Probably the entire foreign policy of the village hangs on the result, convinced that all nations except the Soviet are perfidious, based on the failure of a foreigner who breezed

Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

through in the midst of a Sunday's festivities, the only foreigner they had ever seen, to keep his word.

In the next forest we overtook a trotting hound dog. Then a surly red-bearded peasant who tried to hog the path, no easier to do with a yamshek than with a taxi-driver on a city street. He was sitting on the first of his three carts, the others following. Our yamshek tilted a bottle to his lips and took a drink. It was only water but it looked like vodka. The other driver hopefully hailed him. Hospitably, he edged over and we scraped past between the trees. Our yamshek grinned at the success of his trick and waved the bottle. What the other said was—not polite.

"Be careful or you'll fall off your seat," he shouted.

We passed him. He grunted to his horses, kept up for a few versts, then slowed down to sing. He had stopped in the village while we ate, evidently not in vain. As we emerged from the forest into the setting sun, his martial bellowing followed through the trees. Even the hungriest wolf would flee in terror from that melody.

Monday is a hard day in Russia whether in industrial city or peasant village. The tireless stat-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

isticians who have figures on everything, programs and formulas for taking measures for this and that and theories by the ton, prove that the national productivity on Monday is about half of that on any other working day. So they talk about how Monday reduces production, but they can do nothing about it, for Monday, always follows Sunday, just as a headache always follows hilarity with more of the "bite of the dog" prescribed as a cure.

Iya's ferries were working this Monday. Like most of the ferries, they are owned by the local peasants' cooperative. They were not badly blighted on Monday. Iya has two ferries with an island between. We paid the last Charon 15 cents for the two rides and eventually found the Three Postmen of Biisk—not so majestic as other "threes" of fact and fiction but still a worthy trio.

As we rattled into Srostky about noon, the yamshek was entrusted with finding a place to eat. One with not too many flies, he was advised. One with no flies was impossible. Exploration for food would require time and the yamshek could not get lost in a village of a single street. I got out and sat in the shade of a house, on the usual bench of a single

Generated on 2022-06-24 08:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:34 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

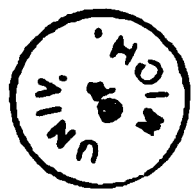
Digitized by Google

The Srostky Ferry Drifts Across

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:46 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

board which is at the side of every Siberian gate, or door if the yard is not fenced.

In some countries, poets drape the family around the old fireside. In Siberia the family, all or individually, sits through the few idle hours of summer, and frequently well bundled in winter, on the bench outside the gate and watches the world go by. There the baby gets its first glimpse of what is beyond the logs of the bedroom walls, there the youngsters do their courting, the neighbors stop to argue crops and politics, the old crones linger to gossip—the whole gamut of life in Siberia passing on the bench outside the gate.

From a house across the road came a song, all noise and no harmony. A silent woman came out of the gate and swayed down the road and around the fence corner. The song was coming nearer and two men emerged, shoulders braced together and bushy beards waving with melody. They also disappeared around the corner. More whiskers with a wen on the back of his neck came along, tried the gate and found it locked, gave us one of those wicked looks which suspected dry officers get the world over, and the village street was empty.

Generated on 2022-06-24 06:46 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"Your yamshek has a place down the road," said a fat peasant rattling up with his cart and wife and boy. "I was afraid you couldn't find it, being a stranger," he continued, impressed with the size of his village.

"Been in since Friday, visiting a friend, going home now," he concluded with a wink and a wave of a hand past his aching head.

The dining place was such as a yamshek might select, a big yard with mud, dirt, horses, pigs, dogs and a little girl cleaning fish with her hands; and a little house with a busy old lady inside cooking. It was the headquarters of the three postmen, one not yet arrived. They were versatile citizens, yamsheks, postmen, kulaks, or rich peasants. Two, barefooted, were seated at a table on the little porch, squarely in the door, a tin growler of beer between them, singing and fighting a million flies.

"Come in, please, please," shouted the larger, also the proprietor.

The yamshek came over from feeding his horses. He was eager, but I suggested that he grease the kerabok so that we could start as soon as the tea and eggs were disposed of. It was a wise idea. I walked

Generated on 2022-06-24 06:46 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

around the corner into the shade of the house and sat on a table in the barnyard. Flies were not so numerous. The rooting pigs left nothing for them. A horse wandered over and started eating the fresh grass, our cushion, out of the kerabok. With a yell, the yamshek chased it across the lot.

The little postman—barefooted and a line of foam across his red beard showing the high tide of the day's libations—came unsteadily around the corner, still singing, and slid onto a wobbly bench at the table. The nearest pig grazed it and over he went, pigs squealing and the song finished. He righted himself, hooked an arm onto the table, wiped his mouth with the back of his hand, and started.

"Are you a German? You're not? Last week I drove a German to Chamal, a doctor, because he wore glasses, and he took my picture. That was all. The camera was broken and there was no picture. Do you want to take my picture? Send it to America."

I did not and he started to cry, brushing away the tears with the same grimy hand.

"His Russian's all right, he's quite sober," my companion, Nikolai Konstantinovitch, insisted,

Generated on 2022-06-24 06:46 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

adding a new one to the many standard tests for sobriety.

He might not be drunk in Russian but he was in any other language. Even a League of Nations linguist would have said so, which shows that a speaking knowledge of Russian can save many a reputation when the beer is flowing free. The big postman, also barefoot, arrived with the growler and more glasses. He explained that he made his beer of rye, hops and honey. Like all basement brewmasters, he was proud to give details of the recipe as he rescued two paralyzed flies with a black-bordered finger and filled the glasses. The government had sent $250 worth of government-made vodka to the village but the officials had drunk all of it. Nietchevo—the peasants could make their beer, cheaper and better and with as much kick as vodka. It had the authority of a sergeant major, I'd say.

"You must excuse me but I'm afraid you'll think everybody in Siberia is drunk," the little postman explained as he fell off the bench a second time without the help of a pig. My yamshek emptied his glass. The horse again was eating the fresh upholstery of the kerabok. The yamshek jumped,

Generated on 2022-06-24 06:46 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

up, shouted and waved his hands but did not chase it.

The little woman came around the corner of the house with the steaming samovar and set it on the table. The big postman quietly picked up the empty tin bucket and disappeared in the same direction. It was evident who was boss in that house. Soon there would be an order: "No more beer to-day!"

"Excuse me, Maria Ivanova, but I've been drinking to-day," the little postman gulped.

"Never mind, you're always drunk," she replied, wiping out the glasses for tea.

She went back after the meat. The little postman was again on the verge of tears. His jag was becoming apologetic, for himself, the weather, the postal service, the nation and the world in general.

The big postman emerged, somewhat mistily, with another growler. My yamshek's glass was empty, as usual. The horse had returned to the kerabok manger. I pointed. He turned and looked. He merely shouted, not even getting up.

"Nobody can walk straight after three glasses of this—except a postman," the proud brewmaster was explaining when the third postman arrived. The little postman got up, welcomed his whiskered

Generated on 2022-06-24 06:46 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

chum with a kiss and sat down on a pig. He wept, so did the pig, frantically. The big postman went back to the house with the empty two-quart can.

Summer and winter, rain or snow, sometimes with a passenger but usually alone, the postmen carry the mail from one village to the next, then another postman takes it and so on by such relays until every village in Siberia is reached by horses, dogs or reindeer. The railroad is 1,000 miles from some and rivers are locked in ice eight months of the year. Wolves and bandits are the same to them. Sometimes they escape. Sometimes melting snows uncover their bones the next spring.

"Here's to America," said the big postman, for the growler was back. The yamshek was enthusiastic because the United States has better roads than Siberia, which has none.

"That horse is eating my seat again," I said.

"Nietchevo, let him eat the kerabok if he wants it," said the yamshek, not even looking around.

The big postman was in the house again. He was assuring the wife that the new arrival was thirsty after his long drive. The Good Samaritan plea seemed to be making good. Eggs and meat were finished, dishes clean. I hurriedly paid her 50 cents

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

for the food—beer free. The yamshek allowed there was no hurry, a passenger could sleep comfortably in the kerabok, all the way to Biisk. However, I walked over and climbed in on what was left of the hay cushions. Others than postmen can walk straight after as many as four glasses. The yamshek sadly followed.

The pig and the bench had collided again. The little postman lay on his back, red whiskers skyward, his legs over the recumbent board. The big postman was emerging from the door with another growler as we passed.

"More beer," said the yamshek, hopefully. I waved a farewell, the host yelled for us to stop, but we went through the gate on two wheels and were off down the road in a cloud of dust.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER IX

WORKERS AND WINDBAGS

THE library directors from all the villages of the district met in Srostky the second day I was there. They were "taking measures for working out a program," a stock expression in Russia. It was a day to visit the local library, a square, one-story, log building, divided into four rooms, on a hill near the weather-beaten church at one end of the village. The chief director, a stout, perspiring young man, wearing a smock, open at the neck, was there with a dozen others. Inside, the samovar was getting hot, tea being necessary to the start as well as to the continuation of any deliberation in Russia.

"I just came in to see your library, being in the village for an hour or so," I explained to him.

I wandered through the building, he trailing behind, amiable but bashful like many a country boy in a strange situation. The big room into which

Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

the front door opened was empty except for a couple of benches against the wall. In two other rooms men were busy with abacus and papers, rattling the Chinese adding machine and filling pages of reports. The fourth room had a long table, flanked by benches on two sides. Tacked to the walls were a couple of maps, several party posters and a couple of pictures of officials. Part of a torn newspaper was on the table, wrinkled as if it had been around a bundle.

That, so far as I could see or was shown, was the extent of the reading matter in the library. The national statistics on the number of libraries for peasants which are flourishing in villages are imposing. So far as taking a building, throwing open its doors and christening it a library are concerned, the statistics probably are correct. How many of the libraries are like this one with nothing to read, nobody reading and only a big sign over the door misnaming it, the statistics on thousands of "libraries" do not disclose. The building was all right for village meetings or to hear harangues of party orators, if peasants do not get tired of attending. That was its nearest approach to a library.

"Why don't you get a radio set and pick up the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Novosibirsk program at night?" I asked the director.

"We are trying to," he replied, almost dissolved in moisture.

He did not explain why they were getting no farther than trying. There was no need to. The answer would be the same as about books, newspapers, magazines or anything else which usually enters into making up a library. Who's going to pay for it? The peasant never had a library and so is not awake to any need for one, or, not seeing the need for a library, the peasant does not want one. The village church did not have a library, frequently not a school. The peasant can drink his homemade beer, sing and perhaps have a fight on Sunday and so does not need a library, or, reversing the circle, not having a library where he can take his wife and children to look at pictures or listen to the radio, he finds his only recreation in drinking his homemade beer, etc., etc.

Possibly the government could furnish libraries. Instead of sending 500 roubles' worth of government-made vodka to each village, it might send 500 roubles' worth of books. Vodka brings an immediate return, books do not. It is cheaper and

Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

apparently just as effective to print statistics showing there are thousands of libraries in the villages. Everybody must believe official statements.

The young directors of the bookless libraries were bright and alert as they crowded around. No doubt they had been selected because they knew the value of reading. But they could not teach that value to others without books any more than they could teach them to swim without water.

In one city I saw a library with a four-shelf case of books. That was the largest I met among the hundreds which are enumerated. It had two shelves of political philosophy, or essays, by various Communist writers. On these shelves, the backs of only two books were dirty and the soil from innumerable thumbs is better than columns of pungent phrases from critics as a library test of a book's popularity. The two books were by Lenin. The third shelf contained a mixed and unused assortment of heavy thoughts between covers. The fourth held stories by Jack London, O. Henry and other popular authors, about half of them Russian. There were no clean books on that shelf. When the government does furnish a library, it is so heavily charged with party propaganda that three-fourths

Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

of its scanty volumes are welcomed only by political dipsomaniacs and are useless for luring the unfamiliar into a love of books.

Between the modest village official who must meet real people and face actualities and the voluble bureaucrat of Moscow and his speeches is a wide gap. Probably no group of officials, outside of a purely Oriental despotism, is so inaccessible to the ordinary citizen or so exalted—proletarian pomp lacks only the regalia. If one of the great ones speaks in public to a plain citizen the newspapers record how the spectators were "much astounded," as if it were "His Gracious Majesty, The King!" Soviet Russia is under a dictatorship—"of the proletariat" added in theory—and it will be well for the stability of the country if that dictatorship continues for another decade while the masses are awakening and learning.

"The czar is dead, long live the commissar!" wrapping himself in pompous dignity and aloofness from the plain people as the official of old and even more blind to the handwriting on the wall. He does not see the civic awakening which his own revolution has brought, that Russians have discovered that none are born to rule, that they

Generated on 2022-06-24 06:47 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

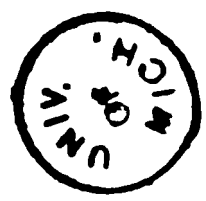
Generated on 2022-06-24 06:35 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

A Siberian One-Room House

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:48 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

are the real rulers of the country and are learning to assert themselves. One day they will realize that it is as easy to oust a bureaucrat from office as to elect an unspoiled comrade to office.

False modesty does not deter the official from approving the substitution of his name for the century-old name of a city or village. If he cannot inflict his name—fortunately it is usually a revolutionary alias—on a city, he is satisfied with a street, steamboat, barge, factory or even a building. No higher tribute could be paid to the memory of a leader who is no longer active but the zeal which most of them show while alive in getting their names on new street signs might indicate a confidence that they will be forgotten the moment they step off the stage.

The premature memorials are expensive and frequently embarrassing. Once each navigation company in Siberia named a steamboat after General Lashevitch in honor of his revolutionary services. Part of the discipline meted out to the general for differing with the majority over a purely Communist party question in the spring of 1926 was his removal as assistant commissar of war in the Soviet Union and the erasure of his name from the steam-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 06:48 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

boats, just when summer navigation was busiest.

Modern Moscow statesmanship might seem to be measured in units of lung power, an official's ability to talk tirelessly on any subject, knowing anything about it or ability to put his grandiose program into effect not being especially essential. Lenin—that masterful combination of student, thinker and man of action—still is the living spirit. Stalin, Trotzky, Bukharin and a very few lesser lights have ideas and dare to express them. The usual speech of the others is an assortment of figures compiled by his office chief clerk, and each office differs in its statistics, interlarded with quotations from Lenin, plentifully sprinkled with stock words and colored by whatever happens to be the popular theme for the week.

If one of those who think speaks of a threatening war, imperialistic England, capitalistic United States, hooliganism, bureaucracy or regime of economy, it is echoed by all the others until somebody strikes a new chord. The unsung speakers in a workers' club frequently are more productive of ideas. Not content with administering his oral soporific to an audience, the great man is further exalted when all the newspapers in the nation are

Generated on 2022-06-24 06:48 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

compelled to fill pages with his quagmire of words. However, if Soviet newspapers spread themselves on the dull and ponderous, those of America go to the other extreme in exploiting the sensational and frivolous—one building a nation of top-heavy thinkers, the other a generation of jazz morons.

Whether the final harvest of the revolution is to be an oligarchy in place of a monarchy is a thought which now comes to many, leaders included, with ten years of stable government since those stirring events of 1917. After that sweeping away of rulers and owners, workers started on a level, but in the shifting and settling of ten years, individual ability and energy have put and kept a certain few in high office. Every city in the so-called capitalistic United States has the same professional officeholders.

Instead of an hereditary nobility of birth, a ruling class of political faithful has come to Soviet Russia with its personal rivalries behind the front of uniformity in the proletarian court. As Marx's abstract theories of politics, economics and society meet the test of practical operation, the selfishness of human nature may be stronger than theory and the class welfare which destroyed one set of rulers merely may have cleared the field for a new office-

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

holding bureaucracy, each year becoming more aloof.

The old Communists still are in office. They were, some still are, of the people. They struggled and sacrificed the best years of their lives for the cause. In the Communist state of to-day it is no longer a danger, a risk of family, property and life, but a privilege to be a member of the party. As the old step off the stage, the new recruits are coming on, well leavened with the "Communist of career," a second-generation oligarchy, born to privilege and to office. The official of to-day may be aloof from the masses; the official of to-morrow has never been one of them.

The Bolsheviki see the drift from democracy and are striving to stop it just as they have solved other problems in their own peculiar way. Bureaucracy is denounced and ridiculed freely in newspapers and magazines. Tireless statisticians compile figures on the money wasted in telegraphing greetings and the hours wasted at meetings in reading them to bored and disappearing audiences. That sterling veteran, Mikhail Kalinin, senior president of the Union and himself a two-handed talker, chides his colleagues on the length and frequency of their speeches.

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

A surprising aspect, too often not realized by critics, is that the bureaucratic official is intensely sincere—if a Communist, doubly so, with devotion to both party and country. His verbose, prolix speeches are not intentional buncombe; possibly tinged with the usual statesman's propaganda to sway public opinion, they are fundamentally an exposition of what he honestly hopes to accomplish.

Fact and fancy were always far apart in Russia —in science, industry, morality as well as in politics. The new rulers preach a new gospel of utilitarianism but the ten years since the revolution are too short to change the mentality of a people, even of the leaders themselves.

"What can American engineers teach us, Georgians, who have great dreams of a canal connecting the Volga and the Don!" an enraptured Gruzian writes, referring to the Harriman manganese mines.

Dreaming of a ship canal is a nobler accomplishment than taking a spade and digging a ditch to water the family potato patch. In some countries the man who makes two potatoes grow where one grew before is more valuable than the builder of air castles; his spade also may be needed if the canal

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ever becomes a fact. Though it has become a proletarian state, new intellectuals are prone to consider the dirt of honest toil ignoble. He must not soil hands or clothes. In the United States an engineer would be considered a weakling if he could not show a workman how to swing a shovel, mix a mess of concrete or run an engine. In Russia the engineer is up to the minute on all the latest theories which can be learned from books, but when trouble breaks on the job, he sits in his office, calls a meeting and writes a report on what measures should be taken. The report goes to his assistant, the assistant sends it to a foreman and so on down to the man on the job who cannot understand it, possibly unable to read it, but patches up the machine—if he has not already done so—as best he can.

A congenital Russian weakness which Communist collectivism fosters is the reluctance to come to a decision or to take the individual responsibility for a decision. Nothing is decided on the spot, or the same day, rarely the same week and frequently not for months, if ever. The official works through the night, a strain which wears down the toughest constitution, but each day the accumulation of

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

things unfinished becomes heavier. To-day's appointments, to-day's decisions, to-day's work go over until the next day, the next week, month, year or eternity. While the physical doing of the job passes along a descending line, the responsibility for deciding what is to be done passes up the same line. The man at the top is swamped. It's the system in Russia. The present rulers must build a new generation to change it.

Rationalization, struggle, project, technique, stabilization, concentrate, exploit are some of the daily dozen whose spellbinder meaning is not found in any dictionary. A workman who receives $30 a week for 40 hours' work in an American factory is exploited. It is privately owned. A Russian workman who receives $12 for working 48 hours a week in a government, sells goods at the same price as the cooperatives, pays high taxes to the state and makes 10 per cent profit for himself is an exploiter. A cooperative store, subsidized by the state and paying a minimum of taxes, which takes as high as 390 per cent annual profit from its workmen customers is not called an exploiter.

In the village, life is different. The official reads the grandiose words in the Moscow newspaper for

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

which he must subscribe—projects, programs and theories—but they do not put books in a library, machinery in a field or cotton goods in the village store. He faces facts and he meets his audience, not from the dignity of a rostrum or the seclusion of a microphone, but in the dust of the village street every hour of the day. Getting books is not so easy as going down to the river and picking pebbles. Moscow does not send them. Instead comes a speech with another program. The library remains a project.

Srostky is a large village, either muddy or dusty every day that it is not buried under the winter snow. It is on the bank of the Katuna, crossed by a ferry. Three lusty citizens were prone on the planks, steaming in the sun, when we drove up. They had eaten one of the little local watermelons, a good after-Sunday sedative, and the rinds made a garniture for the inanimate forms. Tossing the scraps into the river would have required effort. After much shouting the chief ferryman consented to open his eyes.

"Wait fifteen minutes," he groaned when it was suggested that we cross. People had been shouting from the opposite shore. They were too far away

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

to annoy him. The temperature was around 100 but he wore high felt boots, bare toes sticking out of the broken feet like the mouth of an alligator. The yamshek started to untie the mooring line. The barge swung loose, the ferryman turned the rudder at a diagonal angle and we started to drift across. He grumbled drowsily. An office boy with a novel would have been just as annoyed at being disturbed. Perhaps a library in the village would not improve conditions.

Generated on 2022-06-24 07:04 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER X

A BATH IN BIISK

"A FOREIGNER hasn't sat in this chair since 'peace time,'" the talkative barber in Biisk was explaining as he lathered the top of my head. At that he was mute compared to the lady barber at the adjoining chair, the village loud speaker.

"And they were different then," he continued as the razor started to scrape sand, which annoys any barber. "Once they were well dressed and clean. Times have changed."

How any person could be clean and be in Biisk at the same time, he did not explain. On days when the mud is not ankle-deep, ears and eyes are full of dust. This was a dry day and I had just finished a 180-mile drive across the country and a week of sleeping on board floors with only creeks of melted mountain icicles for bathtubs. However, once the foliage and soil had been removed from the neck upwards—the barber requesting me to pull my ear forward while he held a finger over a leak in

Generated on 2022-06-24 07:05 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:36 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Baby-Carriages are Vegetable Stands in the Market of Biisk

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:05 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

the pipe and blew through a funny sprayer into undiscovered corners—I sought the communal bathhouse. A padlock as large as two hands was on the front door. A barefoot woman with a pail which suggested a relationship to baths was sunning on the front step.

"Closed until Thursday," she said, for this was Tuesday. She pointed to a sign which announced that citizens of Biisk could bathe only on Thursday, Friday and Saturday.

"No need of heating the water on other days, nobody comes," she explained. "The hotel has a bath."

It had—one tub. It would be available for guests at 8 o'clock that evening. Would it be busy until then? Certainly not, only a stranger in Biisk would ask such a question, nobody else would be taking a bath on Tuesday. Another reason was that there was no hot water in the city until 7 P.M. At 7, the hot water arrived at 8. It came from the electric-light station and they sent a messenger to get it turned on for the special occasion. Now a crowd was at the entrance. A bath on Tuesday is one thing which can be purchased in Russia on off-days without standing in a queue.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Biisk was founded by religious exiles more than 100 years ago. They crossed themselves with two fingers instead of three, and the Holy Synod, not able to secure their extermination as Czar Alexei attempted in the 17th Century, forced their exile. The government gave them land and money to get started. Their descendants are here and in all the villages as far as the Altai mountains. They are as independent as were their forefathers after finishing the long trek from Russia and they have become prosperous as peasants go. The acres of the livestock of most of them are well beyond the limitations which the Soviet government prescribes for a peasant. Few are seen without high leather boots, even in the country. In west Russia the peasant covers his feet with bark lashed on with thongs.

Biisk on the Ob river is the granary of western Siberia, just as Minusinsk on the Yeneisi, the two separated by a small mountain range, is the granary of eastern Siberia. During the lean years of 1919 and 1920, following the revolution, when fighting still was going on in eastern Siberia and the Ukraine, the Biisk district saved Russia from coming nearer starvation than it did. Prosperity shows in its market with its closely packed rows of peasants, carts

Generated on 2022-06-24 07:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

and stands of fruits and vegetables. Most of them are private dealers, competitors of the government and cooperative stores.

"Taking pictures of us, speculators, wonder what's up now," glumly remarked one aged woman, sighting a camera, her mercantile establishment being a basket of tomatoes.

Its enthusiasts say that 90 per cent of all the butter exported from Soviet Russia is made by the peasant housewives between Biisk and the Altai. Many villages produce eighteen tons a week, and half the carts on the Biisk ferry every morning are loaded with fat firkins of butter, salt or sweet, carried for miles to reach the railroad. Honey is another product, most of the beehives lengths of hollowed logs laid flat on trestles. Salt also is mined on the surface but not profitable for shipping.

Even wheat faces that big economic problem of Russia, transportation over the vast distances. From Biisk by rail to Leningrad and ships is practically the same as shipping wheat by rail from California to New York. In the autumn, when the crops are harvested, the rivers are low and in a couple of weeks they are frozen until the next summer. They cannot be depended upon as shipping routes. But-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

ter can be shipped profitably but with wheat there is always a gamble, while from farther east, stretching 2,000 miles more to the Japan sea, it is seldom worth shipping unless the peasant receives very little. Vladivostok is an outlet but it is far from Europe by ship. Japan may eventually be a customer, for the Nipponese are eating more bread.

"Was the Czar murdered in Europe?" a peasant asked in one of the villages near Biisk. It was a trim village with well-kept fences and houses, except the dilapidated church and cemetery with pigs rooting through its fallen fence. The forests of the Altai had disappeared and wood was scarce. In the yard of each house were stacked bricks of manure and straw, drying for fuel. News of the outside world, even outside the village, was scarce.

"Well, someone told us that he escaped to Europe and that somebody shot him there," he persisted.

He was a local nabob with a mowing machine, winnower, rake and modern plow. At least a dozen carts had been passed that day with proud peasants, the whole smiling family aboard, hauling home some new machine purchased in town. Their use is being encouraged, but most of the fields had

Generated on 2022-06-24 07:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

rows of men and women, swinging the old back-breaking cradle, younger ones following behind tying up the sheaves.

Roads are a problem of Siberia. Untold acres of fertile land are waiting cultivation, for only those along the railroad or rivers are settled. The others are inaccessible, while even those within a few miles of the railroad have only cart paths which are impassable after rain. As even streets in few of the cities are paved, building country roads is far in the future. Until they come and freight rates become reasonable, Siberia with its wealth of grain is heavily handicapped as a competitor in the world markets.

"Formerly prisoners worked on the roads and the peasants in a locality were compelled to keep the roads in repair," Chairman Klever of the West Siberia executive committee had explained. "Both of those methods have been abolished and 3 per cent of the taxes are set aside for the purpose. It does not accomplish much. The pay of workers is high, for the road building must be done in the summer when the peasants are busy in their fields and do not want employment.

"Our chief effort now is to increase the produc-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

tivity of the peasant. If that does not give him less time in his fields, it will mean that he has more fields and the tax returns will be larger. The government has brought breeding stock, only a few hundred head, but a start, gives lectures to the peasants on agriculture and the interest is surprising. Some of them club together and hire an agronom, others have cooperated and bought machinery, and we urge everyone who has at least 100 acres to own his own machinery. The demand is increasing each year."

The Siberian peasant does not feel the land restrictions which are imposed on the peasant in west Russia where the area allowed for each member of a family is between 4 and 5 acres. The cooperative system was well developed in Siberia long before the revolution, peasants doing their harvesting, storing their grain and other products and doing their marketing in common. The new order has not changed the system much or reduced the individual holdings.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:06 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER XI

BERNAUL'S CASINO

A GHOST city in a desert, half a mile from the river pier and a mile from the railroad station, is Bernaul in the moonlight. One noon, its bathhouse caught fire and everything was swept clean between the market and the river. That was 8 years ago and the life of the once prosperous city was buried with its dead. Moonlight throws grotesque shadows through gaping holes which once were windows in the big warehouses and business buildings. Whole planks are missing from the rotting sidewalks, loose ends fly up in the darkness and the occasional stray pedestrians on its deserted streets trudge, silently and phantomlike, through its ankle-deep sand. It is one city without boot-blacks. A shine could not cross the road.

With daylight, slowly as if reluctant, it comes to life, for it is a peasant city. The gaunt deserted market, covering half a dozen blocks, where anything can be bought from a live horse or cow to a

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

rusty second-hand nail, is filled with peasants' carts and all its little stores are open. The business of the city is done in the market. It has everything—vegetables, meat, wagons, furniture, hardware, clothing—some new and some so worn and broken that a junkman would not buy it. But the trader will buy or sell anything.

"I'll give you $5 for the camera," one proposed. Another sidled up and hinted that he would give more, not quoting figures. Neither had any idea of its value but that was a safe price—for a $125 camera—and eventually it might be sold. I shook my head.

"How much do you want?"

"Not for sale."

"Oh, got any worn-out shoes or clothes? How much will you take for the pipe?"

Night had come and the market showed no sign of life. An occasional watchman, seated on the ground, huddled into his big sheepskin coat and asleep, was as still and, as a watchman, as useful as the unsold carts and rusty scraps of iron under the moonlight. Half a mile farther three izvostcheks on the seats of their dilapidated droskies and half a dozen women with shawls around their heads,

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:36 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Morning Shopping in Bernaul

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

squatting behind baskets of roasted sunflower seeds, were under a dim light at the entrance of the dilapidated municipal garden. Admission was 15 kopeks, city parks not being free in Russia, with nothing inside except darkness and benches for unabashed lovers.

Down the street, lights were shining through the windows of a log house and a crowd showed, clustered around its entrance. It was the only sign of night life in Bernaul. A long, crowded, smoke-filled room could be seen through the dirty windows, three tables running the length of it, each flanked with plain board benches packed with a motley assortment of silent, motionless men and women. Through the open door could be heard the rattle of balls in a wheel, the government "lotto" game—its only contribution to the citizens' recreation—and the drone of the gamekeeper: "Fifty-one!" the rustle of markers in the hushed room: "Seven!" again the rustle: "Fifteen!—"

"Davolno!" a woman screamed. She had filled a line on her card. The crowd in the doorway shifted. Some were leaving the tables, others taking their places. I elbowed in. A girl moved over closer to a workman in a torn coat. He wanted to

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

sleep, or at least buy more vodka, but his wife insisted on playing. Across the table, two boys clubbed together and bought a card for 10 kopeks (5¢). Above them was a big sign that minors under 18 years are not permitted to play. A Chinese peddler had won the previous pot. He was handed 5.49 roubles though 183 tickets had been sold, apparently a staggering percentage for the house.

His card had called for only one-third of the pot, the rest riding until the next deal. The government takes only 10 per cent of the winnings. Each card has three rows of numbers, the upper row with four, the middle one with five and the lower with six. If a player wins on an upper row he gets one-third, on a middle row one-half and on the lower row the entire accumulated pot, always less the government's 10 per cent.

The wheel was spinning again and the dingy gambling hall was silent. The game does not furnish counters with the boards. A new use is found for sunflower seeds and the paper mouthpieces of Russian cigarettes. The long dirty tables were littered with seeds, torn cigarette butts, little stones and rubbish, anything which would serve. Each player scooped himself a handful and the game

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

was on, the smoke of many cigarettes drifting in strange haloes around the pictures of party leaders and wall signs urging the citizenry to thrift and industry.

Each city has its gambling house, dingy and unattractive, seeming to vary only in size, but all with their devotees. The games also vary in different cities, but lotto and petit cheval are the most numerous in Siberia: they require fewer game keepers and the Siberian is not a card enthusiast. Dancing is discouraged as immoral, but gambling is justified on the theory that it cares for the homeless children.

I had contributed 60 kopeks towards caring for the nation's homeless and never shouted the much rehearsed "Davolno!" Any gambler who survives a night in that low-ceilinged smoke-laden room, can go through the next war without a gas mask. I stepped on the table, jumped to the floor and staggered out.

"Dii-tee kopek, tovarish, no bread, no father, no——" came a plaintive refrain from a barefoot, shivering urchin by the door. The little hand and the singsong chant appear at your restaurant table at every meal, on every street corner, at every

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

train stop—the excuse for the government gambling houses in Russia. But the gambling houses prosper and the "besprizornie" increase, in spite of homes which the state offers and sporadic round-ups of the waifs fast growing into thieves, pickpockets and murderers.

Generated on 2022-06-24 07:07 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XII

SOCIAL STRUGGLE

ONCE an honorary chamberlain to the Czar and now thrumming the piano at nights in a Siberian "pivnaya lavka," or beer shop. Once chairman of the holding company for all the coal mines of the Moscow district, founder and president of its largest cement works, and now counting the day not entirely lost if maudlin roisterers toss 25 kopeks to him before dawn.

Outside, a torchlight procession was passing, for to-morrow was to be Young Communists' Sunday in Bernaul—a band, a squad of Red soldiers swinging their arms and twisting their faces into stern grimaces as they sing, more banners and flat thump-thump-thump drums, boys and girls singing, enthusiastic young faces and straining throats, girls with red kerchiefs and bare-armed boys with red ties, pouring out revolutionary songs denouncing the past, extolling the new social order and promising a Utopia to come. They may not know

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

what it all means but the old "professor" knew. Patrons crowded to the door to watch. He dropped his hands, the piano was silent, remembering days that are forever gone. The parade passed. He sounded the chords of an old-time air.

Last night those same chords and the lure of a warm place to sit and wait had shown me the "professor." My river steamboat was to sail at 9 o'clock, according to the management, and I had taken a drosky to be there on time. At 9, it had not arrived and I tramped back through the dusty streets to the city. It was to come at 11; at 11, it was due at 1 A.M.; at 1, the time was moved to 3. Others plodded the mile back to the pivnaya—a chair, the "professor" and his courtly chords.

Thin, stooping, a deep-lined face whose expression never changed, he seemed as much out of place with the noisy crowd as was his music. Snatches of classics, some gay, some sad, such as one might play when strumming the piano alone—no introductions, none finished. Then he would light a cigarette and sit silent, watching the keys. What was happening in that room did not interest him.

The confidences of a young man, called Yakovitch, who consumed many bottles of beer, carried

Generated on 2022-06-24 07:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

an impressive brief-case and muttered with mysterious wavings of his hands to everybody, including the policeman on the beat, did not impress the "professor." He merely nodded as Yakovitch whispered in his ear, played and smoked. Dawn crept on apace, the sociable Yakovitch's empties steadily accumulated. Two other young men aroused his ire by pointing two fingers and calling him names which often are used in pivnayas but should not be. The "professor" never turned though Yakovitch was standing right at his elbow pointing towards the door and making terrible faces which were worth seeing.

When a young lady piva distributor, Yakovitch being a steady customer, grabbed one of the tormentors by the waist and started propelling him outside, the scene became lively. The proprietor's wife, built on the lines of a squat river gunboat, sailed on heelless slippers to her junior aid's assistance, the young man soared from his feet, a second of silence, then a thud and breaking slivers on the plank walk outside. The "professor" pensively smoked. He never looked.

A fat, well-groomed "tovarish" with a boy-sized pipe put an affectionate arm around his shoulders

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

and made a request. He struck the chords of a Gruzian dance with its syncopated harmony, only a fragment and it was finished. Another "tovarish" in a soiled canvas slicker and muddy boots which wobbled unsteadily, slapped him on the back and threatened to weep when he heard the familiar peasant folk song.

The noisy boys were back, laughing and arousing Yakovitch to hysteria. He rapped for the two stalwart damsels, held his brief-case aloft and shoved a hand suggestively into his hip pocket, increasing their hilarity. The police had gone to bed. The penalty for fighting in a pivnaya is 6 months imprisonment. Outside it is merely 50 cents fine for a working man or $5 to $50 for a business man, possibly on the ratio of mentality—a business man should know better. When a fight starts, a pivnaya cares for its patrons by putting them on the street, where prices are lower.

A fat girl with skirts much too short for the curves of her legs took his hand and whispered a request. He smiled, the eternal feminine touch, and played again. The row recommenced. The two good-natured women were in despair. All Yakovitch's dignity was gone. Suddenly a bespectacled,

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:08 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

undersized man in shirt sleeves appeared, blinking the sleep out of his eyes. He was the manager and wasted no words. The tormentors were propelled rapidly through the door and did not return. He silenced Yakovitch, who in high dudgeon gathered up his brief-case and stalked out.

"Get out on your droskies," he ordered half a dozen izvostcheks blocking the door. They faded before the masculine authority.

"Sorry the music is not better," he apologized, pausing at my table on his way back to sleep, "but the old man needed something and I took him on."

"Yes, he's one of the old nobility, can't get anything to do now except play a piano in a pivnaya," a moist and garrulous local citizen explained. "He's 62 years old and the parade's passed for him and he'll never catch up again. Pretty good old fellow, but he's a bourgeois, that's why they sent him to Siberia for three years. Was to go to Narim. The cold weather would have killed him, so they switched him down with the Oyrots for a while until he drifted up here and got a job doing odd jobs in a kitchen. Now he's a real music professor."

Generated on 2022-06-24 07:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

The next night my steamer still was lying at the dock. I stopped at the pivnaya and spoke to the "professor."

"Were you amused last evening?" he asked. "I made only 25 kopeks, so many ask me to play and then forget, but I am glad to get it. My wife in Moscow is feeble and she needs it. Only two months more now, and I can leave Siberia and go back to her."

It has pathos. Paris, Constantinople, Shanghai have others like the "professor" of Bernaul—opening doors of cafés, selling popcorn, playing pianos or even worse. Sentiment sighs and common sense says: "If that is all they are capable of doing when accident of birth no longer counts, how incompetent they must have been to rule a nation."

In the streets the parade was passing; torches and songs outside, the "professor" with bowed head inside—two pictures of the new social order.

Generated on 2022-06-24 07:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XIII

TIME AND TIMETABLES

IN Soviet Russia, government trains and steamships are operated on two times and three tempos. The times are Moscow time and local time. The tempos are: first, the hour of arrival or departure as printed in schedules; second, the hour as given by officials at various stations, and, third, the actual hour when the train or boat does arrive. The difference between Moscow time and local time increases from 1 to 8 hours as the traveller goes eastward across Siberia. The difference in the tempos is anywhere from an hour to a week.

Not much travelling is needed to get onto the tricks but there is always a vain hope, like that of the lottery addict, that a train or a boat may be encountered which is on time or an official discovered who tells the truth. Leaving Novosibirsk for Biisk, the station agent did not know when the train should leave but he looked in a timetable and found that it should arrive at 9 P.M. He neg-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

lected to explain that he was giving local time from memory for its departure and Moscow time, 4 hours slower, from the timetable for its arrival. After rattling along on a hard seat for 24 hours, I discovered that it was not due until 1 A.M. and was several hours late besides. In Biisk, the station agent did not even have a timetable to find out when the train should be back in Novosibirsk. I took a river steamer.

"Nobody ever asks when a train will arrive, they just get aboard and stay there," was his surprised reply. "It should get there the next day but I don't know, I'm not sure."

"You're lucky!" the information clerk at the Novosibirsk station exclaimed one afternoon when I inquired for a train eastward. "The Paris express leaves at 6:40 to-morrow morning, its first trip," he proudly added, emerging from his little coop and pointing to the timetable for all trains written with blue pencil. Nobody in Russia is so hurried that he would catch a train on the same day he inquired about it.

The through Paris-Vladivostok express, weekly in each direction, is the crack train of the Trans-Siberian. The only drawback to enjoying its lux-

Generated on 2022-06-24 07:09 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:37 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

A Trio of Village Flirts

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

uries is that there is no such train. The day of the week and time of its arrival and departure from that station, eastward, and the same data for its westward run, were painted on every station timetable in Siberia this summer. It was in the prospectuses sent abroad and announced by official information bureaus. Well-intentioned dreams outrun facts so often in Russia.

"You can buy a ticket after 1 A.M., when we get a telegram from Omsk telling how many places will be vacant," the accommodating information clerk explained.

Promptly at 1 A.M., I was at the railroad station, picking my way through the crowd on the floor, some sleeping, others eating off newspapers spread on the tiles as tableclothes for their assortment of sausage, bread and tea, others just waiting and trying to keep warm. The information office was closed for the night.

"Nandnyiak!" said the station agent, meaning "some of these days," which is a familiar word in Russia, spelling the difference between optimistic programs and actual accomplishment. The Paris-Vladivostok express may run "Nandnyiak" though it is on the timetables as if actually there.

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

A mail train would leave at 3:48 A.M. It had one "soft" car, second class, and eight "hard" cars, third and fourth class. A station porter came out of a doze in the baggage room. He could get tickets. There would be two vacant places in the "soft" car, and about twenty persons wanted them. Porters are the ticket brokers at intermediate stations. In some mysterious way they can always get tickets though a crowd of several hundred is fighting outside the little ticket window, most of them eventually disappointed and doomed to more days of waiting for another train.

By river, going downstream with the swift current of the Ob, the 453-mile trip from Biisk to Novosibirsk took seven days and six nights. A kerabok and two Siberian ponies could have done it in the same time, stopping every night at dark. The steamer was not running day and night to make this wonderful average of less than three miles an hour with the current. Most of the time it was either on a mudbank or repairing its ancient machinery, or going after another steamer which was on a mudbank or repairing its machinery, or just waiting.

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Though probably the slowest steam transportation in the world, it also is the cheapest of its class. The voyage cost $7.40, for an entire week on ships with ample deck space; large, clean cabins with running water, an à la carte restaurant and all passengers' needs attended to. They are excellent for a leisurely voyage but they never are anywhere when the company says they will be. The West Siberian State Steamship Company has all the steamers on the Ob, Yeneisei, Irtish and Tobol, several thousand miles, the same steamers which were there before the revolution, now repainted and repaired and absolutely necessary.

The Kirgis got away from Biisk at 8 A.M. the second morning I was a guest aboard. At Akutika she nosed to the shore and crates of bottles and glass were loaded for two hours. Women lined the bank with baskets of melons, onions, potatoes, eggs, milk, sunflower seeds, cakes and everything necessary to save passengers from starvation. She steamed across to Bal Istok, another village of log houses, where sacks of oats and several hundred birch trees tied with willow thongs into circles for wagon wheels were added to the cargo. She swung around to head

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

downstream again and went plump on a mudbank. That was at 5 P.M., and she sat there comfortably until 9:30 the next morning.

The crew leisurely started to uncoil what seemed to be several miles of rope and to recoil it in a row-boat. It was an old experience for them, and why hurry?

"Don't eat 'potsolnuk' when you're working, tovarish," the captain admonished a sailor who with one hand on the rope was feeding a steady stream of sunflower seeds into his mouth with the other.

This harsh discipline infused, the captain lit a cigarette from a sailor's, leaned against the rail and watched proceedings.

"Don't give up, tovarish, work hard," he shouted as they courageously started to row ashore to tie a rope to a tree trunk. Tying the cable was all it amounted to, for all the pulling and winding on capstans by the patient sailors through the night did not budge the ship. A passing tug shook us loose in the morning. The captain promptly went to the nearest deep spot along the shore and unloaded all the glassware and birch trees. Another day was nearly gone.

Getting a steamer off mudbanks has been devel-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

oped into an engineering science on Siberian rivers. The mudbanks are always shifting, a channel may change overnight, lumber rafts carry away the buoys and as no dredging has been done since the revolution, when the steamers passed from private to state ownership, navigation becomes more precarious each year. Before the war, one-third of Russia's freight was carried on rivers while now less than 18 per cent moves that way, according to the commissariat of transport.

Each steamer carries three or four stout, 25-foot logs, tipped on one end with an iron spike and a cross-bar so that it will not sink too deep into the mud, and with only a cross-bar on the other end. The entire deck crew is needed to lift one of these heavy logs over the side when a steamer goes aground. With the aid of a derrick, its pointed end is dropped into the mud. A block-and-tackle is rigged between the upper end and a ringpost on the deck, the capstan starts working and the ship is lifted bodily, pulled up by its own boot-straps. After several attempts, the paddle wheels threshing madly and the swift current cutting away below, the steamer usually swings free. The log whose use when first seen on deck would never

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

be guessed by a stranger, is pulled aboard for the next mudbank.

"Radiboga! Radiboga!" a bareheaded man on the bank was madly screaming in the darkness. This time the patient Kirgis had stopped voluntarily at a town landing, merely pulled close to the shore and run out a gangplank. The man held a bottle of milk in one hand, a loaf of bread in the other and a watermelon balanced on his arm. Three whistles had been given, the strip of water between shore and steamer was rapidly widening. Without the twenty cents' worth of food he might jump but he did not think fast enough. His appeals "for Heaven's sake" made no more impression on the captain than did the language which followed though all the women fled from deck. Alone in a muddy Siberian village without even a hat and no other boat for five days is a lesson, but some will always be late.

Below decks a fat peasant woman was screaming herself into hysterics. She had dallied to sell a few more kopeks' worth of salted cucumbers. "My children, my home, my pigs, my husband!" she screamed in descending values, gasping like a

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-24 06:38 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

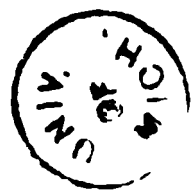
Digitized by Google

— The Kommunist taking on Wood for Fuel at Goroditchia —

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

winded horse. The busy captain—he did not sleep during the trip—ran down to console her but the boat did not turn back. Only another mudbank could stop it.

We reached Bernaul at daylight. A peasant had ridden in with a message that the Karl Liebknecht had run on a rock and been stuck for a day with a broken shaft, 50 miles down the river. The Kirgis went to tow her in. She was back at 3 A.M.

"Just go aboard the Karl Liebknecht and sleep," said the genial agent. "The Communist will be in at noon and you will continue on her. We'll make you comfortable."

The Communist wasn't in at noon, but at 9 A.M. She was to be out again at midnight, according to the agent, and I went to my cabin. A train rumbled onto the iron bridge, a quarter of a mile away, but I was asleep before it crossed. When I woke at 7 A.M., we were moving. I stuck my head out of the window. The railroad bridge still was there, only 100 yards farther away.

"Followed us all night, we're not the fastest boat on the river," I thought, half awake.

The mental fog cleared. Even in Siberia iron

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

bridges do not chase reputable boats up and down the rivers. We'd just started, midnight by the time-table.

More mudbanks—an entire day of them while they put down the iron spikes and rocked the steamer loose by alternately lifting forward and aft —more passengers left ashore, more stops to tighten up nuts on an engine built in 1875, but they do make you comfortable and you eventually arrive.

Generated on 2022-06-24 07:10 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XIV

TEMPERATE COMMUNISM

IN China, Kamen would be called a market town, larger than the ordinary village and a sort of district crossroads where traders meet. It has a movie theater, stores, beer shops and all the different types of workers' clubs. This was Komsomol (Young Communists) day, the Sunday annually set aside in Soviet Russia for the prospective members of the party in whom Communism bases its hopes. The day means a parade, speeches and the usual hilarity.

After most parades, beer shops do a thriving business washing down the dust. An ordinary Sunday in a Siberian village makes heavy inroads in the supply of homebrew. Kamen, its dusty streets crowded with young people, was sober to-night. Three men, arm in arm, singing their way out of a pivnaya seemed to be the only ones who had wandered from the habitual conservative pathways. Moralists might argue that temperance is now eas-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:11 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

ily secured by providing recreation or instruction by law. Anyway Kamen was sober, which is unusual after a parade or on Sunday in Siberia whatever the cause.

Homilies on the evils of strong drink are in all the wall newspapers on the river steamboats, indicating that there is both a strong temperance movement and a need for it. The wall newspaper is a development of Soviet Russia with all its abundance of ordinary newspapers. The wall newspaper is designed to satisfy the local or personal needs of a shop office or particular group.

It is the stone-age Daily Dinosaurian edited with modern tools, an entire edition of a single copy. How often it is issued depends on the group. It serves as a means for getting an individual's peeves or praise into print where they will be read by his associates, and at the same time it is the most rudimentary vehicle for getting the politicians' printed message to the worker.

As its name indicates, it is a wall poster. Its form is prescribed and, to a great extent, its contents. Originality of ideas is practically restricted to the personal items. Considerable is there, chiefly complaints about conditions, or personal cracks

Generated on 2022-06-24 07:11 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

at those higher in authority. One day my hotel in Moscow had a suicide, a young man.

"He had charge of the educational work in a factory in the suburbs," the police explained. "The workers kept roasting him in the wall newspaper. It was the only escape."

The heading across the top of a wall newspaper is a drawing by one of the staff, preferably in colors. The conventional Soviet figures always are used but the arrangement may change. Below that, the poster is divided into columns, the reading matter printed with a pen or typewriter. Each poster must prorate its space according to specifications between world politics, domestic politics and local news. An original poem, some jokes and similar sensible suggestions are given to the amateur editors to brighten up its contents. They are enthusiastic if not discerning. One conscientious editor, saturated with the lesson that the proletariat must battle and struggle for something, plodded into verse. "Capitalism" was the only word which would rime and his poem exhorted the workers to struggle for capitalism in the land. He was advised to stick to prose and save his aching head.

The peasant newspapers, one in nearly every dis-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

trict capital to advise on agriculture and politics, supervise most of the wall newspapers. The Krestianskaya Gazeta, published in Moscow, has the largest circulation of any newspaper in Soviet Russia. The peasants' newspapers are not only organs for getting the lesson in agriculture and politics to the peasant but immense organizations for sounding the sentiment of the country. They encourage letters from readers. The few which are printed are paid for. The Moscow peasant newspaper which receives thousands of letters every week, has a staff which reads each one, then tabulates and files it according to the subject. The party leaders can learn by a glance at the weekly report what question is uppermost in the minds of the country, what is the popular viewpoint, and can mould their speeches to meet the pulse of the people.

In Novosibirsk, capital of western Siberia, the government printing establishment publishes two dailies, two weeklies and six language newspapers, in Tartar, Modorv, Latakie, Latvian, Esthonian and German. The peasants' newspaper has a circulation of 60,000, equal to all the newspapers in Siberia before the war. The morning newspaper runs off 25,000, the largest in Siberia, but there are sixteen

Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

other dailies. The news of all is practically the same, furnished by government news agencies, with little local reporting but many political essays of the prescribed formula.

Editorial staffs have been fairly well Fordized as to salaries as well as idea. On the largest newspapers, a managing editor receives $115 a month; an assistant, $105, and a reporter, $75. Each must write twelve articles of not less than 900 words each in a month. Any additional are paid for at a rate of one-twelfth of his month's salary. The comparative market values of articles are: first, politics; second, new ideas, and third, scientific. An editor cannot accept all of his own articles, even if they are on politics, without the approval of the committee. Each newspaper also has a secretary who invariably is a member of the Communist party. What he does not know about running a newspaper, he makes up in party politics and his word is final.

On a river steamboat the wall newspaper is on the lower deck where cargo, crew and deck passengers elbow each other. First-class passengers have a cabin and bed to themselves, can eat on tablecloths which are clean when the voyage starts, and

Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / http://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

get half a paper napkin with each meal costing more than 50 cents. Second-class have smaller cabins, oilcloth around the edge of the table and no hint of napkins. Third-class go ashore when the boat stops, buy their food and eat it sitting in their wooden bunks, while fourth-class stand up and munch sunflower seeds. Food on the shore is cheap and homemade, frequently more palatable than in the first-class dining room and always cheaper.

A typical wall newspaper, under its unchanging colored heading of peasants with sickles, workers with hammers, ships, factories, fields and Red soldiers, leads off with a recital of the real or imaginary troubles of England, France, Germany, Japan and Poland. Then it plunges into the home stuff. The editor for half a column feels that he is not appreciated; only, like all editors, he speaks of a lack of interest in the wall newspaper, which does not come out often enough because of a shortage of contributions. He severely rebukes officials, directors and officers of the ship who do not pay attention to complaints which appear in his columns.

The next half column is illustrated with a long-nosed official profile which was as near to life as the artist could make it. The editor gives names

Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

and dates of this inspector's trip on the ship. According to the vivid details, he was drunk the entire time, boasted that he could beat peasants if he wanted to and made so much noise that other passengers could not sleep—and a terrible lot of noise is needed to keep a Russian awake when he decides to sleep.

Employees of the dining rooms on the ships—they are all privately owned—who are surly to patrons are then given a talking to. The sad case is related of an honest traveller who found a spider (dead and cooked) in his bread, authenticated by a drawing of aforesaid diner holding up the spider between thumb and forefinger. Nothing is said about other animals suspected of being in the bread but not found.

Attention is then given to fellow editors, the city slicker type who have soft jobs getting out illustrated weeklies. It seems they take the hard-earned kopeks of the horny-handed steamboat men who want to laugh at jokes or see pictures of strange scenes, and then do not send the paper. They are warned that they will not get any more subscriptions.

Another anonymous writer has a grievance

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

against one of the pilots, insists that he is old enough to be retired and once was seen talking to a woman passenger. The government has reduced the wages, lengthened the working hours and abolished the winter vacations of pilots and officers, the wall newspaper gives the men the further privilege of berating them, all of which probably helps in the decay of Russia's once extensive river traffic.

Siberia's rivers flow north to the Arctic. As they wind through the populous plains they seem to breathe that bleak unknown, not hinting of the pitfalls beneath their placid surface, floating logs and furtive contrabandists slipping past in the night, always quietly, irresistibly rushing onward to the frozen north, a rippling laugh as they leave behind the stranded ships of steam and steel.

Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XV

SCIENTIFIC FABLES

DISMAL and deserted Siberia's taiga, or forest, stretches for thousands of miles, a belt of fir and birch, southward from the arctic circle to Turkestan. It is unlike forests in other lands, with paths, an occasional road and open spaces of green verdure. This forest is thick and matted, like the bushy hair of one of the peasants on its border, impenetrable, broken by only a lake or river reflecting the sun. The fallen branches and wild shrubbery have accumulated through the centuries. It is a forest primeval which few human feet have ever trod.

Exploration parties go into the taiga each summer as to other unknown lands. They return with marvellous stories of discoveries; strange animals, rich deposits of minerals, unknown rivers and other tales to whet the curiosity of city dwellers. This year's greatest discovery as told to me in Siberia was a lost city, established by the families of

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

the Streltzi whom Peter the Great executed in 1690, still following the customs of those days and not knowing the outside world, or that it had changed. One slight detail, not stressed in the report of the scientists, was that they had not actually seen this fabled city themselves, merely been told about it. While in the woods, an exile, possibly a gold prospector, had come to their campfire one evening and after a meal and other refreshments had told them of the lost city.

Several years previously he had been lost in the taiga with two companions. They had eventually succumbed and been fraternally eaten before he staggered weeks later, starving and almost mad, into a strange city in the forest. It was the city of the descendants of the Streltzi, who through two and a half centuries had nourished revenge against the outside world for the death of their fathers. He was about to be executed when a young woman interceded—sounds like John Smith and Pocahontas—they were married and lived happily for three years. By that time he was so tired of the old-fashioned ways of the lost tribe—no radio, no political speeches, no barbers—that he ran away from his unwashed wife and children.

Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Practically all of the exploring expeditions are under the Russian Academy of Science. They start from Leningrad when the winter snows are melted. Each returns with a story of something discovered, sometimes fact and sometimes excellent fiction, enough to justify the expense account and encourage another expedition the following summer. A party will go back to find the lost city. Another expedition is going after a Tunguska meteor which fell June 30, 1908, and, according to tundra meteorologists, weighs 500,000 tons, lit up the sky for 400 miles and was heard 650 miles away when it landed. It should be cool by now and the scientists add that it is solid gold, platinum and silver.

The railroad which stretches across Siberia cuts a thin line across this storehouse of timber. Rivers, flowing north to the Arctic, make paths which are open for a few months of the year. For a few miles on either side of railroad or rivers it has been scratched. An occasional clearing with a log house, sometimes a fence, are the only inroads which man has made. Cities along the railroad are far apart only at junctions with a river, for rivers continue to be the principal arteries of travel. In between, nestling in the continuous curtain of trees, may

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:12 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

come a cluster of houses which is termed a village but too small to show on any map, then a few scattered huts, a muddy road appearing for a few miles and vanishing into the tangle of underbrush, and all else the solid wall of vegetation, dripping, cold, dismal and dark.

Taiga is also the name of a city and railroad station where a branch road runs to Tomsk. From Tomsk a weekly steamer goes north to Narim, 308 miles in 40 hours. That is the last stretch for hundreds who are exiled to this lonesome, swampy settlement in the taiga. As an exile district, Narim is new since the revolution. The big concentration base at Perm, towards the eastern frontier of Europe, is even newer, being completed this year. Soviet society in theory will improve until there is no longer need for prisons or exile, but up to the present all the old prisons have been filled to overflowing and more are needed.

The places of exile in Siberia have changed, but the system continues. Formerly the same class of exiles who now go to Narim went to Yakutsk. Narim is nearer to European Russia, transportation is cheaper and quicker. It also is farther from any frontier and escape is more difficult, though

Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Russ-Photo

Fine Buildings at the Mouth of the Ob

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIV. OF MICH.

Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

comparatively few of the present political exiles attempt to escape. Their maximum term is rarely more than 5 years, usually 3, and they look forward to the time when they can return to Moscow without molestation.

Possibly the present rulers of Soviet Russia feel that the old exile districts which were favored by the Czar have been hallowed by the memories of the thousands of revolutionists who wasted the best years of their lives in those comfortless surroundings. They may not want these memories contaminated by the presence of those now being exiled because their political opinions, or personal ambitions, differ with those of the present rulers, as theirs differed with the Czar's, or for merely having names or memories of titles which might justify a suspicion that they are willing to plot. Most of the present government officials have done their years of exile and know Siberia. They also may have picked better places from the standpoint of punishment, solitude and mental stagnation.

Those who know their Siberia say that the exiles sent to the Narim region are comparatively fortunate. Obdorsk, 30 miles north of the arctic circle and a hundred miles from where the mouth of the

Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ob flows into the Arctic Ocean, is worse. They come by train to Tumen, either a slow special train of "hard" cars with barred windows or a few cars attached to a freight train and guarded by soldiers. From there they go 275 miles down the Tobol river to Tobolsk. When enough are assembled at Tobolsk, if the rivers still are open, 1,000 to 1,500 are loaded on barges and started on the slow 963 miles down the Irtish and Ob to Obdorsk.

Under Czarism the political offender might be condemned to labor in prison, mines or forests. Enforced labor has been abolished except at Solovetsky in European Russia. Solovetsky was a prison before the revolution, an island in the Gulf of Onega off the White sea, a former monastery converted into a prison for church offenders. Now it harbors 12,000 counter-revolutionary offenders and criminals, no political business, shut off from the rest of the world by impassable ice for eight months every year.

The new method may be kindlier than the old; Solovetsky is the most dreaded of all the exile destinations. In Narim, Tobolsk and Obdorsk, they are turned loose to shift for themselves. Some are permitted to live in the towns, others at designated

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

places outside. Theoretically none is permitted to wander more than 10 miles from his residence. Narim is populated and the peasants need workers. Tobolsk also has its little farms and those who have friends or relatives who will supply funds can live without work on from $10 to $15 a month.

Obdorsk is beyond the limits of agriculture, beyond the outskirts of civilization, on the edge of the tundra, the impassable swamp which stretches to the Arctic sea. A prison post, a radio station, cargo warehouses for the ships which can come through the Kara strait during four weeks of the year are all. The exiles must shift for themselves with the filthy Samoeds, prey to leprosy, syphilis and a special disease of their own which is fatal in two years; those yoorts are the only habitations in that bleak, unsheltered north. Some are sent far from Obdorsk and its fragment of civilization.

If they have no means, fellow exiles may help them from their own scanty funds. Exiles are of all ages and stations in life though those who are old and weak rarely are sent to the rigorous north. The young and the proud go there, for the north holds refinements of punishments and degradations which are worse than the rigors of climate. For

Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

a person who has known cleanliness, decency or comfort, life in a Samoed yoort is a living, if not an actual, death sentence. A former title of princess, a bourgeois family name or some other accident of birth or friends, is frequently sufficient to doom a boy or girl to such a life. At least one former princess, a mere girl, is living in such squalor and depravity.

The taiga, dripping and dark, is dismal as the train passes between its walls for hour after hour, but beyond is the tundra, bleak, barren, desolate, a swamp in summer and snow-swept ice for nine months of the year, its only ray of hope that Moscow may be seen again.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER XVI

IRKUTSK, THE FALLEN

THE six Red army officers burst into vociferous applause at the last song. The izvostchek as he drove me from the railroad station had proudly replied that Irkutsk had two good restaurants. Then he added that one was closed but would be open "nandnyiak," some of these days. Consequently I went to the "Palermo," which was not only open but noisy. The song had described a commissar who displayed a long official document giving him authority to commandeer railroad trains, take buildings for his own use, shoot enemies of the republic and otherwise disport himself as an absolute monarch. The chorus related that he landed in jail, despite the documents. Hence the applause—by the army.

"Such songs are forbidden in Moscow—we are more free in Siberia," a man at my table explained.

"Did they sing such songs about officials in the Czar's time?" I asked.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:13 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

"I think not, I should say not," he replied in an awed whisper. "But this song is about a commissar of 1918," and he tactfully added, "perhaps they would not applaud so loudly if it referred to one of the present commissars."

The orchestra was wheezing into action again and the pair of vocalists returned with an encore of six verses about the Living church, particular protégé of the Soviet government. Its gist was that the church was so hard up for members that any who joined were permitted to do anything they pleased. More enthusiastic applause by the audience, not oversensitive to good-natured jibes at its government.

In Irkutsk, the booted, flannel-shirted youths and their fair companions with kerchiefed heads gather of an evening in the first (and only) restaurant of the local cooperative to stuff themselves with "perichok" just as the gilded youth in other lands flock to the soda fountain of the corner drug store. A "perichok" is a handful of chopped meat or cabbage surrounded by dough and then boiled in grease like a doughnut. It is palatable when hot and sits on the stomach with the assurance of a sack of sand.

Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

The local Irkutskians go to their "perichok" as a sophomore to his hot cakes. To see a pair flanking a table and a plate heaped with twenty of these fried ballast bags and two bottles of beer is a touching testimonial of Siberian stamina. Ordinary persons eat them only when travelling, during those moments when the train stops and everybody dashes for the line of waiting peasant women, grabs two "perichok" in one hand and a bottle of milk in the other and saves himself from starvation until the next station is reached. In Irkutsk they are eaten for pleasure and have a social standing.

Irkutsk is only a ruined shell of its former glory when it was the proudest city in Siberia. Once it was the goal of those long caravans of exiles which tramped across the 3,300 miles from Moscow, even after the railroad was finished. Alexandrofsky prison, just outside of the city, still is one of the largest in Russia and there they waited to be sent farther to the frozen north. The city grew into one of the finest and prettiest east of the Urals, with imposing churches, paved streets, broad boulevards and good hotels.

Now all these are ruins and falling into decay. A canvas sign across the sidewalk in front of the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:18 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

State Bank of the U.S.S.R. says "Gold Bought Here," for Irkutsk is on one of the routes to the Aldan. It might be a city starting to grow with a gold rush instead of one which has lived and died.

It has never recovered from the fighting of 1919, when it was bombarded by the Bolsheviki in pursuit of the retreating Koltchak. The royal court which England and the complaisant Allies, backed by ruthless Cossacks, attempted to set up in the Siberian steppes, melted before the untrained pack flying across the snow on sleds. At Irkutsk, Koltchak's Czech allies delivered him to the Reds, report says for a cash payment of $500,000, and a few hours later the former admiral and his prime minister were before a firing squad outside the city.

Blackened and crumpled walls and bullet marks on every building on the main streets are the mementoes of these events of more than eight years ago. Buildings that burned have not been rebuilt, nor has plaster or paint covered the bullet marks on others. Even where the tiled floor of the post office has worn away, rough bricks have been tossed in like repairs on a country road.

From that time Irkutsk has steadily decayed. New signs are over the larger stores and public

Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

© Burton Holmes

Church and Street in Irkutsk

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

buildings, but they are merely a change in proprietorship. The buildings are more dilapidated, the stocks of goods are smaller and the dust in the windows is deeper, loosened planks in the worn sidewalks have been kicked to one side instead of being replaced, the missing cobblestones from the street pavement have grown into holes over which droskies lurch like boats in a storm. A thinning stream of traffic pays 5 cents to cross the unpainted weather-beaten pontoon bridge which during the summer spans the swift Angara between railroad station and city. Dilapidated wrecks of the boats which once dotted the river are pulled up on shore. Over all is the breath of decay.

The chairman of the executive committee suggested that the brewery and a leather factory several miles from the city might be visited. They are about the only activities of the local government.

"Alexandrofsky prison is the same as before the revolution, see it," he said. Having a theory that prisons and cemeteries should not be visited voluntarily, I declined the invitation. They could not be worse than Irkutsk itself.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER XVII

BAIKAL BUNK AND BOUNDERS

AT 1 A.M., three passengers got off the local at Lake Baikal station, two disappeared down the hillside towards where the smooth lake was stretching to infinity under the moonlight, the red tail lights of the train vanished around the curve and I was alone in the darkness. Down the track a dozen bobbing lanterns were approaching. They materialized into as many women bundled like goblins, each carrying a lamp in one hand and a square wooden tray under her arm. They chattered past, discussing their sales, for a Russian traveller will wake up and eat hard-boiled eggs, suntanned sausage and other valiant viands at any hour of the night. The galaxy of lights faded around a curve in the opposite direction. I groped my way into the little station which seemed to perch on the outside of the curving track where the Angara and the lake join before the railroad starts its long swing around the south end of Baikal.

Generated on 2022-06-24 07:18 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020074048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"We have a room here in the station for travellers," was the natchalnik's assurance, comforting until he added, "but it's used for other purposes."

"Please come to my house, it will be a pleasure for me to give you a place to sleep," he announced.

In Irkutsk, Tovarish Melnikov, who is secretary of the district committee and informed on the local sights, had advised going to Lake Baikal to see the gold mines and state game farm a few miles north of Liztvennitza. He sketched a two-hour delightful trip by rowboat along the sylvan shores, a return to the village for the night and a four-hour row across the lake the following day to catch the train at Sludyanka. He promptly signed letters of introduction to station agents, village soviets and others likely to be handy.

After being coached on neighborhood sightseeing by local Siberian officials, it is easy to conclude that they actually believe their own glowing reports about conditions in the country—they are so sincere but so wrong about things which are right under their noses. In Novosibirsk, one enthusiastic official described a beautiful lake in the Altai mountains a few hours' walk through the pine forests from Chamal. In that village the lake was

Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

known. With a good guide it might be reached on horseback in two weeks provided nobody tumbled over one of the numerous precipices or was killed by bandits. In Chita, the secretary of the executive committee insisted that I visit the museum "right around the corner." I did, but the museum had been closed for three months.

This morning when I enquired of the local citizenry about the highly recommended gold mines, they admitted there were mines. They had not been worked for years. A deer and some foxes might be in the game farm, but it was a dangerous trip in a rowboat, even hugging the shore of the lake. The four hours' row to Sludyanka was mentioned and they courteously averted their faces to smile. Between Baikal station and Sludyanka are 60 miles of water.

"The man who can row that in four hours hasn't been born yet," one boatman affirmed. "Anyway few people take the risk of trying to cross the lake in a rowboat even in summer. It's dangerous enough in a steamer. This time of year nobody ventures far from shore."

A characteristic of this temperamental lake is that it may be as smooth as glass when a pleasure party

Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

starts from shore and half an hour later be a raging sea. It is credited with being the coldest lake in the world, so deep in spots that the bottom has never been found, and for its size the highest above sea-level. The further observation of the village geologists is that it starts freezing at the bottom and the ice comes to the surface, instead of starting at the top as a well-behaved lake should, and that an underground river connects it with the Japan sea, 2,000 miles farther east, which explains why no bottom has been found.

In the moonlight it was as peaceful-appearing as a gunman in a dinner jacket. The station agent spread his sheepskin coat on the floor of the dining room. He disappeared again and found two blankets and a sheet. Another trip brought an assortment of clothes which he bundled up for a pillow, wrinkled for hospitality. In the morning a drizzling rain gave promise that the lake intended to cut up. The eastbound fast train was due. There would not be another for two days—too much time to devote to seeing a fox and possibly a deer in a coop.

The station agent said the train was usually late and he would telephone to Irkutsk and see if they would stop it at Lake Baikal for a cash passenger.

Generated on 2022-06-24 07:14 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

To-day it was only 1½ hours late and had left Irkutsk. More telephoning followed to get authority for him to flag it. Apparently a conference in Irkutsk between high officials was necessary for such a momentous event. However, the authority came, accommodating to foreigners as usual. He went home, put on his trousers with a red stripe, took the red cap of authority off a hook and stuck the red and green flags in his boots. The local policeman who had started to take his wife fishing, rowed back to shore and materialized in similar glory. She was just as well pleased.

Far in the distance, the train could be seen circling the right bank of the Angara. It popped out from behind a jutting rock, the engineer, already late, not looking any too pleasant at the waiting passenger, paused a minute and was off again on the long circle around the end of the lake. As the train slowly skirts the shores of Lake Baikal, that fathomless stretch of water appears and disappears as if seen through a series of giant windows. No spot along the rocky west side of the lake where a tunnel might be plastered onto the side of a cliff was overlooked. In some places not finding anything to bore through, they built tunnels, mere sheds of stone

Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

and mortar, which stand out at varying distances from the rock.

Later when the road was double-tracked the tunnel building enthusiasm had been dampened by the prison sojourn of the earlier contractors. The new line has fewer. While the eastbound track is a continuous succession of light and darkness, the westbound, only a few feet away and in many places separated only by the wall of a hand-made tunnel, skirts the open shore of the lake for most of the distance. Trainmen say there are forty-eight tunnels, each varying in length from 20 feet to half a mile. I counted fifty-one in 133 miles and quit. The road itself does not know how many tunnels it owns.

The old ferry barges on which trains formerly were towed across the lake in summer, big as floating drydocks, are tied to the banks and falling to pieces at Baikal station and Tankhoi on the opposite shore. The ferry crossed the lake 27 miles in 2 hours. The fastest trains, three times a week in each direction, now circle the end of the lake—145 miles—in 5 hours, 20 minutes, a considerably longer time. In winter tracks were laid on the ice and the little freight cars were pulled across by horses. Loco-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

motives were not trusted to the ice and passengers crossed in sleighs.

This was the weekly Manchuria train, already 2 hours late, too far behind to make its Harbin connection, and a few more hours did not make much difference. At Myrina, which does not appear on the timetable, the engineer stopped while the conductor bought a young eagle from a boy for 30 kopeks. He hoped to sell it to the Moscow zoo for many roubles. A sailor tried to flip on while it was crawling around another of the endless curves. Another stop was necessary. The outcome of the ensuing debate was that he had violated the umpty-umpth decree of somebody and should be arrested. He was taken aboard and carried to the next station, by which time it had been decided by further debate that he should not be arrested but should be put off the train. As that was his station everybody was satisfied.

"Dinner will be ready at 3 o'clock," the dining-car conductor announced, a cigarette in one corner of his mouth. The cigarette never was missing except for the few seconds necessary to light a new one.

The old Wagon-Lits dining car was operated by

Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Lake Baikal in the Moonlight

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-23 18:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

the state. The less pretentious old Russian dining cars are on the Vladivostok fast trains and operated by private leasors. They are an illuminating contrast between state and private ownership. The privately operated cars encourage the sale of food and drink and are well filled with patrons through the day and most of the night. The state-operated cars merely provide rolling boarding houses for a staff of employees who are annoyed by occasional patrons. Smuggling between the Chinese frontier and Moscow is reported as a profitable sideline.

The train made a long stop at Sludyanka and most of the passengers who had several days' experience with that dining car bought their food from peasants with baskets. The famous Siberian marble quarries are nearby. Boys were on the platform selling chunks of Mica. A piece was purchased to donate to my Moscow hotel, which had not repaired the doors in its six bathroom stoves for two years.

The train was moving again and at 3 o'clock a hungry passenger entered the dining car. I should have known better than either to expect the meal to be on time or to disturb the state employees. The conductor, the cashier and the two cooks were smoking and playing cards at one of the tables. A

Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

waiter came up, so surprised at my request for dinner that he removed the cold and empty tea glass of a previous visitor and brushed the bread crumbs off the spotted table cover. He disappeared.

"Dinner's not ready," the conductor shouted down the car, between two puffs of his cigarette and without glancing up from his game.

"You wrote 3 o'clock on the slip you gave me."

"That's Verkne Udinsk time," he vouchsafed after playing a card and more puffs of smoke.

"Well, it's 4 o'clock now by Verkne Udinsk time."

He did not reply. He should have said Krasnoiarsk time, which had been passed the previous day. The other players muttered their annoyance. More hungry passengers arrived, the conductor shouting that dinner was not ready. At 3:30 the game broke up. The two cooks disappeared; the conductor retired to his private table with the deck of cards, got out a new box of cigarettes and started to ruffle the dead bottles and glasses from the tables, brushing the breakfast remains off the paper table covers onto the floor.

At 3:30 a plate of soup appeared—greasy hot water poured over cold pieces of fish which had

Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

been cooked earlier in bulk. The next course was pre-cooked cauliflower warmed with a sauce of unknown texture. Roast veal, cooked weeks earlier and now dry and hard, smothered in warm brown gravy, without vegetables, was the main course. A compote of dried fruit completed the hurried meal. The price was 1.75 roubles. Drinking water, butter or a napkin cost extra. A privately operated car, despite the heavy taxes to force iniquitous private business out of existence, serves a better meal for 1.25 roubles.

At 9 o'clock the next morning, when the dining car was expected to be open, the crew was just getting up, frowzy and unkempt. At 9:40 the door was unlocked and passengers were permitted to enter and wait until the water was hot for tea. Government ownership is a great economy for the public in theory, but the crudest exploitation of the public in practice if the state dining cars are a criterion.

Privately operated cars frequently have diversions. One memorable dinner started with soup—all do in Russia. Across the table, a traveller snared a hard, tan object which was neither carrot nor potato. A deceased waterbug nestled in his spoon, a

Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

bedraggled fairy in a seashell. He scowled. The waiter looked serious.

"A bug!" the diner exclaimed.

"A bug," the waiter echoed.

"In the soup!" with some spirit. He understood enough Russian to know that it was not in the highly assorted components of soup—outside of China.

"But it's a flying bug," the waiter explained, satisfied with the solution. He spread it on the palm of his hand and hurried to the cook. The diner finished the denaturized "krestyanski" without further discoveries.

The next surprise, to the same diner, came with the salad. Instead of jostling the buxom dishwasher, he should have been more deferential when he passed her in the alleyway abaft the kitchen. He was a haughty Norseman, not one of the proletariat. A revengeful cook can scorch the steak but a dishwasher scorned cuts the salad. In the dim light, a beautiful confection of tomatoes and lettuce appeared. He deftly speared a tomato with a fork but it did not connect. On top was a hard thick slice of pink soap.

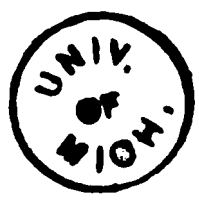
The diner roared. The waiter shouted that an

Generated on 2022-06-24 07:15 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Rotting Dock and Breakwater at Baikal Station

Generated on 2022-06-24 07:16 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

enemy was trying to ruin him. The fat Georgian concessionaire dashed down the aisle from his counter, visioning a protocol and the loss of his concession, offering 100 roubles reward for the perpetrator. The soap was returned to the kitchen, the salad eaten. A Soviet dining car furnishes much which is not on the menu.

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XVIII

SIX YEARS OF PROGRESS

EVEN in Siberia, where a restaurant with a tablecloth is a novelty, a napkin is a threadbare souvenir of a departed past and dining with or without a hat is entirely a matter of individual preference. There are certain Marquis of Queensberry rules for contests in the eating arena. A Siberian deftly spears, with his fork, the chunk of meat which is in every bowl of Russian soup, drops it into his soup plate with a daub of mustard, and later pours the soup on the remnants of meat and condiment. A Russian ladles all into the soup plate at once, and finally, with knife and fork, cleans up the plate with the piece of meat.

These are merely local customs. In Obina the nuts come first and the soup last, while on the other side of the Pacific the order is reversed. In Japan, the well-bred dinner guest inhales his soup or tea with gusto, the amount of noise indicating the degree of appreciation. The ever-cautious Englishman dissects a doughnut with a fork but the free son of

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Montana scorns machinery for a slab of pie. Such variations do not score as social errors as happened at the railroad station in Verkne Udinsk. The train arrived three hours late. It was dark but the all-prevailing stink was the same as when I was in Verkne Udinsk 6 years ago. I knew where we were.

Everybody rushed for the little station buffet. It was awaiting the crowd. In the center of the counter were four small plates with an assortment of sliced tomatoes, ham, smoked herring and potato salad. I took the dish of tomatoes, beat a Chinese passenger to a seat at a table, sidetracked a dish of soup from a passing waitress's trayful and ordered mutton goulash. A venerable Buriat in a gaudy red robe and high black turban, gently protested in a language I did not understand, shook his head sadly, and returned to his duty of watching the counter. He had other troubles, chief of which was to find a German commercial traveller who left the train at Verkne Udinsk and instead of coming into the buffet as all travellers are expected to do, had wandered away in the crowd.

Two bells were rung on the station platform. The waitress started collecting for the food. My check was for 30 cents, bread free.

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"But she's forgotten the tomato salad," I explained.

"Never mind the salad," my neighbor advised. "There's no charge for that. It's the zakuska. You walked away with it."

The indictment was as stated. Closer inspection showed that the dishes suspected of being salad were merely the skirmish outposts for a line of empty glasses varying in size from an ordinary wine glass to a water goblet. Farther in the rear, but out of reach of customers, was the main offensive, a row of vodka decanters. The procedure was to purchase an appetizer, selecting a glass whose capacity was in ratio to the traveller's frigidity, and eat a few pieces of the zakuska before enveloping the vodka in one swallow. Small wonder the venerable Buriat was surprised and sad. However, I had a salad, the only one I found in Siberia. Vegetables, especially uncooked, are not highly esteemed as food in Russia.

When I was in Verkne Udinsk, 6 years earlier, the railroad yards were full of box cars in which several thousand persons were living. The remnants of a Chinese army which the insane Baron Ungern von Sternberg had driven out of Urga were going eastward and hundreds of civilians were waiting for

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

permission to cross the frontier westward into the Russian Socialist Federated Soviet Republic. Verkne Udinsk then was the westernmost station in the shortlived Far Eastern Republic.

The emigrants had come from many lands, hundreds from the United States, returning to their fatherland, now that Czarism had fallen. Others were strangers, workers from the United States and Canada, lured by hope of a new Workingman's Utopia, loud in their denunciations of the capitalistic countries which they had left and extravagant in their praise of the conditions which they were going to find in the new Soviet republic. Those returning to Russia after years in the United States —one man of 70 had been there since a young man—did not have the bitterness of the young enthusiasts against America, only a hope that Russia would be as good a country for the workingman as the United States had been. To-night all were scattered and time had told whether their dreams had come true.

The railroad yards again were filled with cars, new ones from the shops and others loaded with grain. That and the smell were all that was familiar. The genial old Chinese with a young red-haired

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Russian wife, his rickety beds in rooms with doors that would not close comprising the only hotel, has retired either from affluence or competition. Verkne Udinsk has livened up as the capital of the Buriat-Mongol Autonomous Republic. Then it was a sort of frontier, the last stop before Soviet Russia, at that time a land of doubt, its streets filled with Red infantry and Cossack cavalry going to annihilate Ungern and his bandits across the Chinese frontier to the south.

Verkne Udinsk is now a base for the Soviet's new political policy in China. Some say it is merely a continuation of Russia's traditional imperialistic policy, ever stretching eastward and south, penetrating farther into Asia. An aeroplane service connects Verkne Udinsk with Urga, now rechristened Ulan Vator, capital of a Mongol republic with an ambassador in Moscow, its patron, the Union of Soviet Socialist Republics, being the only nation by which it is recognized.

Farther west, also south of the border, is Tannou-Touva, another Soviet established republic on Chinese soil whose nomad diplomatic corps has no place to go except to Moscow. If not the smallest it certainly is the least known republic in the world,

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

about 60 square miles in area with a standing army of 160, uniforms and equipment a present from Moscow, a dependable army until the uniforms wear out.

"Just a holiday," said the izvostchek who drove me from the station in Chita, down a street with all stores closed.

"But what holiday?"

"Don't know, just a holiday," he repeated.

"Children's day," explained the waiter in the town soviet's restaurant, noticing half a dozen little girls in their Sunday frocks.

"Stalin's birthday," the proprietor of the garden restaurant insisted, suggesting that a libation of vodka would be a fitting observance.

"Some church day," the secretary of the local committee explained. "Anyway it was postponed from two weeks ago and I don't know what holiday it was."

I never did find out who was to be thanked for that holiday either on account of his birth, political deeds, or something else. Anyway, as school started the following day, it might be called children's day, for they were out for their last romp. All adults paid 15 cents to enter the public park, a venerable

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

teacher with a Caucasian embroidered skullcap and unimpaired lungs marshalled the youngsters for games in the arena, and a free performance of "Little Red Cap and the Bear," a Russian version of "Little Red Riding Hood," was given for their benefit in the old wooden theater.

Children's day recalled another children's day, when I was in Chita 6 years ago. On that day, they had a parade, one of the saddest parades ever seen. It was led by a soldiers' band in ragged uniforms of many styles, their battered brass keeping up a cheerful tune, the only cheering note to the column. After them came the children; few of them had shoes and those were patched and cracked, dresses clean but old, clothes which showed they had served for several years while young legs and arms were growing, thin faces marked with worry and hardship, for food was not plentiful in Siberia in those days. Few of the teachers or mothers who marched with the column wore stockings. All they could spare had been sold in the baraholka to buy food.

Semeniov, taking the Czarovitch's title of Attaman of All the Cossacks, had lived at Chita while his soldiers devastated the country and his armored

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

trains rolled back and forth picking up women and girls and shooting up American camps. By presents of diamonds to the men and silks and jewelry which had been taken from his victims to the women members of the American Red Cross, Semeniov so controlled that organization's relief work in Siberia that it was directed by his mistress, the Harbin ex-cabaret entertainer, Masha. After he seized the Kappel gold, an American physician, particular beneficiary of the jewelled largess, took Masha and the loot to China and safety on an American Red Cross train. With a Semeniov medal for bravery and three inches of ribbon as the standing price to a Red Cross colonel or lower rank for each carload of relief supplies delivered to him for private sale in the market, his Cossacks picking the population bare of anything of value and he obeying the orders of Japan alone of the Allies, Semeniov fattened in Chita until he fled in an aeroplane from the advancing Bolsheviks and peasants.

The scars of his scourge remained. In the big well back of his headquarters were the bodies of men, women and children who had been tossed in alive, and mules driven on top of them. On the outskirts of the city bodies were being dug up and

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

given decent burial of more victims who been shot and hastily covered with sand.

Chita's daily entertainments were not frivolous. It then was the capital of the Far Eastern Republic which lived for a year in a vain hope of recognition by outside powers before it was merged with Russia. Those were perilous days. Ungern, Semeniov and other ruthless raiders were threatening its borders while its villages had been devastated and its railroads and factories wrecked by the years of fighting. In Chita, the public food station with its daily dole of soup and a piece of black bread was saving 5,000 from starvation. That children's day was set aside for the workers, of whom there were few, to contribute a few kopeks to help the little ones. Only the railroad was working. Bill Shatov, once an I.W.W. organizer in the United States, was minister of communications.

Children's day this year was different. The old public food station is now the municipal restaurant, clean and crowded at noontime, stacks of fresh white bread on its tables, the first good bread I had eaten during more than a year in Russia. The children did not parade, but they were in the streets, healthy, noisy, well fed and well dressed,

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:40 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

— Bolshoy Prospekt, Chita, is a Boulevard of Shifting Sand —

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:17 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

with fathers and mothers who showed no signs of want. Silk stockings covered many legs which were bare 6 years ago.

Chita's streets still are shifting seas of sand, but a start has been made towards paving one street. Samsonovitch's four-story hotel, store and theatre, which once was the largest building east of Irkutsk, still is a ruin of blackened walls. The railroad administration continues to occupy the once fine Victory building, now falling to pieces, shabby, dirty and unpainted, with rough boards nailed across the broken panels in the front doors. On the main street is a clean little store with a sign in front announcing that it is "owned by the former employees of Vtorov's," all that is left of the once pretentious mercantile establishment, memory of the days when "Vtorov's" was over the largest store in every city of Siberia.

For this evening a concert was advertised in the Workers' hall, named Lunatcharsky—Lunatcharsky, meaning "moon magic," suggests a saint of the dance—but the hall was named after the learned Lothario who is minister of education in the Russian Socialist Federated Soviet Republic. It was followed by a dance which still was going strong at

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:18 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

3 A.M. Coming from Moscow where dancing is frowned upon, if not actually forbidden, such levity seemed unusual. Chita always liked its dancing. Even when it was hungriest, a persistent four-piece orchestra never was absent of an evening from the cracked and crumbling cement dance floor in the public park, crowded with couples making further inroads on their well-worn shoes.

"Dancing every night until 3 o'clock, only tonight we don't compete with the concert," the fat girl selling tickets to the municipal park announced.

"But it's stopped in Moscow," I informed her, thinking that word direct from the seat of government might be impressive.

"Only cold weather stops it here," she replied and a couple of soldiers laughed heartily.

It does get cold in Chita—60 below zero—which may discourage outdoor dancing. It is far from the capital with the party fetiches and orators reeling off words like automatic phonographs. Private business pays its taxes and prospers. The private restaurants are cheaper and their food is better. The state has the largest building for its hotel and pays little rent. Seasoned travellers patronize the private

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:18 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

hotels, cleaner, cheaper and run for the accommodation of guests rather than to support political appointees. State business must fight to meet the competition, even with the handicap of taxes and official interference.

Generated on 2022-06-24 07:18 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XIX

PETER PAYS PAUL

A VAUDEVILLE team which possibly was resigned to a continuous residence in Siberia was showing a skit called "Gostorg," meaning State Trading. It was a laughable act when I saw it a few evenings ago but so far out of harmony with the sacred principles of Soviet economy that some sensitive critics might call it counter-revolutionary. One man strolls onto the stage from the wings, carrying a bottle. In the midst of his monologue, his teammate appears from the opposite side, also with a bottle, and the discussion starts:

"What have you in that bottle?"

"Kvass [the popular soft drink of Russia], and what have you in your bottle?"

"Lemonade. I'm selling it for 5 kopeks a glass."

"My kvass is 5 kopeks a glass. I'm looking for customers."

"I've 5 kopeks. Here, give me a glass of your kvass."

The lemonade dealer drinks the glass of kvass and

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:18 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

smacks his lips. The kvass dealer watches him enviously. He puts the 5 kopeks in his pocket. More dialogue follows.

"Here's 5 kopeks; give me a glass of your lemonade," the kvass dealer finally says.

The transaction is completed and the lemonade dealer has the 5 kopeks back in his pocket. More conversation and he buys another glass of kvass. The 5 kopeks goes for another glass of lemonade and so on until both bottles are empty and only 5 kopeks has changed hands.

"I've sold all my kvass but I haven't any money," one of them protests.

"My lemonade's all gone and I've only the 5 kopeks I started with. And my trousers are worn out from passing it in and out of my pocket."

"So're mine. Who'll we get another pair of trousers from? Dunno, do you?"

The government transportation system may exemplify the two soft-drink dispensers. About 25 per cent of the passengers on the trains pay for their tickets, the others ride on passes, issued at the request of some government department and charged to that department. The weekly Moscow-Vladivostok express, with a run of 5,831 miles in

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

10 days and 2 hours, frequently does not carry more than $500 in cash fares.

Most of the passes go to the personnel of the people's commissariat of transportation. Each worker, which is a lower classification than employee, is entitled to two passes annually for himself and each member of his family. If he lives in Vladivostok, he can go himself or send any or all of his family, twice each year, to Batum via Leningrad and return, a distance of 17,600 miles, more than 30 days of continuous riding. Not many indulge in such a long rolling spree; nevertheless the wives, daughters, cousins and sweethearts who commute over the 5,831 miles between Vladivostok and Moscow practically fill the "hard" cars.

Though the free passes are unlimited, possibly they are not such a total loss as might appear on the surface. The railroad worker's wage is low, many receiving $17.50 a month in addition to quarters. Giving the family a couple of free rides each year and an opportunity to see the country is part compensation. The passes charged to other branches of the government, making an impressive showing in the transportation commissariat's total of annual receipts, may amplify the trick of taking money

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

from one pocket and putting it in another, but the practice has an indirect advantage for the travelling public. If the trains were not filled up by pass holders, obviously only one-fourth as many trains would be needed or available for cash passengers. A train which now runs weekly could run once a month and satisfy the patronage.

The paying passenger usually fails to appreciate a system where trains and steamboats are not run for revenue. In Moscow, he may order his ticket a week in advance but he will not receive it until the day the train leaves and it is known how many places will be left over after all the "deadheads" have been cared for. Possibly there will be none and he can wait another week. Taking an express train at intermediate stations is more of a gamble. Not only the pass holders who have preference are there but the stationmaster does not know how many places will be vacant until he receives a telegram from the train conductor, a few hours before it arrives. Half an hour before the train arrives the ticket office opens, usually a round hole in the wall no larger than a saucer, and the riot starts.

The waiting crowd, some of whom may have been living, eating and sleeping on the station floor

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

for days, rushes the window. The harassed natchalnik, who has been besieged by requests for tickets, gives a sigh of relief, puts on his red cap and goes out on the platform to receive the train, his troubles over until the next train is due. There may be 200 who want to go, 40 places on the train and 35 of these preempted by individuals who have a pass or "pull." The first five who have stood patiently in line for hours get the surplus places and the cashier slams his window and turns down the others as coldly as a pay-car passes a wayside tramp. They can take a local train which is not so crowded and more leisurely, very leisurely, with many stops and changes of fares.

Strange as it may seem, the Good Samaritan ready to help the stranger in a strange land at every station is the agent of the "gay-pay-oo," the often dreaded political police of Soviet Russia. In my 10,946 miles' jaunt, I did not find one, though they were approached at many stations, who was not courteous, efficient and ready patiently to listen to the traveller's tale of woe. There was the invariable "Show me your documents, please," and my name went down on the stationmaster's list of those who surely would have tickets for the next train.

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XX

AMUR SILHOUETTES

"WE'VE only seven knives on the ship and one of you must wait," Galyia explained to the eight passengers who flanked the table in the dining room of the good ship Kommissar which plies the Shilka and Amur at certain seasons of the year. In the christening days, Galyia may have given promise of being a dove as her name indicated. But at 16, already a Soviet grass widow, her lines were those of a plump duck, snub nose, twinkling blue eyes and straw-colored bobbed hair. For the occasion she had brushed the mud off her bare legs and wedged two broad feet into sandals. An hour earlier as the steamer left Stretinsk she had taken each passenger's order from an imposing menu of mutton chops, steak and cutlets.

"You'll have soup and golubitzi for dinner today," she now announced. The seven knives explained the situation. Golubitzi is hash, cooked in

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

cabbage leaves. The menu on subsequent days consisted of bitki, beef Stroganov, Chinese goulash and other imposing dishes, all beef hash camouflaged under different names. As many as seven knives are not needed for soup and hash.

"You must wait for your tea," was Galyia's next information when the hash was disposed of. "The crew is still eating and I can't have the samovar. This is a tovarish boat."

"Our steamers are the newest and finest on any river in Siberia, clean, with big single cabins, fine buffets with excellent food," the agent in Chita had announced when he sold the ticket two days earlier. "The train from here gets you to Stretinsk at 10 o'clock in the evening, and stops right alongside the pier, only a few steps from train to ship."

Possibly that agent had seen only the gaily colored lithographs of the Amursky Government Steamship Company, but more likely he was a deliberate fictionist like other government steamship agents. Anyway passengers when they finally find the ship will be too far away from Chita to return and massacre him or get their money back.

The 10:20 A.M. train from Chita arrived at Kuenga at 6:35 P.M. the junction for the river

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

port of Stretinsk. The mixed train for Stretinsk would leave at midnight and might arrive there at 2 A.M. The station agent said passengers could not get aboard the train unless they had tickets and no tickets would be sold until half an hour before the train started. Kuenga is a village of scattered log houses, one phonograph, one railroad station and much outdoors. The village went to sleep and the outdoors was cold and lonesome. Patient passengers sat on the station steps and shivered or slept with their baggage.

Another train passed through, leaving two "hard" cars which were to be hooked onto the local train for Stretinsk whenever it arrived. Discreet scouting without arousing the curiosity of the other chilly watchers, disclosed several vacant places in the two cars. I optimistically suggested that I take one of the empty places, sleep being the most entertaining prospect which Kuenga offered.

"Against the rules," the station agent replied. "You haven't a ticket yet."

The gloomy car provodnik voiced his approval. Four hours must elapse before the majestic opening of the ticket wicket. The soldier on guard in heavy marching kit with a bayonetted rifle in front

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

of the station was more sympathetic. Once satisfied that I had no scruples against disturbing such a high official, he cheerfully agreed to summon the local "gay-pay-oo" agent. He disappeared down the tracks on a trot and up the hill towards the rows of railroad workers' houses, his artillery rattling like a rolling kitchen.

"Is there an empty place in the car?" the young agent inquired after the situation was explained. He showed no annoyance at interrupting his meal and coming to the station.

"Have you a ticket?" was the next question. I did not, but would buy one later.

"Nietchevo, we'll see," he said, starting for the car. I followed with my suitcase. Two provodniks, that many apparently being necessary for the little car, were brewing tea. The "gay-pay-oo" agent quietly suggested that I have one of the empty places. One of them grumbled. He patiently explained. The grumbling continued. It seemed annoying.

"When I tell you something, the only thing for you to do is to do it, and no talking," the agent declared.

The conversation stopped abruptly. The two

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

conductors jumped up with such alacrity that they upset the pot of tea. They nervously unhooked a top-side sleeping board and lifted my suitcase up for a pillow.

"Many thanks," I said to the agent.

"Please," he replied, turning and leaving without further comment. That is another side of the "gay-pay-oo"—courteous, sensible and accommodating —and so far as my experience in travelling went, I always found them so. An hour later the galloping foot artillery again summoned the "gay-pay-oo" agent. If I did not get a ticket immediately, I knew I would be so sound asleep on the hard board that I'd never know when the train started. The "gay-pay-oo" agent sent for the station agent, the latter reluctantly sent for the cashier. I got a ticket and went to sleep.

Stretinsk at 3 A.M. The train was an hour late, was enveloped in rain and darkness. The Chita agent had forgotten to guarantee sunshine. A quarter of a mile from the station, down a muddy road and across a shaky string of planks, was a ferry barge, 20 yards from shore. The steamer landing was on the opposite bank, a mile more of plodding through the mud and rain from the ferry. Two of-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

ficers were awakened by a demonstrative dog, barking and snapping at my heels as I sloshed aboard.

"Sure, sleep aboard, but we won't know how many passengers we can take until the office opens to-morrow," one of them said. "We have only six cabins, no restaurant, no bedding, don't cater much to passengers except gold miners and peasants who bring their own."

The much advertised steamship line might have shortcomings, but the officers were accommodating. The 2nd officer loaned a pillow from his cabin. The 1st officer donated a deerskin blanket which was warm though scant, leaving an alternative of covering either knees or shoulders. A sailor brought the tablecloth from the dining-room table for a sheet. It was the only one. Passengers ate on the oilcloth during that voyage, for I turned in early.

Dreams that I was either a traffic cop in Nero's Rome or a ballet dancer in a Methodist hereafter awoke me in the night. We were on the chilly Amur, but the cabin was suffocating. A young man who had the third bunk had closed both windows and turned on the steam. A window was opened, sweet slumber returned until the chilly youth dreamed he had missed the last airship jitney at the

Generated on 2022-06-24 07:19 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:41 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

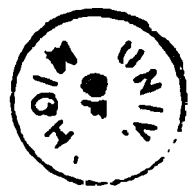
Digitized by Google

A Lumber Raft, and Floating Home, on the Amur

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:20 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

North Pole, and it was closed again. Temperamental nightmares kept the sliding window busy until the angry passenger, outnumbered two to one, retired to the engine room. He was an employee of the commissariat of transport in Moscow, taking a vacation on an unlimited pass. More cooperation was shown the following night. The deck watch, for a consideration, opened the window every time he passed.

"I'll die in Siberia, never get back to Moscow," he complained, muffled in the dining salon.

That afternoon we nosed up to the shore by a little village. The jolly middle-aged fur buyer bought a magnum, a 3¼ quart bottle, of vodka at its only store. He and his wife were on their way towards another winter with the Tungus and he believed in celebrating before reaching that dismal north. They had left their eleven children behind. Each year she accompanied him, a striking model of domestic congeniality.

As the level lowered in the giant bottle that evening, the serious young man became warmer. For seven persons, the supply was ample. Everybody sang, harmony cracked but mellow. Dancing followed. A fox trot was called for. Much beating

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:20 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

time with hands and feet. A Caucasus girl returning to her husband, a soldier along the river, stepped a shuffling native dance. The young man joined in. The 3¼ quarts were gone and a bottle of Chinese bootleg appeared.

"Leave all the windows open, my lungs are all right, I'll never be cold again," he announced as daylight was breaking.

All the first day, between the picturesque winding banks of the Shilka, hills and villages nestling in the valleys, it rained. The genial agent for one of the Siberian cooperatives and his wife had talked two young men into trading cabins. They soon discovered that he had blandished them into a leaky cabin. An argument started and one of the wet and wrathy young men called the tricky trader a Jew. Calling a Jew a Jew is against the law in Russia and the Hebrew couple, the legal designation, loudly declared the young men would be turned over to the "gay-pay-oo" at the next landing. One of the young men disclosed himself as a "gay-pay-oo" agent and the captain was called to quell the noise.

"Never mind, they'll all be leaking in half an hour," he consoled them, referring to the cabins.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:20 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

A new tin floor might have been put on the upper deck but it had not been. Under private ownership before the revolution the steamship line was profitable. Under government ownership, with higher rates than before, they show a profit, but it is on the books only, not actual money. The steamers still run, getting more decrepit, more dilapidated, more out of repair, with less attention to schedules and service, every month.

A captain now is paid $36 a month during the summer while the steamer is running. Before the revolution a 1st officer received $87.50 a month through the year. A little steamer now has a crew of forty-eight, including four officers and four pilots, twice as many as before and all doing less work. The crew, changing with nearly every trip on the river, have their say in running the steamer, contributing to their imaginary importance, but not to the efficiency or economy of the service.

On this voyage, the water was low and the captain had been getting over the shallows by taking the least possible wood for fuel at every stop. At dinner time a sailor, the crew's representative, in fur hat, greasy canvas coat and muddy boots, came into the cabin and without formalities seated him-

Generated on 2022-06-24 07:20 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

self by the captain, who was eating with the passengers.

"The men don't want to load wood so often, you must take more at each stop," he informed the captain. The captain was annoyed.

"Some people on this ship know their business, a lot of others don't," he replied. The sailor got pencil and paper and wrote a protocol reporting the captain to the higher officials.

The captain ordered a sailor on watch in the bow to take soundings over the mudbanks.

"Nietchevo, never mind, plenty of water," the sailor replied, not even glancing at the sounding pole.

The steamer ran aground, and half a day was needed to get her off, but it made no difference. At another time, the steamer was tied up to take on wood from the many piles along the banks. Most of the passengers also were ashore. Two girls, in a spirit of fun, wanted to carry a load. The sailors sat on the bank while the girls piled it up and carried it aboard, 15 minutes wasted. After three hours' leisurely loading, the captain was ready to start, the whistle had blown, two sailors were piling the last load.

Generated on 2022-06-24 07:20 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"Hurry!" the captain shouted from the bridge.

"Plenty of time," a sailor replied, stopping work to hold a conference with his comrades on the subject of hurrying.

The captain kept silent. In time the scattered sticks were piled into a load. To cap it off and keep up the fun, another sailor was hoisted on top and carried aboard.

"This is not so good a captain as the one who the other steamer," said Nikolai Konstantinovitch, my companion.

As Nikolai's previous voyaging had been largely on foot or on four wheels, his standards of seamanship might be interesting.

"He cursed the sailors frightfully, called them terrible names," he explained as the qualifications of a good captain, and the Russian vocabulary is unusually rich in the words of able seamanship. Soviet sailoring is a happy frolic for the sailors, but a serious joke for the government shipping trusts. Until the ships wear out, everybody will enjoy it and be happy.

Generated on 2022-06-24 07:20 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XXI

A FIGHTING FRONTIER

ICE covered the water buckets on deck, and the hillsides were white with frost, when our steamer tied up to the river bank at the little village of Valinda, and two planks were run out to the shore. Down from one of the log houses, six soldiers were carrying a comrade on a stretcher, cause for the unusual stop. He had been wounded, three nights ago, lain all that time without medical attention until the boat arrived to take him down the river, two days more of riding to the hospital at Blagovestchensk.

"Just another brush with smugglers—happens nearly every night," an officer who came aboard explained.

The Amur, frontier between Soviet Russia and China, is long and lonesome and hard to guard. Sugar costs 19 cents a pound in Siberia and only 7 cents across the river in China. Textiles, silks, face powder, tobacco, cocaine and liquor are even eas-

Generated on 2022-06-24 07:21 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474046
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ier to carry and the profit is higher. Opposite every village on the Russian bank is a smaller one on the Chinese side, "two homes and three warehouses," as one passenger described them.

Many of the stores on the north bank are such in name only. In one village the entire stock in its single store consisted of six 3¼-quart bottles of vodka, two dozen bars of laundry soap, a shelf of "makhorka," the peasant substitute for tobacco, and a dozen packages of matches. On the Chinese side the stores are well stocked and the trade flows across the river and on through its secret channels far beyond the peasant villages on the bank, even to Moscow.

On cloudy summer nights, say the guards, a rowboat silently drifts across to a lonesome spot where someone is waiting for its contraband cargo. One may be captured, another shot, but there are always more to take their place and the trade never lags. In winter when the Amur is covered with ice, paths stretch across which are never trod in the day-time. The Hung Hutzes, the red-bearded bandits whom Marshal Chang Tso-lin, once a member, now cannot suppress, wearied of raids on their fellow Mongolians, dash across the river. Last win-

Generated on 2022-06-24 07:22 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

ter they went as far north as the railroad. One gang of forty-seven was captured by the Red soldiers, the leaders tried and shot, and the others are now in prison.

The American hi-jacker finds his counterpart in the Siberian "stopportchik," who thrives by preying on the smugglers, more desperate than even the bandits, his rifle ready to shoot any man. On the south bank of the Amur, opposite Blagovestchensk (Annunciation day), is the Chinese city of Sakhalin, shown on practically all maps as Aigun. Aigun is an old, abandoned city eight miles farther south, but it is the one named in stories of events in north Manchuria. Sakhalin is a young and flourishing city, a living monument to the profits of smuggling. That is its only excuse for existence at present, but it may loom large in the future as the slow march of events again brings closer an inevitable struggle between Japan and Russia for supremacy in eastern Asia.

Chinese brokers in Sakhalin customarily handle $10,000 worth of Russian roubles every day. The roubles came from across the river. Money paid to a Chinese broker in Blagovestchensk will be on deposit in any bank in China within a few days.

Generated on 2022-06-24 07:22 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

The commission charged is only 1 per cent. The deposit will be in American dollars and the roubles come back to Russia; the importation of money is permitted. Soviet police arrest the brokers on their side and the Chinese retaliate with a promise to shoot anybody having Russian roubles. The illicit banking lags for a time, but picks up again.

Sakhalin's stores carry stocks which are never found in a Mongolian village. Not more than a dozen persons cross—openly—between the two cities in a day. But the silk stockings, silk dresses, overcoats, English tobacco, anything which has a sale, find their way from the shelves in Sakhalin to Blagovestchensk and on through Russia.

Contrabanding is not a great secret or sin. It never is in its home neighborhood. It has laughs and occasional griefs. Three sisters, each with official acquaintances of a sort, did a flourishing business in dainty feminine wear. One of them cut the price of silk stockings, the other two lost customers, and a family row started which provided gossip for everybody in Blagovestchensk—except the customs guards.

A small launch makes trips across the river whenever there is a passenger. An official permit

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:22 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

(cost, $6) is necessary to cross in it. To get the permit, the foreigners must show that the trip is necessary for medical treatment, to see relatives or for scientific research. Nearly all foreigners and many Russians, though the permit is more difficult for them, are conducting "scientific researches" on the Chinese side. However, crossing takes time, at least 15 minutes, and few bother to take the trip.

"Tell a Chinese what you want and ask no questions," strangers are advised. "He will have it for you the next day. In winter when the river is frozen it comes across by cartloads."

Just now there are only political grumblings. Relations between Moscow and Marshal Chang Tso-lin, war lord of Manchuria, are far from cordial and the border cities are flurried with weekly decrees from either side. Sometimes the frontier is open, next day it is closed. The Soviet state monopoly of foreign commerce will prohibit imports of merchandise from the opposite shore or the export of money. The local Chinese chamber of commerce retaliates with a threat to shoot any person caught bringing goods from the Russian side. Smuggling is hampered but it does not stop.

Villages along the Amur show the marks of time,

Generated on 2022-06-24 07:22 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

the log houses weather-beaten and grey with rarely a new one in their midst.

"Quite a large village here," was remarked to a bearded peasant.

"Yes, we've a church and one house with a tin roof," he boasted.

On the Chinese side the plain stretches for a few miles to the foothills. On the Russian side the river skirts steep cliffs of granite, an occasional pine-wooded hill or a little stretch of level land with a settlement. Broad paths show like scars on the hillsides down which logs have rolled to be tied into rafts and floated down the river. In the swift current, manned by long sweeps at either end which swing them back and forth across the river, they can make 10 miles an hour. Some are Russian, others Chinese, hugging their respective banks, for Chang Tso-lin now does not permit Russians to have wood from the Chinese side. Some are immense affairs with five sweeps on each end and entire families aboard living in the bark houses. Others only have two sweeps a man at each.

The river coils snakelike around the mountains. Korsakova is the neck of a loop, half a mile across, and 27 miles around by river. Near Bososova is the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:22 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

famous smoking hill, or sacred burning mountain, of the Lamas. At night a dim glow shows through the smoke which covers it by day. The dull red is in stratas as if either coal or peat were burning between layers of sand. Occasionally a chunk breaks off and rolls down the side with a trail of sparks and fire. Report is that it has burned for hundreds of years, unquenched by rains or snows.

Through the centuries, the Amur has been a frontier little wilder or more lonesome than today. At Albazin, the ditch and thick walls of the mud fort which Khabarovsk built in 1651 still overlook the crumbling river bank. The indomitable Cossack who did so much to put Siberia under the black double eagle was making his last stand to wrest the Amur from China when that fort was built. Pigs now root in the ditch around the fort and his name survives in Khabarovsk, capital of Eastern Siberia, and Erofei Pavlovitch, a little station on the Amur railroad. Cossack, fort and Czar are gone, but Russia's slow penetration eastward still goes on.

Blagovestchensk is a contact point between Russia and Mongolia—sparks shoot across when the wheels revolve. It has been captured and recap-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:22 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-24 06:42 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

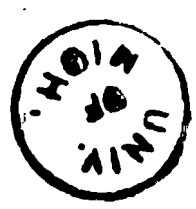
Digitized by Google

-- The Younger Generation Plays the Accordion in Choposh --

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

tured. Blood has been spilled on both sides of the river and considerable in between. Once the Russians gave the Chinese population so many hours to leave, drove them into the river to sink or swim, and few reached the opposite side. The Chinese made forays to the Russian side and the pinpricks continued for years, but now the shadow of a stronger power is looming over the river.

The Cossacks, steadily pushing eastward the frontiers of imperial Russia, came first to Blagovestchensk. Built on a point of land where the Zeya joins the Amur, the city thrived on the river traffic. Now the Amur railroad has been built—local wiseacres say it would have gone through Blagovestchensk instead of 68 miles to the north if the city had made a present of $100,000 to the engineers—and the river commerce has dwindled. Gold which comes down the river from mines on the Zeya and supplies which go up, timber floated down the Amur and a rich agricultural country are its visible sources of life. A new road to the gold fields will leave Blagovestchensk again by the wayside.

A Chinese railroad, but built and to be operated by the Japanese South Manchurian railroad, has branched from the South Manchurian between

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Mukden and Chanchung, and the rails already cross Mongolia to the Chinese Eastern railroad, 30 miles south of Tsitsikar. North of there the right of way is being graded. It will end at Sakhalin, opposite Blagovestchensk. Then if trouble starts, Japanese troops can be unloaded at Sakhalin before Red soldiers have travelled one-fourth of the distance across Siberia. Japanese warships will be patrolling the Amur from the Okhotsk sea, and the Maritime province, including Vladivostok, Russia's only Pacific port, will be cut off and in a fair way to remain a part of Japan.

Red-army soldiers now sit on the steep banks and look across at China, lumbering and smuggling are now the Amur's life, but it is a frontier which in a very few years may be crossed and echo to other rifle shots than those of the furtive smuggler and swaggering "stopportchik."

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER XXII

NO MORE REVOLUTIONS

"THIS is a government hotel," the bare-legged chambermaid explained when I asked for two sheets on my little iron bed. The reply was familiar. It may mean either that the government is not expected to furnish anything or that some official had issued a decree on the subject. In this case it was the latter, the government had decided that one sheet was sufficient luxury for any bed. A few hours later, she returned with a whiskbroom to agitate the accumulation of mud dirt and rubbish on the floor. That was the last seen of her until I was leaving four days later.

"This is a government hotel," the director explained when I suggested that the floors would not be injured by sweeping out the dirt tracked in from the muddy streets. No need of sweeping, being a government hotel it must be right. The same refrain was sung when the bill was presented. I

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474040
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

had arrived at 8 o'clock one morning, and was leaving at 10 o'clock on a later morning. The two hours counted as half a day.

"This is a government hotel," the cashier explained. "Less than six hours are half a day and six hours make a full day, a decree has been issued making it so."

Soviet Russia is a land where government decrees decide everything. A decree says that two hours are half of twenty-four or that six is equal to twenty-four, and it is so. A decree says that cold weather starts on Oct. 1, and though the pools are covered with ice and snow is on the ground in September, trains are not heated. Passengers may shiver until their teeth chatter, but they are not cold, for a decree has said that it is not cold until October.

One year a decree said that the port of Leningrad could be open all winter. The Gulf of Finland has been frozen each year for as many thousand years as it has been known to man, but that year it was to be different, for a decree had been issued. Ships with cargoes and passengers which must show respect to decrees laid their course for Leningrad. Possibly the destinies which control the seasons did not read the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

decree as published in the newspapers, for the gulf froze up as usual with the result that from thirty to forty ships were icebound for weeks.

A decree orders prices to go up or to go down. There is no comparison of relative profits on this or that commodity, the decree flatly orders a 10 per cent reduction in all prices. The state's margin of profits must have been exceedingly generous to permit such unscientific slashing. Production costs, producers' prices, popular demand or other factors of trade which weigh in other countries do not enter—a decree suffices.

Decrees prescribe the conduct for mankind, commerce, nations and nature. One serious obstacle to their potency is that nature, nations and commerce, even frail mankind, have certain rules of conduct and thought which have grown up through the ages and are difficult to change by a mere decree on paper. A decree, backed by authority, must be respected while the authority is right at the citizen's elbow but remaking human nature is a slower process, as the United States and other countries as well as Soviet Russia have learned.

Blagovestchensk once had a state-owned restaurant, as every city in Soviet Russia should have. Pri-

Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

vate restaurants paid taxes, then higher taxes and new regulations, until finally the proprietors were arrested and the largest ones closed. The state restaurant with all its advantages of taxes, rents and decrees and its disadvantages of management —everyone doing a maximum of managing and a minimum of work—continued to lose money, for even decrees cannot force citizens to eat. The state restaurant now is closed, the private restaurants are open again, paying their high taxes, paying high rents, paying the same union wages and serving better food at lower prices than the state restaurant could do. According to theorists on political economy, it should not be so, but to the man who eats and pays the bill it is so.

Private business flourishes in Blagovestchensk, as it does in other cities of Siberia, in competition with the state and cooperative stores. With its handicaps and selling over the counter at the same prices, that should not be true—in theory. The larger cooperatives have been long established, for the cooperatives flourished in Siberia before the revolution.

Many have had the same experience as that of a company which outfits here for its gold mines. The

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:23 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

manager wanted to patronize the state stores and visited them with his list of what was needed. None of them could supply all that he desired. Some had certain articles, others carried different articles but several of the things needed were not carried by any store.

"Don't have it," was the nonchalant answer.

"Can you get it?"

"No."

"Where can I get it?"

"Don't know, perhaps somewhere else." The managers of the state stores were not particularly interested. It was the same to them whether they sold anything or not, and going outside to get something for a customer certainly was too much effort. He went to one of the private stores.

"Leave your list and we'll see that it is filled and shipped," said the manager. "Anything we don't have in stock, we'll get for you."

That company's business remained with that store, an experience which may explain why state stores do not always prosper.

"Your documents, please," the bank clerk requested, deftly lighting a cigarette at the same time.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:24 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Before leaving Moscow, I happened to inquire at the State Bank of the Union of Soviet Socialist Republics, better known as the Gosbank, if the letter of credit of a Chicago bank could be negotiated at its branches in Siberia. The bank issues an imposing list of nearly all the cities in Russia where its branches conduct transactions "at home and abroad." Few persons go to find out. It was lucky that I inquired. In Siberia only Novosibirsk and Vladivostok would know what to do with a foreign letter of credit, and a special letter to each was necessary, advising them that I was coming. The bank issued its own letter of credit on other branches in a dozen cities with more letters to notify each of them of the existence of the document. It had just now been presented.

"Isn't that enough of a document?" I inquired. He shook his head.

"Also you have a letter from the main bank in Moscow with my signature," I added. "I'll sign my name again and you can compare them."

That should be enough but he must have a document, so well established is the document habit in Russia. I produced a printed calling card. It was not a document and being in Roman type, he could

Generated on 2022-06-24 07:24 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474948
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

not read it, but it was a piece of paper with words on it and would do.

"The cashier's office is not open," next he explained.

"When does it open?" I inquired, looking at my watch. He also looked.

"Ten minutes ago," he replied, "but the cashier has not come yet. He'll be here any minute," which sounded as familiar as "some of these days."

"All right, make out the receipt, that'll take half an hour and he may be here then," I suggested. He was an obliging, though slow, young man, lit another cigarette and sat down to the task.

My secretary arrived, out of breath from excitement or haste. He had been to the telegraph office.

"There's a telegram for you but they would not give it to me," he puffed.

"Did you show your document?" I asked, reprovingly, mindful of the paper I had given him four weeks earlier saying, in two languages, that he was working for me.

"Oh, yes, but they said it was old," he explained. Perhaps a month is too long for any Russian to be expected to stay in one job or that official may

Generated on 2022-06-24 07:24 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

have heard of Henry Irving's reply: "But this is dated yesterday," to a girl who presented a certificate of good moral character to qualify for the stage. I went to the telegraph office myself. My documents were in English, a language which the clerk could neither read nor understand, and the telegram was delivered.

The best comedy of documents was played once when I called at the office building of the Third Internationale in Moscow. In order to enter that building to see anybody in that Holy of Holies of Communism, a document must be presented at the front office, a clerk enters your personal data on a stub, tears off a red ticket which you present to the elevator man, who tears off a coupon which he keeps. Leaving the building, the process is reversed and the document returned. Possibly it discourages insurance agents and callers with pockets full of bombs. My document would not pass muster and was rejected. My secretary presented a letter which I had written, certifying that she was employed by me. That was acceptable for both of us. Though I was told that I had no standing, a personal letter from me was sufficient credentials for myself and another.

Generated on 2022-06-24 07:25 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"But this is sealed," the young woman clerk at the Blagovestchensk post office protested one morning when I presented a letter for registry.

"Of course, it's a letter."

"Letters going abroad must be inspected," she explained. "None can be registered unless we see what's in them."

"Suppose I drop one in a mailbox on the street."

"It will be sent to Moscow and opened there."

She produced the book in which all official orders were written, so many without an index that it took fifteen minutes to find the one wanted. It said there that all letters for foreign countries must be sent to Moscow if they were mailed sealed. Sometimes it is easier to find out, 5,000 miles from Moscow, what the vigilant censorship in Moscow is doing. Though practically all letters from the United States are opened, inspected and resealed before being delivered, and newspapers frequently cut, Moscow authorities insist there is no censorship. When the job is too bungling, the envelope is stamped "Received in damaged condition."

The young woman produced a battered pocketknife and I pried loose the back flap of the envelope. She took the sheets of paper into another office, re-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:25 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474040
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

turning a moment later with them badly mixed.

"It's all right," she announced. "You can send them."

Blagovestchensk is where Ungern von Sternberg, Baltic baron, held forth in his junior-officer salad days, a black sheep of the family but a protégé of the Czarina. In those days, aside from being an insatiable drinker, he gave no indication of the insane Sadism which marked his final mad career. Old ladies still tell how when the rather unkempt young officer would drop in for afternoon tea, he would always insist on a glass of water and the well-trained maid would bring him a brimming glass of fiery, colorless vodka.

"Very thirsty to-day, never take tea," he would remark, gulping it down and frequently taking a second.

He shunned women, but loved horses. His remittances and even his clothes he gave away to any who asked, living in squalor himself. On winter mornings, and winters are cold in Siberia, he would ride stark naked from the officers' barracks, horse and man into the Amur until both were submerged. His most notable escapade was when an intoxicated fellow officer started a fight and was arrested in

Generated on 2022-06-24 07:25 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:43 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

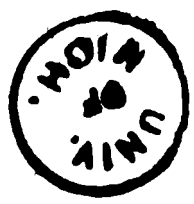
Digitized by Google

—Of the Vodka Factory Club All but One Met Violent Death—
[Ungern von Sternberg is holding the dog]

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:26 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Sakhalin. Collecting a company of volunteers, Ungern von Sternberg crossed the river, raided the Chinese garrison, released his comrade and brought him back. The Chinese protested at the hostile invasion but the Czarina saved the hot-headed officer from being disciplined.

After the revolution, he distinguished himself by ordering Mishka, the notorious mistress of Semeniov, his commanding officer, off the parade ground one day when he was inspecting his regiment. When Semeniov fled, Ungern von Sternberg went out on his own, heading a rapidly increasing band of desperadoes. He led them west through Mongolia, murdering and pillaging, and struck across the frontier at Bergia, nearly 1,000 miles from Blagovestchensk, laying waste the city. He had captured a wealthy Manchu princess from Peking and married her, teaching her to say: "I love the baron," in Russian, which she repeated parrotlike to every remark in a foreign tongue.

At Urga, he captured one of the half-dozen authenticated Living Buddhas and, like other ruthless bandits who have swept across Russian history, set up a barbaric court, murdering Jews and Russians and Chinese impartially. He started for Lake

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:26 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Baikal through the valley of the Slenga, aiming to cut East Siberia from Russia. The peasants, fighting for their lives, hung onto his flanks until the ragged but determined soldiers of the Far Eastern republic, coming from Verkne Udinsk, smashed the mongrel horde. The baron escaped, fled with a little band through Mongolia, possibly hoping to reach Latvia and the family estates, but was captured, taken to Irkutsk, tried and shot.

Blagovestchensk still is skittish. The prison on the outskirts has a population of 3,000 according to the authorities. A few weeks before my arrival, handbills urging the claims of Grand Duke Nikolai Nikolaivitch to the czar's throne were found on the streets. Arrests were plentiful and a few were shot. Nikolai's pretensions may be taken seriously in Paris, not in Siberia. The circulars, being in the new Bolshevik spelling, suggested a police trap. A priest was seen reading one and all the priests were arrested. The services were resumed the Sunday I left.

A dozen old men and women were sitting on benches in front of a big two-story house in Blagovestchensk, overlooking the Amur river, one cheerful afternoon when I sauntered past. A large sign over the door announced that it was a "Home for

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:26 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Aged Invalid Workers" maintained by the local committee. All of them had reached that autumn of life where rest is welcome if the wolf can be kept from the door.

Blagovestchensk cares for its young as well as for its aged. It is the only city in all Russia or Siberia, so far as my experience went, whose streets have neither beggars nor homeless children, the class for which so much is done in programs and so much left undone in reality. Everywhere else the beggars' cosmopolitan wail: "Give a kopek, no bread, hungry, no father, no mother," seems a national anthem. Blagovestchensk cares for its deserving and gets rid of others.

"I worked for fifty years, ever since I was a kid of 12," a neatly dressed old man explained, puffing at a pipe.

"I could split wood faster than that Chinaman there," he continued, pointing with the pipe. From the aroma of the outdoor tobacco he was smoking, he still was a strong man.

Down on the river bank, two Chinese were rolling logs ashore from one of the big rafts which had been floated down the Amur. On its outer edge was a fringe of fishless amateur Isaak Waltons. Two

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:26 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

other Chinese with a crosscut saw cut the logs into 3-foot sections as steadily as if driven by steam. Another was splitting each big chunk, a foot and a half in diameter—1-2-3-4-5-6 strokes of the axe, never one more or less—and it was halved. Three more swings and each half was a quarter.

"I had a home and a son but he was killed in the revolution," a bent, white-haired woman said, pausing in her knitting. "We are comfortable here but I'd rather be with my son. We want no more revolutions."

The revolution has given something to many, without it there might not be a "Home for Aged Invalid Workers" for one thing, but it has taken more from others. Even those who have gained something, official position or worldly goods or comforts, want no more revolutions. That is the one thing which a Russian who lives in Russia where he must face it, fears. Many demand different laws, new officials, lower taxes and fewer political sermons but they do not want a change of government, or of officials, if it means fighting, destruction and bloodshed to get it. They have paid enough in lives and money for wars and revolutions and the memories still are fresh.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:26 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

CHAPTER XXIII

LOST—ONE MASTODON

BEFORE leaving for Moscow, Blagovestchensk held two attractions—a view of the 2,000-mile railroad which is being built to Yakutsk and of a mammoth which had been dug up intact, frozen since prehistoric times. Both, according to the officially always accurate and actually occasionally reliable Moscow newspapers, were right here. A fried mammoth steak if not tasty would be a novelty. Two months' delay in arriving should not make much difference. After a few thousand years on ice a month more or less is not noticed.

The chairman of the Blagovestchensk district executive committee disposed of the railroad quickly. Actual construction had reached the stage of being a project. On that basis Moscow had announced the railroad, like many other things which are only projects. Also it would not come within 500 miles of Blagovestchensk, a mere trifle

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:26 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

to those not in Siberia to whom a thousand miles are only an inch on the map. However, the cutting of a wagon road through the forest had started and already the cost of freight to the Aldan gold mines had been reduced from $6.25 to $2.25, on a pood of 36 pounds. The gold fields which before were accessible by the trail over the mountains only in winter should be reached through the entire year and the road will cost $1,750,000, according to the chairman—which is considerable accomplished.

The mammoth which had been in cold storage since caught in his last snowstorm was harder to locate. The local museum has a mammoth's tooth, big enough to squeeze a tree into pulp, and the director is familiar with the local fauna as well as with the itinerant Leningrad explorers who always report some discovery to justify their expense accounts.

"No mammoth was discovered here, but a skeleton of one is in Khabarovsk," he said.

"No, the skeleton there is a whale," his scientific colleague explained. "The last frozen mammoth was found in 1806, and is in Leningrad. Only one other was ever found, in 1799."

They started to argue whether the Kharbarovsk

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:27 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

bones are those of a mammoth or a whale. I left. Khabarovsk was 500 miles down the river. No mammoth steaks being on the local market, I found a restaurant and ordered "beef Stroganov," which is courteous for hash.

"Yes, I know all about the mammoth, but I don't know where it is," a local newspaper acquaintance declared. "Around Chita the soil is sandy and the summers are so short that it never thaws more than four feet below the surface. When they dig up mammoths there [as if mammoths were dug like potatoes each season], they always are frozen."

I wandered out into the rain and met a leather merchant who shivered and said he felt a fever in his bones. We returned. He took a small glass of vodka, poured in a quarter of an inch of black pepper, stirred it up and it disappeared in one swallow. He said it was warming.

"Oh, yes, that mammoth," he soliloquized. "They found it about 500 miles up the Amur from here. Only it wasn't a mammoth, but a skull. It weighed 800 pounds. Then the workmen got into an argument whether they should have extra pay for scientific work—digging it up."

He shivered again.

Generated on 2022-06-24 07:27 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"Still a little fever," he said. I left before his eyesight got as good as that of the Leningrad professors and Moscow newspapermen. He might see a herd of mammoths.

At the hotel was a Moscow banker. He was another mammoth fan. He had just returned from the Yakut country, on business for his bank but indulging his hobby.

"Going down the river near Yakutsk, the bones of mammoths can be seen sticking out of the banks like white roots of trees," he started. "The Yakuts find any amount of them in their district and while the men are hunting, the women are picking up mammoth bones. A tooth is as large as this," indicating a healthy-sized Georgia watermelon, "and a tusk, like this," bringing his hands to football diameter.

"One of the islands at the mouth of the Lena is covered with mammoth bones," he continued. "They have been there for ages, disturbed only by the wild reindeer.

"In the winter these wild reindeer come by tens of thousands across the ice, raid the Yakut villages and take all the tame reindeer back with them," he explained. Between the kidnapping wild reindeer

Generated on 2022-06-24 07:27 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

and the government police who requisition the tame reindeer for food when they get too hungry, Yakut reindeer herders have a hard time. He unstrapped a basket and dug out three double-edged combs, like the old-fashioned fine-tooth variety.

"These are made by the Yakuts from mammoth tusks and are greatly esteemed," he said. Thus the mighty lords of the age primeval are fallen, their proud tusks combing cooties from dirty Yakut heads. Price of combs varied from 20 to 75 cents, tooth length increasing their livestock gathering capacity. They were unpolished and of dull yellow, not white ivory as elephant tusks or walrus teeth.

"If there is any market for mammoth bones abroad, I can supply an unlimited quantity," he continued, getting down to business. "A joint-stock company might be formed, say $50,000 at the start for travel and investigation, then a million, perhaps two or three, as it develops."

Mammoths and millions, airy talk which is so easy, big dreams and big figures which float over Soviet Russia.

"In the Aldan district, a miner may dig three or four funts of gold in a day," the chairman of the local economic council explained. "The district

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:27 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

is richer than the Klondike, richer than any gold region ever discovered."

The chairman quoted an American mining engineer, giving his name, as authority for this optimistic assay. As I knew that authority of old, genial hot-air merchant, neither an American nor an engineer, I wondered what contract he had negotiated by convincing all the officials that they were millionaires.

As a funt of gold is nine-tenths of an American pound, worth about $225 in London and the same in Blagovestchensk, a few hours' digging and washing may net $900, unusually good pay for a day's work. Also, in a lottery, a man may win a fortune, but there are more who don't win anything. The pot of gold at the end of the rainbow is luring men to the gold fields of Siberia, just as it has done for ages, men from the cities, peasants who have sold all, mining engineers and adventurers. The stories of the wealth to be picked up from the ground vary but little. Some say four funts a day, others say one, equally fabulous. But the stories of those who return over that soul racking trail are different and many never return to tell.

One of the three routes to the Aldan, the newest

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:28 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

and the richest of the Siberian gold fields, starts from Blagovestchensk though it actually leaves the railroad at Balshoi Never, 500 miles to the west. This is the winter route over which the road is now being cut through the mountains so that it can be used also in summer.

"Each spring thaw adds to the whitened bones of men, horses and camels which line that 675-mile trail," said one who had crossed. "Some have fallen and died alone by the wayside, overcome by cold or starvation. Others have been killed, for the law of the taiga is that only the man who shoots first lives. The first to shoot keeps his gold if the stranger has none, gets the stranger's if his own sack is empty. Because of the shortage of food and the disillusions, the government gives permission to only a few to enter the district. Hundreds of others evade the guards, brave the dangers and fight to make their way through. Usually a party is formed of 25 to 40 men and a woman to do the cooking. Forty women are said to be in that district with 7,000 men. Gruesome stories are told. Out of one party of twenty-five, only three survived. The woman, least needed, was eaten first. Civilization fades before the thirst for gold."

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:28 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Two other routes to the Aldan start from Irkutsk. The best one, available for a few weeks in the summer, is by steamer down the Lena to Lebedei and then up the Aldan river—2,400 miles. Another is by horse—900 miles. Either takes a month. The Aldan fields are along two creeks, cold and swampy country with neither agriculture nor game. The crudest of hand mining has been done, much has been wasted, and not enough engineering has been completed to know the actual wealth of life of the deposits. Concessions of the Lena Goldfields Company, Ltd., are in the district and the future development should be more scientific.

Nearer to Blagovestchensk are the Zeya, Amur and Hingan districts. Local authorities say between 18 and 19 tons of gold were taken from them this year. In the last two years private miners have been permitted to work, selling their gold to the government companies at a fixed price if working on the latters' claims or to the government banks at the market price if prospecting. Foreign companies also can get concessions in these older districts. One American company, after making borings, refused the concession which had been granted. Other foreign companies have just completed con-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:28 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

tracts with Moscow to make new borings in the same district.

Government mining even of gold has not returned the profit which was anticipated when all the mines were nationalized. Just as a good crop by the peasants does not indicate how much grain the government will be able to export at a profitable figure, ore in the ground does not mean that the government can mine and sell it at a profit, regardless of the tons of paper reports which show that it should do so.

Though the government received machinery as well as the mines of the old companies without cost, it is paying more to mine the precious mineral than it is worth on the market, according to engineers. The gold may be used for credit abroad and as security for the paper currency, which absorbs the loss, but by returning the mines to private companies the loss will be eliminated entirely. According to some, it costs the government 13 roubles to produce a zolotnik of gold, which is worth 4.75 roubles on the highest market. Others figure the government's loss from 17 to 23 per cent on every ounce of gold it produces, but all figure a loss.

High overhead charges for staffs of guards and

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:29 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

inspectors, office forces filling pages of reports and statistics, supervising officials with titles in lieu of experience, combined with wasteful mining and patched-up machinery, run up the costs. Recently forty Chinese were brought across the river to work for one rouble a day though the union wage at the mines is 2.50, which might indicate that profits are not eaten up by the workers. Dalzolta, Bolshevik nomenclature for Far Eastern Gold Mining Trust, is the government mining organization in Eastern Siberia.

Machinery for former private owners has been repaired and Dalzolta is producing gold, but it is cheaper for the government to buy it from private miners at the market prices. Consequently the private miners are invited to return and some are coming, for the gold is there.

Generated on 2022-06-24 07:29 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XXIV

PEASANTS AND PRINCES

BOCHKAREVO'S largest and only hotel—seven rooms, each 6 by 12 feet—echoed like a loud speaker with six stations on the same wave length when the proprietor unpadlocked a door and bowed me into a chilly cubicle, the only one empty. Instead of an ordinary lock in the door, each room had a hasp and padlock on the outside. The chief duty of the combination chambermaid, waitress and valet was to remind the departing guests that they, absent-mindedly, were carrying away a 2-pound padlock in a pocket.

The root of the Grand Hôtel de la Gare before the thrifty Armenian proprietor arrived in the frozen north with his grandfather, father, uncle, brother and favorite boy had been a one-room log house. Four steps and a porch, sufficiently long for a reasonable amount of Siberian mud to drop off before entering the door, were built at one end. Another second-hand log house was moved to the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:29 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

other end, making a restaurant and bar. A passageway was built around two sides of the old house connecting the front door, the only door, with the café. A shed was added for a kitchen, and with a Chinese cook, Chinese cooking being "all a samee food" whether the menu is in English, French, Russian or Armenian, the patchwork hotel flourished.

The original house was partitioned into seven rooms with a corridor down the center, a tin basin and a pail which occasionally contained water was put on a box near the entrance, and the hotel was ready for transients and many permanents, none in my broken-backed iron cot. This evening, from the starboard side of the thin partition came voices—a cat, a baby, three children and two women—fretful sardines in one of the little rooms. From aport, a deep bass proclaimed: "Tovarish, we must struggle, capitalistic nations—war, the workers' state"—a familiar refrain.

Across the hallway a door screeched and voices became louder. "I've 10,000 chervonitz and I'm going to spend it all on you to-night," boomed in enthusiastic tones. A chervonitz is equivalent to $5, and a large night in a small town was prom-

Generated on 2022-06-24 07:30 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:43 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Village Lifeboat Crossing the Road in Bochkarevo

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:30 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

ised. I looked out. Such a Siberian spendthrift was worth seeing. Three bearded, unsteady travellers, arrivals on an earlier train, arms around each other's shoulders, were disappearing towards the restaurant. At 3 A.M., when another train awoke the village and hotel, they still were there, singing soft and low, and later, at 8, the general host who talked in big figures was pensively sipping hot tea while a chill autumn wind from an open window cooled his vodka-fevered brow.

"Drosky to the station," the owner of the conveyance urged. He was in front of the hotel. It was 8 o'clock, the train was due at 9, and the informative driver advised me it was five hours late. Its arrival was the big event of the week. Everybody in the village knew when it would be there. The station was a hundred yards from the hotel and the village's only drosky seemed an unneeded luxury. Its use was soon demonstrated when I went to the barber shop. Only a mariner in drosky, boat or boots could navigate those streets.

The combination station, post-office and telegraph office was in an open-faced shed, intended for a lunch counter, under a tree. A man in an overcoat and a postmistress were there.

Generated on 2022-06-24 07:30 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"Yes, we send messages in English," he said.

With chilled fingers, it was carefully printed on a blank. He gazed at it thoughtfully, the Roman letters as clear as Chinese ideographs.

"But it must be written in an international language."

"Esperanto?"

"No, English, but I haven't these letters on my key, only the P and H."

As P is R, and H is N, in Russian, the key held small hope. It was rewritten in Russian.

"He's not the real telegraph operator," the postmistress defended the service. He warmed his numb fingers at the stove and counted out the change. However, the telegram arrived in Moscow, which was better than more linguistic offices accomplished.

Village excitement increased with hourly bulletins that the train continued to approach. The hotel was more confused than an army headquarters entraining a division. Two Japanese, one Norwegian and seven Russians, the latter from one room, were leaving. The interior factotum collected the padlocks and locked them in her room. In addition to the 10-cent tip, I donated a straw hat.

Generated on 2022-06-24 07:30 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

It was a good hat when I purchased it in Bucharest two years before but I had no more need for it in Siberia. Neither had she, but it was a novelty.

Bochkarevo is 68 miles from Blagovestchensk and by making only two stops, the train covers the distance in six hours. Then it rests another six hours and starts back. Its schedule is so arranged that the short 68-mile ride compels travellers to leave Blagovestchensk an entire day earlier in order to catch the once-a-week Vladivostok-Moscow express.

The express is scheduled to make the run of 5,831 miles in 242 hours and 40 minutes, of which 24 hours and 56 minutes are scheduled stops in 139 stations varying from 1 to 35 minutes each. There are as many more unscheduled stops, so that the train is usually late, which might be expected for such a run—the longest not only in Russia, but in the world. My train was three hours and forty minutes late in covering the 891 miles from Vladivostok to Bochkarevo, for which 42 hours had been allowed. At Viatka, a week later, it was on time and that night lost it again because a freight car ahead had done a favorite stunt of "falling off the track."

Generated on 2022-06-24 07:30 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

"My locomotive fell off the track," the station agent was wailing between vivid bursts of profanity to an admiring circle of porters when I bought my ticket. He had loaned one of his two locomotives to the town gang to do some switching. Like most stations in Siberia, it was five miles from town. Perhaps the city sights were too much for the country nag. Anyway it had "fallen off the track" and could not get back. Measures would be taken. Such is railroading in Siberia.

But the roads do run, which is no small accomplishment, considering the age of the rolling stock and the damage of the revolution. Sixty miles of wrecked bridges have been restored and any railroad man knows what that means. But what is turned out by Soviet shops hardly keeps pace with the deterioration from wear and tear, especially in passenger equipment, let alone caring for the increased demand, as everybody seems to be riding or struggling for a place on the crowded trains. Freight equipment it can supply, but business in that paying end of railroading is regrettably light and to a large extent a "paper revenue"—carrying cargoes for other government departments.

Rolling stock which was once put aside as worn-

Generated on 2022-06-24 07:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

out or damaged has all been repaired. The railroads have no more of even this second-hand reserve to draw upon. They must get new materials to replace the locomotives and cars which no longer can be tinkered back into shape. Russian shops can turn out freight cars and the boxlike "hard" cars for third and fourth-class passengers but their capacity for a locomotive or an upholstered passenger car is extremely limited. These must come from abroad. The same situation confronts other lines of industry; the old nationalized capital has been used up and new outside capital is needed.

Soviet Russia bought 120 locomotives from Sweden. Some stand outside of Leningrad, accounted for as a reserve. Another explanation is that they are too heavy for the present roadbed, an oversight which may have been profitable to somebody. Enough of the 320 Internationale Wagon-Lits cars to supply the through trains, nationalized after the revolution, continue serviceable. They are somewhat dilapidated, call bells do not work, soap and towels have long vanished, windows are cracked and sheets and pillow cases cost $1 a night extra, but prices do not show any signs of breaking. Officials and Communist-party members are

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

graded whether entitled to passes on Wagon-Lits, "soft" cars or "hard," but the Russian who pays his fare rides "hard," possibly uncomfortable but clean and just as fast.

In contrast are the private equipages of some officials. Others scorn luxuries and ride with the plain citizens. When Trotzky was on his latest "vacation" in the Crimea, well guarded by secret police, his private car from one of the former trains of the Czar, stood on a sidetrack for six weeks waiting to carry him back to Moscow. To have only one private car may be a hardship for Trotzky, who formerly monopolized an entire gilded train of the late Czar, but in the weeks that it was idle, it might have been a welcome conveyance for several hundred less influential citizens who are content to get merely a seat on a train. The freight car which brought the automobile of Kamenev, his sister-in-law and companion on the "vacation," also might have been busy carrying grain. Officials in a proletarian state, as in many others, must have their luxuries.

A cow which was strolling along the unfenced track provided the only accident of my long ride—fatal to her and to the dynamo under the Wagon-

Generated on 2022-06-24 07:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Lits. Wires were strung from another car and there was light that night until another belt broke. More patching and the light came from somewhere else. A few hot boxes, a cracked wheel to be replaced, airbrakes that occasionally locked, a sagging truck which made each night a gamble; but the train, like others, came through, slowly and without accidents. The Russian worker may be slow and have much to learn, but he is patient and persistent and the wheels of transportation, broken and worn, are not the only ones which he keeps moving. With proper training, with organization, if he gets it, he may be the equal of any.

Generated on 2022-06-24 07:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

CHAPTER XXV

MOSCOW OF TEN THOUSAND DOMES

THE judge wore a vest and white collar, the bobbed blonde who boasted that she was an agent of the "gay-pay-oo" taking her husband on a 12,000-mile joyride changed the sartorial scenery and the twenty Chinese in a "hard" car had recovered their voices. Moscow was in sight. The first of the 10,000 domes and its 1,600 churches cut the skyline. Moscow to a Russian is as Paris to a Frenchman or the old home town to the son of any other land. Moscow was welcome after eleven days on a train. Everybody knew everybody else, if not a speaking acquaintance at least by sight, and like real Russians knew the name, ancestors, business, politics and such other details as could be extracted by questions discreet or direct.

The judge was riding from Vladivostok. He was 62, had a wife 20 and a new addition to the family had convinced him that he was destined for higher sacks judicial. He had been a newspaperman, revo-

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

lutionist, minister in the cabinet of one of the smaller republics, worker in the United States, and a judge, but the baby was his proudest achievement. The judge's travelling outfit was blue denim overalls and jumper, open at the neck and showing an expanse of hairy chest whether snow or rain filled the air at stations where everybody broke out for air. In the excitement of celebrating both son and departure an unsympathetic pickpocket had relieved him of his wallet—most indiscreet if the judge returned. To-day he allayed the suspicion that his wardrobe also had been stolen.

The fair detective who occasionally exercised her meek husband on the platform, sported the new-fad stockings which spread over Europe this summer like prickly heat. Flesh-colored calves and a darker shade in stripes above the ankle—at a distance they give the impression of knee-length skirts, bare legs and socks. They were part of the scenery of Vladivostok. At Chita, with 2,000 miles gone, a rash Japanese made a bet that the ensemble would change at Novosibirsk, 1,500 miles to go. A Frenchman, more cautious, put his money on Sverdlovsk, 1,000 miles farther, where Siberia is left behind. A Russian, knowing his country and

Generated on 2022-06-24 07:31 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

his people, picked Moscow, 6,000 miles, and the Russian won.

Then there was the professor in the railroad institute, a methodical man. Aside from 40 cents lost at cards, strictly against the law, the professor had two other problems on his mind—to walk 3 versts (2 miles) daily and not to oversleep for his first lecture, several weeks hence. At each stop of the train he was the first on the platform, up and down with terrific strides, as a train may not wait for even a professor's daily dozen. Vladivostok is 8 hours ahead of Moscow. When it is 9 A.M. in the Gate of the East, it is 5 P.M. in the capital of Communism. The professor feared that when he got to Moscow he would awake some afternoon at 5 o'clock and find himself too late for his morning lecture. As the train rolled westward, each day had twenty-five hours. Each evening the professor left a call for what would be 8 A.M. in Moscow and after that disturbance kept himself and all others awake by reading aloud.

Russian nature is patient. Even the flirtatious colorado-maduro-tinted widow who had one of the bunks in the compartment with the professor and his wife and a locomotive engineer, did not protest

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:32 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Sukharev Tower, Built by Peter the Great in 1689, Is One of the Many So-called Gates Within Moscow.

Generated on 2022-06-24 06:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:32 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

against losing her beauty sleep. She boasted that her grandfather was a Syrian, rather dark. At Sverdlovsk, where the platform is lined with stands displaying the semiprecious stones of the Urals worked into pins and trinkets, she passed by such gewgaws for a shiny black devil of lead, also a specialty of the locality. With rare sentiment, she explained that she already had eight devils, each marking a widowhood. A debonair sheik from the Wagon-Lits presented her with the ninth before reaching Moscow—matrimonial experiences though numerous were fleeting.

The Chinese youths were embryonic students for the Sun Yat-sen University in Moscow. Half were from Shanghai, the others from Canton. The Soviet government, according to them, allowed each one 15 roubles a day for travelling expenses. They were from neither worker nor peasant families, merely good material for future agitators and politicians.

The Chinese lads had their special "gay-pay-oo" escort who, after eating their candy, smoking their American cigarettes and drinking the last of their Scotch, applied himself to the other favorite Russian occupation and slept. Other passengers were too awed by those protégés of the Communist party to

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:32 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

protest when they committed the cardinal sin of opening a window, or when they embarrassed women in the crowded car by stripping à la Adam and stretching out on the benches.

While their personal escort snored, the other hawkshaws assigned to each car snooped. At Khabarovsk, one of the Chinese ventured on the station platform with a little camera under his arm. He was promptly nabbed and taken to the station "gay-pay-oo" office, his colleagues trailing like the tail of a Chinese comet. They screamed in Chinese. The police orated in Russian. Nobody understood anything. A document was produced and the would-be photographer was put back on the train.

At Irkutsk, three days later, the uproar was repeated. The irrepressible Chinese had taken a photograph inside the car. A furtive sleuth telegraphed ahead from a way station, and when Irkutsk was reached a reception committee of secret agents was waiting. Again he was rushed to the police office in the depot and later released hugging the troublesome camera. It was surprising, for nobody had bothered me or even asked a question when I photographed.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:33 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

"He may be a Japanese spy," one of the detectives explained, letting out the secret.

It is only a small cloud in the sky so far, but the storm is expected to break again. The Amur railroad which gives Russia a line to Vladivostok entirely within its own territory is being double-tracked, work going on on bridges and culverts. New barbwire entanglements are around every bridge. Five frightfully camouflaged armored cars with 5-inch guns in their turrets are outside of Chita, ammunition dumps are along the railroad, and at Karimskaya a troop train was passed going towards Manchuria. Soviet Russia proclaims itself the most peaceful of nations but it proposes to be ready and Marshal Chang Tso-lin, its enemy in Mukden, may strike a spark which would set off an explosion at any time.

Russia always was a mysterious, shivery, scary country. Dangers increase with distance, both vanish together. The Moscow villager warns the traveller that he surely will freeze or be eaten by wolves in Siberia, the Amur peasant has vivid tales of plump Russians who have been carried into slavery by dashing dervishes of Turkestan, and the

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:33 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

sand-blown Moslem of those plains is sure that anybody who ventures into Moscow will either be killed by an automobile or arrested. Even in hectic Europe, going to Russia is considered an adventure, while from the other side of the ocean, if adventurous Daniel lived to-day, he would go to Moscow instead of to the lions' den.

Unfortunately for thrills in truthful stories of travel, Soviet Russia is neither dangerous nor unfriendly. The thrill is always 1,000 or 5,000 miles away. It does not have the conveniences and the ballyhoos to which annual subscribers to personally herded tourist parties are accustomed, but the traveller can go as he wishes and always find those, whether plain citizens or officials, who are ready and willing to aid him. Things move slowly and without system, with much talk and little organization, so why worry? Russia has much of the Orient. On a hillside in China is a tombstone which says: "He came here to hurry the East. He rests in peace." Russia can't be hurried.

"Open your baggage, please," said a customs inspector after I bought my ticket at Blagovestchensk.

"But why? I haven't been outside of Russia."

Generated on 2022-06-24 07:33 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google
Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 06:44 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

St. Basil's in the Red Square of Moscow

Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:34 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

"All right, nietchevo," he agreed and I passed on.

"They'll inspect it on the train, many times—Chita, Irkutsk, Omsk, and again at Moscow, which is the worst of all," explained one of those omniscient travellers who are in every party.

"Why worry until then?"

There was no inspection, nor any other trouble, and anyway baggage inspections are nothing to a traveller in Europe who may cross six frontiers in a single day. We were in Moscow and the crowded train was emptying like children out of school. Leading the procession were the conductor and the schoolmaster.

"Let's have a cup of tea and a bite," I suggested.

"Haven't time, I must write the report of the trip. It'll take two days," he excused himself.

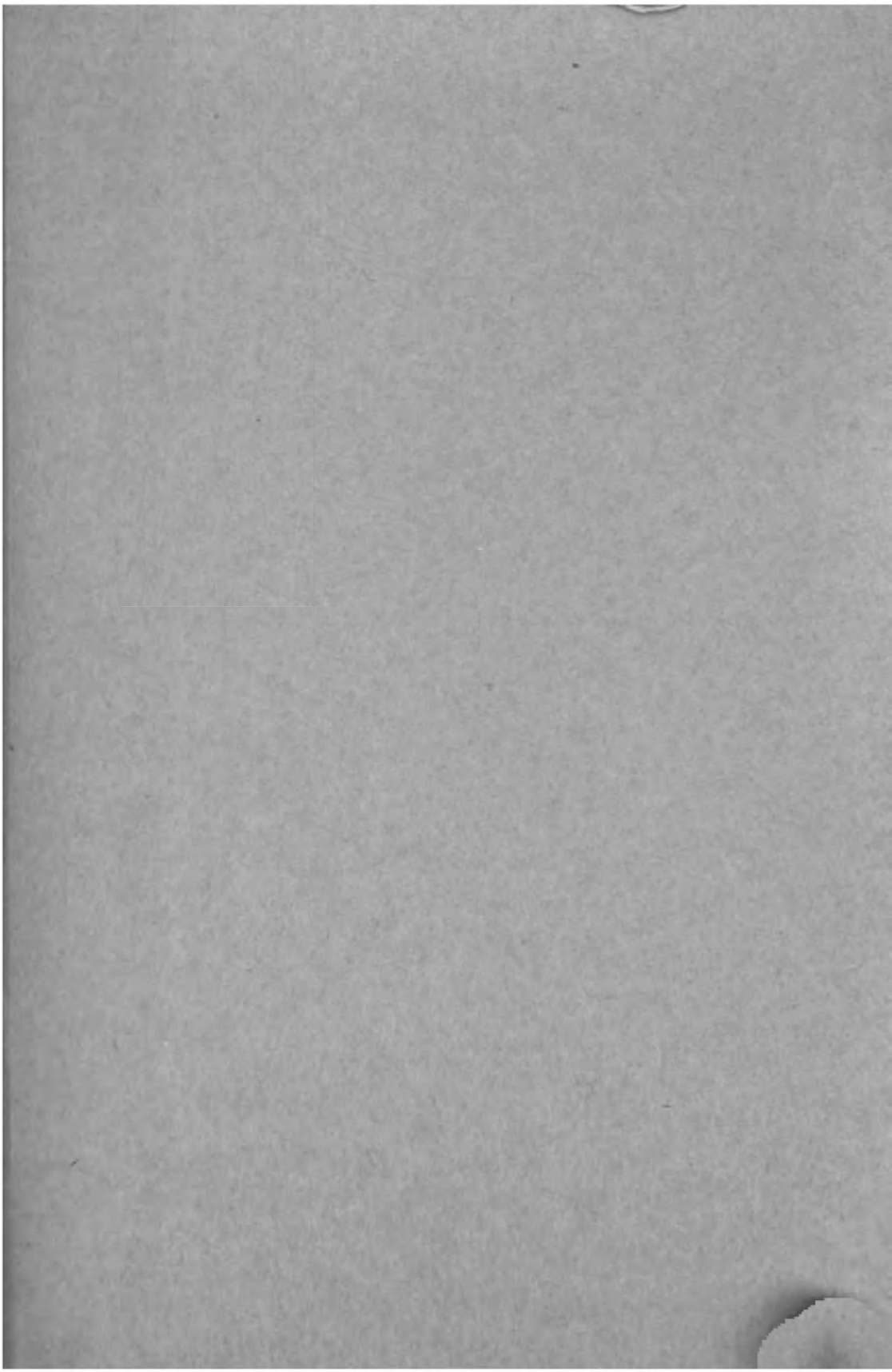
Russian railroads may have shortcomings as railroads, but their collection of reports beats all others.

Digitized by Google
Original from UNIVERSITY OF MICHIGAN
Generated on 2022-06-24 07:34 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Generated on 2022-06-24 07:36 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

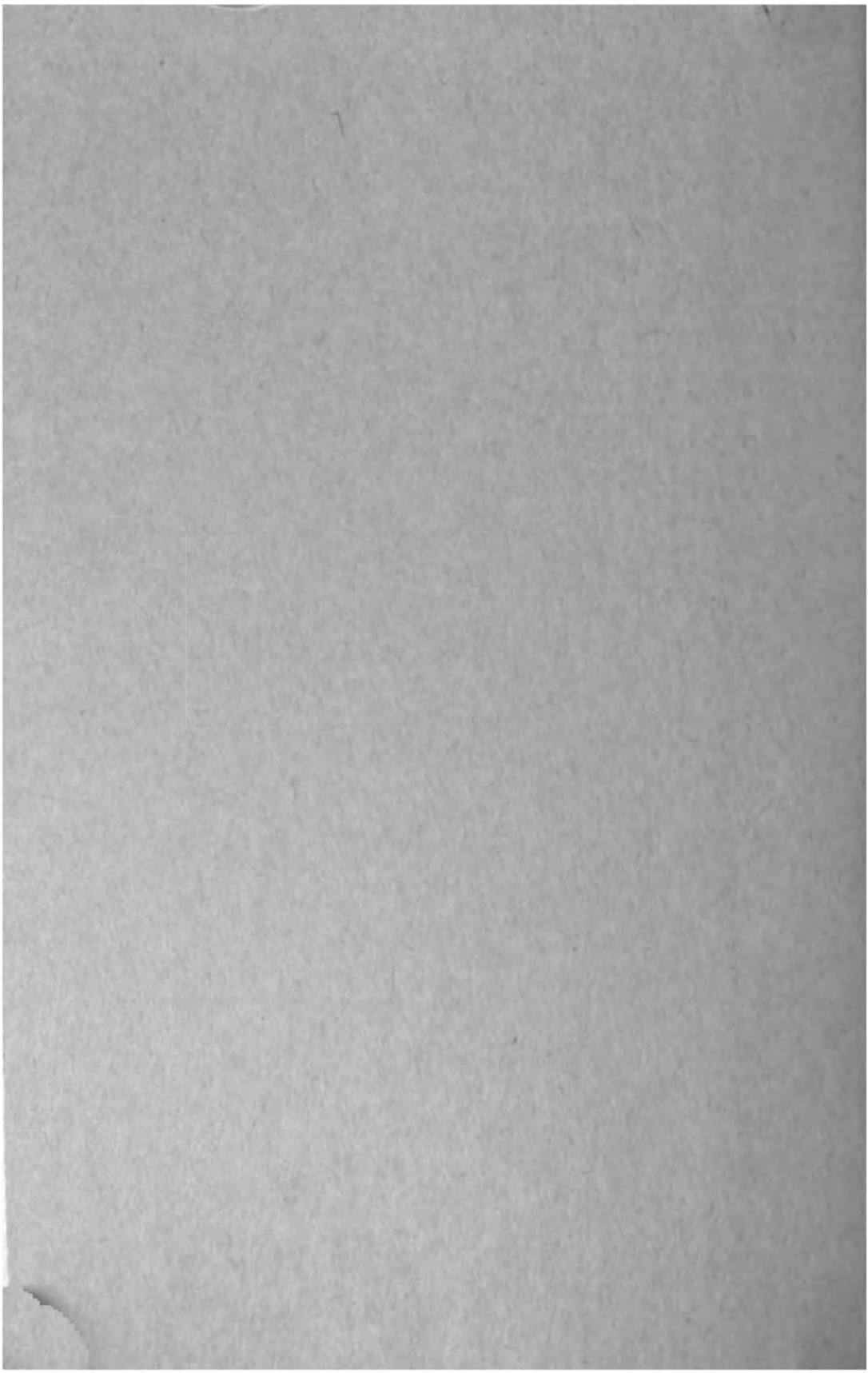
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:38 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

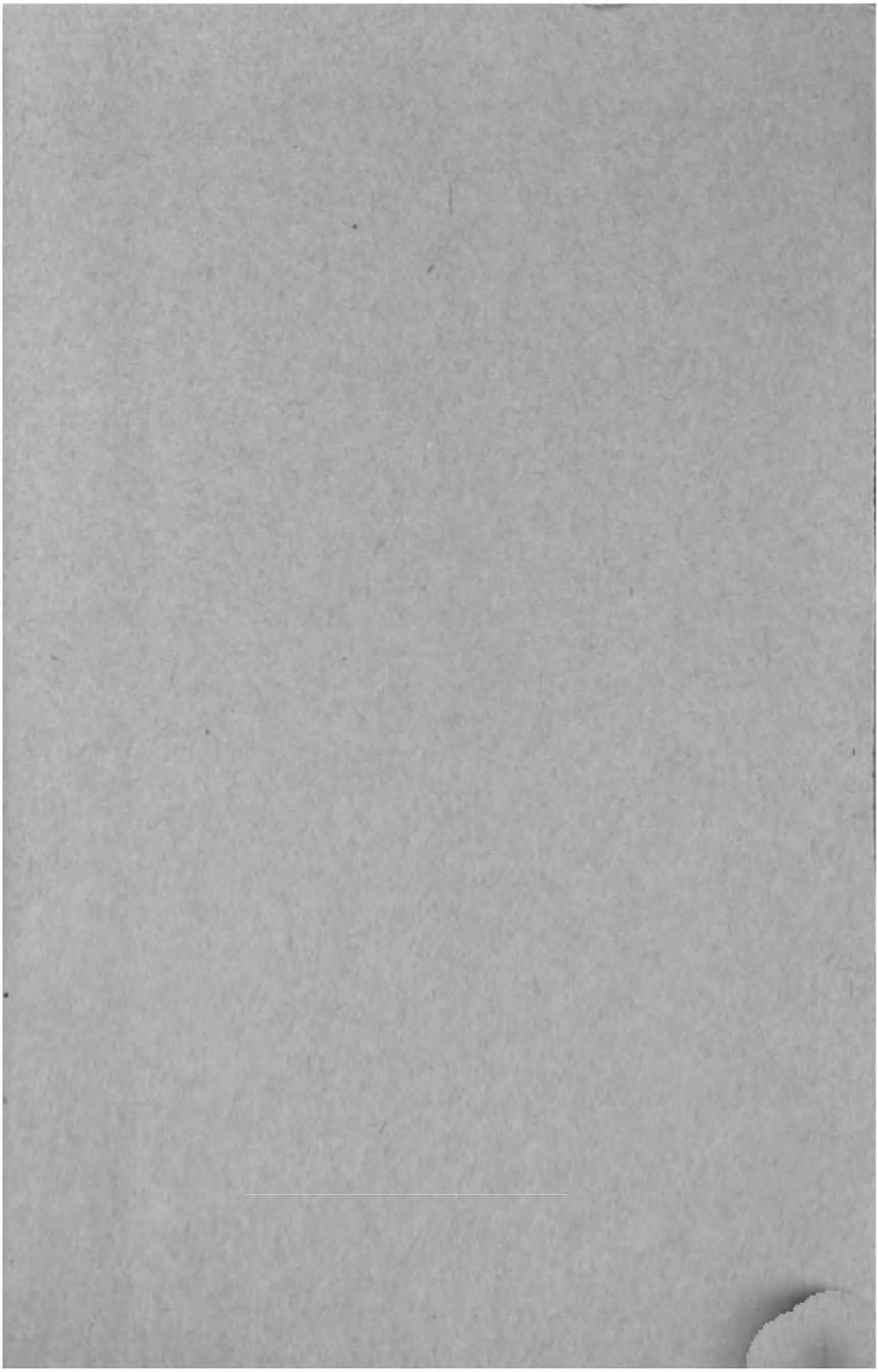
Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:38 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:38 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

BOUND

MAY 11 1950

UNIV. OF MICH.
LIBRARY

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02047 4048

1991

Generated on 2022-06-24 07:39 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN

Generated on 2022-06-24 07:40 GMT / https://hdl.handle.net/2027/mdp.39015020474048
Public Domain, Google-digitized / http://www.hathitrust.org/access_use#pd-google

Digitized by Google

Original from
UNIVERSITY OF MICHIGAN